

ISSN 2500-0217

№ 2 (64) 2021

Выпускается
с 2005 года

 **ИНСТИТУТ
ПРАВА**
Башкирский государственный университет

 **Правовое
Государство**
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Правовое государство: теория и практика

The Rule-Of-Law State: Theory And Practice

Тема выпуска:
Правовое регулирование геномных исследований

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: теория и практика
PRAVOVOE GOSUDARSTVO: teoriya i praktika
THE RULE-OF-LAW STATE: theory and practice

№ 2 (64) 2021

Общественно-политический и научно-правовой журнал

Издается с 2005 года

Журнал выходит ежеквартально [12+]

УДК 340.1+34(091)(05)

ББК 67.0я5

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Научный руководитель

Раянов Фанис Мансурович – доктор юридических наук, профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Абашидзе Аслан Хусейнович – доктор юридических наук, профессор (Российский университет дружбы народов, г. Москва);

Аззуз Кердун – доктор юридических наук, профессор, университет им. братьев Ахмеда и Башира Ментури, г. Константина, Алжир.

Арзамаскин Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор (Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

Боголюбов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

Еникеев Зуфар Иргалиевич – доктор юридических наук, профессор (Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан, г. Уфа);

Зайнуллин Руслан Ильдарович – кандидат юридических наук, доцент (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Леруа Кристоф – доктор права, профессор (Университет Перпеньян, Франция);

Липинский Дмитрий Анатольевич – доктор юридических наук, профессор (Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти);

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор (Председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан, г. Уфа);

Макарова Тамара Ивановна – доктор юридических наук, профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

Малевски Гендрик Мариянович – доктор права, профессор (Академия общественной безопасности Университета им. М. Ромериса, г. Вильнюс, Литва);

Нигматуллин Ришат Вахидович – доктор юридических наук, профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Петров Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор (Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск);

Сальников Виктор Петрович – доктор юридических наук, профессор (главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», г. Санкт-Петербург);

Семитко Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

Тлепина Шолпан Валерьевна – доктор юридических наук, профессор (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);

Халиков Аслям Наилевич – доктор юридических наук, профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Шабуров Анатолий Степанович – доктор юридических наук, профессор (Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Зайнуллин Руслан Ильдарович – кандидат юридических наук, доцент

Зам. главного редактора

Анисимов Владимир Александрович – кандидат юридических наук, доцент

Ответственный секретарь

Латыпова Наталия Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент

Члены редакционной коллегии:

Азнагулова Гузель Мухаметовна – доктор юридических наук, доцент;

Галиев Фарит Хатипович – доктор юридических наук, доцент;

Гизатуллин Равиль Хасанович – доктор юридических наук, доцент;

Касимов Тимур Салаватович – кандидат юридических наук, доцент;

Фролова Елизавета Александровна – доктор юридических наук, доцент;

Эксархопуло Алексей Алексеевич – доктор юридических наук, профессор

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

Редактор англоязычных текстов – З.А. Юсупова

Почтовый адрес издательства и редакции: 450005, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН:

- в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук;
- в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в научной электронной библиотеке elibrary.ru;
- в базу данных Ulrich

ОСНОВНАЯ ТЕМАТИКА ЖУРНАЛА:

- теоретические вопросы формирования правового государства;
- правовое государство в системе естественно-исторических закономерностей развития общества;
- правовое государство в системе обществоведческих институтов;
- принципы правового государства и практика законодательства;
- правовая жизнь современных муниципалитетов;
- правовое государство в системе юридической науки

ISSN 2500-0217

THE RULE-OF-LAW STATE: theory and practice

№ 2 (64) 2021

Socio-Political and Academic Law Journal

Since 2005

The Journal is published quarterly [12+]

УДК 340.1+34(091)(05)

ББК 67.0я5

EDITORIAL COUNCIL

Academic Supervisor

Fanis M. Rayanov – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)

EDITORIAL COUNCIL MEMBERS:

Aslan Kh. Abashidze – Doctor of Law, Professor (RUDN University, Moscow);

Azzouz Kerdoun – Doctor of Law, Professor, Mentouri Public University, Constantine, Algeria;

Nikolai N. Arzamaskin – Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Sergej A. Bogoljubov – Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Zufar I. Enikeev – Doctor of Law, Professor (Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan, Ufa);

Ruslan I. Zainullin – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor (Bashkir State University, Ufa);

Christophe Leroy – Doctor of Law, Professor (Université de Perpignan, France);

Dmitry A. Lipinskiy – Doctor of Law, Professor (Togliatti State University);

Ilona A. Makarenko – Doctor of Law, Professor (Chairperson of the Central Election Commission of the Republic of Bashkortostan, Ufa);

Tamara I. Makarova – Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Gendrik M. Malevski – Doctor of Law, Professor (Academy of Public Security of M. Romeris University, Vilnius, Lithuania);

Rishat V. Nigmatullin – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Alexander V. Petrov – Doctor of Law, Professor (South Ural State University);

Victor P. Salnikov – Doctor of Law, Professor (Editor-in-Chief of the Journal «Legal Science: History and Modernity», St. Petersburg);

Alexey P. Semitko – Doctor of Law, Professor (Liberal Arts University, Yekaterinburg);

Sholpan V. Tlepina – Doctor of Law, Professor (L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan);

Aslyam N. Khalikov – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Anatoly S. Shaburov – Doctor of Law, Professor (Ural State Law University, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Ruslan I. Zainullin – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

Deputy Editor-in-Chief

Vladimir A. Anisimov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

Executive Secretary

Nataliya S. Latypova – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

Editorial board members:

Guzel M. Aznagulova – Doctor of Law, Associate Professor;

Farit Kh. Galiev – Doctor of Law, Associate Professor;

Ravil Kh. Gizatullin – Doctor of Law, Associate Professor;

Timur S. Kasimov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Elizaveta A. Frolova – Doctor of Law, Associate Professor;

Alexey A. Exarkhopulo – Doctor of Law, Professor

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Bashkir State University»

Translation Reviewer – Z.A. Yusupova

Postal address: 450005, Republic of Bashkortostan, Ufa, Dostoevskiy St, 131

THE JOURNAL IS INCLUDED:

- in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of theses for Candidate and Doctor Degrees in Law Sciences should be published;
- in the Russian Science Citation Index (RSCI) and it is registered in the scientific electronic library elibrary.ru;
- in the Ulrich database

THE SCOPE OF THE JOURNAL COVERS THE FOLLOWING TOPICS:

- theoretical issues of the formation of the rule-of-law state;
- rule-of-law state in the system of natural history laws of social development;
- rule-of-law state in the system of social science institutes;
- rule-of-law state principles and legislation practice;
- legal life of modern municipalities;
- rule-of-law state in the system of legal science

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГЕНОМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Крюкова Е.С. Врачебная тайна в аспекте охраны генетической информации.....	11
Поваров Ю.С. Недопущение стигматизации по генетическим признакам: правовой аспект	26
Рузанова В.Д., Беляков В.И. Правовые проблемы использования биологического материала и генетической информации в медицинских целях с применением геномных и омиксных технологий	39
Хусаинова Р.И., Ахтямова Е.В., Миннихметов И.Р., Алсынбаева Э.М. Правовые проблемы применения современных методов пренатальной генетической диагностики в России.....	52

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Исхаков Э.Р. Ликвидация вспышки моровой язвы (чумы) в Москве в XVIII веке: историко-правовые аспекты	65
Рассказов В.Л. Деятельность коммерческих судов в Российской Империи в конце XIX – начале XX века	75

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Гизатуллин И.А. Разрешение судьей внепроцессуальных обращений – особая форма осуществления правосудия?	83
Зайнуллин Р.И. Некоторые аспекты производства очной ставки с участием несовершеннолетнего, пострадавшего от преступления.....	94

Инюшкин А.А., Кудашева П.С.

Проблемы правового регулирования оказания медицинских услуг:
права и обязанности пациента..... 100

Папышева Е.С.

Оптимизация прокурорского надзора в условиях цифровизации
уголовного процесса..... 113

Тарасов А.А.

Свидетельский иммунитет в уголовном процессе
как индикатор зрелости правовой системы..... 123

Трофимец И.А.

Акт гражданского состояния как вид информации и объект
информационных правоотношений..... 133

**ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Абадиха М., Латыпова Н.С.

Защита инвестиций на море в соответствии с инвестиционными
договорами: решение проблемы транснациональных инвестиций 150

Руденко В.В.

Участие негосударственных организаций в противодействии
коррупции в Польше: правовые основы и практика реализации..... 167

Хотько О.А.

Инструменты правового регулирования в сфере обеспечения
экологической безопасности транспортной деятельности в модельном
законодательстве и актах государств – участников Содружества
Независимых Государств..... 179

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ
ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Зайнуллин Р.И.

Криминалистическая защита прав несовершеннолетних потерпевших
и свидетелей. Постановка проблемы 194

Нигматуллин Р.В., Бисярина А.Н.

Миграционная безопасность в контексте противодействия
торговле несовершеннолетними в Российской Федерации205

РЕЦЕНЗИИ

Галиев Ф.Х., Исмагилов Р.Ф., Сальников М.В.

Актуальные проблемы науки о праве. Рецензия-размышления
на монографию С.И. Захарцева «Право: новые идеи и прочтения. –
М. : Юрлитинформ, 2021. – 440 с.»217

ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИЙ

Галиев Ф.Х., Газизова Л.М., Ямалетдинова Н.В.

Правовое государство в современном мире233

К АВТОРАМ.....242

CONTENTS

LEGAL REGULATION OF GENOMIC RESEARCH

Kryukova E.S. Medical confidentiality with regard to the protection of genetic information.....	11
Povarov YU.S. The avoidance of stigmatization on genetic grounds: legal aspect.....	26
Ruzanova V.D., Belyakov V.I. Legal problems of the medical use of biological material and genetic information using genomic and omix technologies.....	39
Khusainova R.I., Akhtyamova E.V., Minniakhmetov I.R., Alsynbaeva E.M. Legal problems of applying modern methods for prenatal genetic diagnostics in Russia	52

GENERAL THEORETICAL AND HISTORICAL PROBLEMS IN THE FORMATION OF THE RULE-OF-LAW STATE

Iskhakov E.R. Elimination of the pestilence (plague) outbreak in Moscow in the XVIII century: historical and legal aspects.....	65
Rasskazov V.L. Activities of commercial courts in the Russian Empire in the late XIX and early XX centuries	75

CURRENT ISSUES IN THE DEVELOPMENT OF SECTORAL LEGISLATION

Gizatullin I.A. Is the judge's resolution of extra-procedural applications a special form of implementation of justice?	83
Zainullin R.I. Some aspects of holding a confrontation involving a minor victim of crime.....	94
Inyushkin A.A., Kudasheva P.S. Problems in the legal regulation of the provision of health services: rights and obligations of the patient.....	100

Papysheva E.S.

Optimization of prosecutorial supervision in the context of digitalization
of criminal procedure 113

Tarasov A.A.

Witness immunity in criminal proceedings as an indicator of the maturity
of the legal system 123

Trofimets I.A.

The act of civil status as a type of information and the object
of information legal relations 133

**LAW OF FOREIGN COUNTRIES: PROBLEMS
OF THEORY AND PRACTICE**

Abadikhah M., Latypova N.S.

The investment protection at sea under the investment treaties:
Tackling the problem of transnational investments 150

Rudenko V.V.

Participation of non-governmental organizations in countering corruption
in Poland: legal framework and implementation practices 167

Khatsko V.A.I.

Legal instruments in the field of ensuring the environmental safety
of transport activities in the model legislation and acts of states – participants
of the Commonwealth of Independent States 179

LEGAL ASPECTS OF PROTECTING THE RIGHTS OF MINORS

Zainullin R.I.

Criminalistic protection of the rights of minor victims and witnesses.
Problem statement 194

Nigmatullin R.V., Bisyarina A.N.

Migration security in the context of counteracting trafficking
in minors in the Russian Federation 205

REVIEWS

Galiev F.Kh., Ismagilov R.F., Sal'nikov M.V. Current problems of the science of law. Review-reflection of the monograph by S.I. Zakhartsev «Law: New Ideas and Readings. Moscow, Yurlitinform Publ., 2021. 440 p.».....	217
---	-----

CONFERENCE REVIEWS

Galiev F.Kh., Gazizova L.M., Yamaletdinova N.V. The Rule-of-Law State in the modern world.....	233
--	-----

TO THE AUTHORS	242
-----------------------------	-----

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГЕНОМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

LEGAL REGULATION OF GENOME RESEARCH

УДК 347.15/18, 349

DOI 10.33184/pravgos-2021.2.1

КРЮКОВА Елена Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва, г. Самара, Россия.

E-mail: kr-elena1203@mail.ru.

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»: DOI: 10/1007978-3-030-32015-7_4; 10.1007/978-3-319-75383-6_29

ВРАЧЕБНАЯ ТАЙНА В АСПЕКТЕ ОХРАНЫ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ¹

В статье анализируются нормы российского и зарубежного законодательства о соблюдении врачебной тайны, выявлена специфика генетической информации в составе охраняемых медицинских сведений. **Цель:** комплексный анализ российского законодательства о врачебной тайне в аспекте охраны геномной информации. **Методы:** использовались общенаучные методы познания: анализа, синтеза, дедукции, индукции, системный, исторический, функциональный, сопоставления и сравнения, и частнонаучные методы исследования: формально-догматический, историко-правовой, правового моделирования, сравнительно-правовой, юридического толкования. **Результаты:** обосновываются выводы о необходимости обособления генетической информации в рамках правового режима врачебной тайны посредством введения исключений и (или) дополнительных правовых конструкций, позволяющих, с одной стороны, усилить охранительные меры, с другой – дифференцировать исключи-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14073.

тельные случаи раскрытия информации в целях защиты интересов родственников пациента либо обеспечения потребности в проведении научных исследований.

Ключевые слова: врачебная тайна; принцип конфиденциальности; генетическая информация; обезличенные сведения; научные исследования; пациент.

Важнейшим условием достойного и гармоничного существования гражданина в обществе выступает надлежащая охрана его частной жизни, что предопределило отнесение права каждого на ее неприкосновенность к числу основных конституционных прав и свобод (ст. 25 Конституции РФ). В доктрине под тайной частной жизни понимаются сведения об определенном человеке, не связанные с его профессиональной или общественной деятельностью и дающие оценку его характеру, облику, здоровью, материальному состоянию, семейному положению, образу жизни, отдельным фактам биографии, а также его отношениям с родственниками, знакомыми и т. п. [1, с. 30]. К числу общепризнанных составляющих частной жизни, гарантии сохранности и безопасности которой всегда занимали одно из центральных мест в рамках соблюдения соответствующего режима, относится врачебная тайна. Институт врачебной тайны известен с древнейших времен [2, с. 273]. Он лежит в основе всей медицинской деятельности, образует базу доверия между врачом и пациентом, а право на конфиденциальность таких сведений выступает, по сути, узловым звеном в ряду прав пациента.

В целом усиливающийся в последние годы в России государственный контроль в медицинской отрасли затронул и проблемы правового режима врачебной тайны. Судебной практике, к сожалению, известны случаи грубых нарушений принципа конфиденциальности: несанкционированное раскрытие медицинских сведений работодателям, кредиторам, страховщикам, несогласованное с пациентом сообщение их его родственникам и иным лицам¹. Вопросы соблюдения врачебной тайны неоднократно были предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ в аспектах правомерности обработки персональных данных, допустимости получения таких сведений работодателями, отказа от предоставления до-

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за III квартал 2005 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 3 ; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25.09.2014 № 10-3132/14 по делу № А64-4082/2012 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2021) и др.

кументации пациенту о его психическом здоровье, возможности получения информации представителем и др. [3, с. 40]. Статистические данные также подтверждают многочисленные прецеденты пренебрежения режимом врачебной тайны, причем самыми разнообразными способами, включая размещение информации в сети Интернет¹.

Острота стоящих в сфере здравоохранения проблем, включая и режим конфиденциальности полученной в ходе такой деятельности информации, волнует все мировое сообщество. Европейским судом по правам человека не раз подчеркивалась важность защиты медицинских сведений для обеспечения уважения частной и семейной жизни, гарантированного Конвенцией о защите прав человека и основных свобод ЕТС № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.), и обращалось внимание на особую ценность сохранения доверия к медицинской профессии и учреждениям здравоохранения в целом².

Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³ (далее – Закон об основах охраны здоровья) раскрывает понятие врачебной тайны посредством определения ее состава и устанавливает принципиальные правила ее соблюдения. Следует учитывать также положения Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»⁴, согласно которому сведения о состоянии здоровья гражданина относятся к специальной категории персональных данных и, как следствие, обособлены в части правовой регламентации. Гражданское законодательство, в свою очередь, содержит обобщенные нормы, касающиеся защиты всех нематериальных благ, и автономную статью, посвященную охране частной жизни гражданина.

Таким образом, система правового регулирования отношений по поводу соблюдения концептуального медицинского правила включает нормы законодательства в сфере здравоохранения и предписания, содержащиеся в актах информационного права.

¹ Абдрахманова Е.С. Врачебная тайна – порядок предоставления сведений и ответственность за их разглашение [Электронный ресурс] // Российская офтальмология : сайт. URL: <https://eyepress.ru/article.aspx?13085> (дата обращения: 20.05.2021).

² Постановление Европейского суда по правам человека от 25.02.1997 (жалоба № 22009/93) (извлечение) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.21).

³ Собрание законодательства РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

⁴ Российская газета. 2006. № 165.

Между тем, если обратиться к нормативной базе стран ближнего зарубежья, то, например, в ГК Республики Казахстан (ст. 144) в главе, посвященной нематериальным благам, можно увидеть право на охрану личной жизни и непосредственно врачебной тайны. Мы солидарны с высказанным в литературе мнением о том, что подобное выделение в перечне нематериальных благ на уровне отраслевого кодификационного акта определяет гражданско-правовую принадлежность и подчеркивает значимость такого объекта правоотношений [4, с. 52].

Некоторые авторы настаивают на необходимости именовать исследуемый институт медицинской, а не врачебной тайной, с учетом более широкого субъектного состава (помимо врачей), призванного ее соблюдать [5, с. 27; 6, с. 131; 7, с. 18]. Вместе с тем большинство, не заостряя внимания на указанной проблематике, рассматривают оба понятия как тождественные. Среди разноплановых определений врачебной тайны, представленных в литературе, нам импонирует подход А.Р. Шахметовой, рассматривающей врачебную тайну как информацию медицинского и немедицинского характера, составляющую частную тайну пациента, ставшую известной исполнителю из различных источников в ходе заключения либо исполнения договора оказания медицинских услуг [8, с. 248].

Ряд ученых относят врачебную тайну к личной тайне, другие исследователи квалифицируют ее в качестве профессиональной или служебной [9, с. 35; 10, с. 40; 11]. На этот счет согласимся с суждением О.С. Соколовой, полагающей, что в данном случае речь идет о возникновении множественности отношений по поводу одного и того же вида информации [12, с. 43]. В зависимости от субъекта, в отношении которого происходит квалификация таких сведений, и будет определена их видовая принадлежность.

Для полноценной характеристики названной правовой категории в теории выделяют ряд признаков тайны: комплексный характер (тесное переплетение разнородных сведений конфиденциального характера), профессиональный субъект, установление специального правового режима конфиденциальности информации, применение неблагоприятных последствий (мер ответственности) при ее нарушении [13, с. 35].

Согласно ст. 13 Закона об основах охраны здоровья врачебная тайна включает сведения об акте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении. В большинстве стран СНГ понятие и содержание врачебной тайны идентичны [14, с. 23]. В литературе небеспочвенно предлагается скорректировать

легальные элементы состава обозначенного понятия, заменив и расширив те из используемых законодателем формулировок, которые необоснованно ограничивают перечень сведений о пациенте исключительно состоянием его здоровья (то есть признаками заболевания) и конкретными этапами медицинской деятельности (только обследованием и лечением) [7, с. 20].

В русле стремительного развития биотехнологий, появления выдающихся достижений в области генетики и на фоне повсеместной информатизации соблюдения традиционных стандартов и применения сложившихся механизмов защиты медицинских сведений уже явно недостаточно, что свидетельствует о необходимости их масштабной модернизации. С учетом особенностей генетических сведений, составляющих в числе прочего врачебную тайну, все обозначенные проблемы приобретают иной окрас и осложняются дополнительными факторами. Так, спектр возможностей по получению и использованию генетической информации о гражданине неизменно растет, в свою очередь, увеличиваются и риски раскрытия сведений о генетических особенностях (заболеваниях) пациента третьим лицам.

Негативные последствия потери данных могут проявиться в различных отраслях общественной жизни: в сфере занятости, в финансовом, страховом и банковском секторе, в отношениях с коллегами и пр. Значимость проблемы демонстрируют и принятые на международном уровне меры по предотвращению дискриминации по названным характеристикам. В частности, право на уважение независимо от генетических данных и запрет на дискриминацию по этому признаку закреплены во Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека (ЮНЕСКО, 1997) и Конвенции о правах человека и биомедицине (Овьедо, 4 апреля 1997 г.). В свете сказанного в науке на данный счет совершенно верно подмечено, что проблема соблюдения врачебной тайны пациента не только не исчерпала ресурса для научного, а равно судебно-правового исследования, но, напротив, открывает свои новые грани [3, с. 35].

Генотипические данные уникальны, они касаются самого глубоко и потаенного биологического «измерения» личности – ее генетического наследия, и тесно связаны с такими личными аспектами, как происхождение, родство, прошлое и будущее состояние здоровья. Обладание соответствующей информацией может послужить важным фактором для принятия решений в социуме: выбор профессии, супружество, рождение детей, риски страхования и пр. То есть любые отклонения могут выступить дискриминационными основаниями [15, с. 145].

Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»¹ определяет геномную информацию как персональные данные, включающие кодированную информацию об определенных фрагментах дезоксирибонуклеиновой кислоты физического лица или неопознанного трупа, не характеризующих их физиологические особенности. В качестве объекта особой охраны генетические данные выделены многими международными актами, подчеркивающими потенциальную опасность любых операций с ними для соблюдения прав и основных свобод человека и в этой связи предписывающими обязательность принятия всего комплекса обеспечительных и защитных мер со стороны организаций, функционирующих в соответствующей сфере (ст. 15 Международной декларации о генетических данных человека, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО 16 октября 2003 г.).

В России обращение генетической информации также ориентировано на международные нормы и этические правила, в основе которых лежит добровольное согласие на использование информации и соблюдение режима ее конфиденциальности.

Как уже отмечалось, основу правового режима врачебной тайны составляет совокупность средств и методов правового воздействия, направленных на защиту конфиденциальных сведений о пациенте, обеспечение сохранности от доступа третьих лиц к информации, известной врачу (медицинскому работнику). Вместе с тем комплексный (многогранный) характер сведений, составляющих врачебную тайну, и своеобразие генетической информации обуславливают необходимость обособления порядка использования последней в уже заданных законодателем рамках.

Врачебная тайна является неотъемлемой частью тайны личной жизни, личным неимущественным правом, ограничение которого может иметь место в строго предусмотренных законом случаях. В свете сказанного в качестве общего правила в Законе об основах охраны здоровья закреплен запрет на разглашение сведений, составляющих врачебную тайну. Установленные исключения могут носить как согласованный, так и не согласованный с пациентом характер. Разрешительный вариант сформулирован достаточно широко и предполагает допустимость получения сведений другими гражданами, в том числе должностными лицами, в целях медицинского обследования и лечения пациента,

¹ Собрание законодательства РФ. 2008. № 49, ст. 5740.

проведения научных исследований, их опубликования в научных изданиях, использования в учебном процессе и в иных целях с письменного согласия гражданина или его законного представителя. Иной подход, напротив, содержит исчерпывающий перечень случаев предоставления названных данных без согласия их обладателя, которые обусловлены объективной необходимостью или особо значимыми публичными целями и интересами. В этом плане полезен опыт ряда зарубежных государств относительно порядка раскрытия информации помимо воли пациента. В качестве успешного примера можно привести нормы законодательства Дании, которые предусматривают неизвестный российскому праву институт «ознакомления (оповещения)» пациента при ограничении его права на врачебную тайну [16, с. 75], что, несомненно, усиливает гарантии его соблюдения. Появление подобного института в отечественном законодательстве видится нам вполне целесообразным, особенно касаясь возможного (допустимого) целевого использования генетической информации без согласия ее обладателя либо при наличии согласия с его стороны, но выраженного в обобщенном (неконкретизированном) виде.

Можно обозначить несколько проблемных моментов, возникающих в ходе реализации нормативных положений о врачебной тайне, применительно к генетической информации. Так, вызывают вопросы условия раскрытия таких сведений лечащему врачу, другому специалисту или родственникам пациента. В науке верно подмечено, что необходимость соблюдения врачебной тайны, режим которой возникает в рамках отношений «врач – пациент», «врач – пациент – врач», «врач – пациент – родственники пациента», является одной из классических проблем медицинского права [17, с. 180]. Закон настаивает на личном сообщении информации пациенту, в том числе принимая во внимание его право на отказ от получения информации (ст. 22 Закона об охране здоровья граждан) или нежелание ее сообщения кому-либо. Как следствие, врач-специалист не уполномочен по собственной инициативе передавать полученные данные лечащему врачу или иному специалисту. Однако четкая структура таких связей не определена законом.

Между тем в некоторых европейских странах прямо закреплено, что раскрытие конфиденциальной информации другим специалистам возможно только с согласия пациента (в российском законодательстве подобная норма отсутствует) [16, с. 77]. Учитывая, что генетические исследования проводятся врачом-генетиком, поднятый вопрос весьма

актуален при получении такой информации и дальнейшем взаимодействии с иным медицинским персоналом.

Кроме того, результаты генетического тестирования могут иметь особую значимость и для родственников пациента. Под пациентом традиционно понимается человек, в отношении которого осуществляется диагностика, обследование, лечение, реабилитация и т. д. Тем не менее применительно к генетике круг потенциальных лиц, о чьем здоровье может идти речь, увеличивается (родственники, планируемые дети). В такой ситуации нужны более гибкие инструменты, позволяющие при определенных обстоятельствах предотвратить риски и возможный вред другим лицам, нарушив принцип конфиденциальности. Например, применительно к ситуации с суррогатным материнством и лечением бесплодной пары некоторые ученые настаивают на том, что при применении названного метода пациентом является семейная пара (ошибочно, по мнению авторов, отсутствие понятия пациента с множественностью лиц) [18, с. 45]. Однако предлагаемый шаг может и не решить заявленных проблем. Полагаем, следует содержательно видоизменить сами правила, а не кардинально перестраивать субъектный состав правоотношений.

Этические вопросы, возникающие при проведении генетических исследований, не всегда однозначны. Перед врачом нередко стоит комплексная задача, неизбежно влекущая необходимость поиска компромиссных решений. В ряду таковых допустимость раскрытия информации о рисках развития наследственных заболеваний у родственников консультирующегося, не дающего согласие на ее сообщение последним, право на отказ от получения информации при наличии угрозы жизни пациента и др. Для принятия таких непростых решений в Японии, например, разработано «Руководство по генетическому обследованию», подчеркивающее весомость соблюдения не только прав пациента, но и членов его семьи, и рекомендующее согласованное с этическим комитетом раскрытие генетической информации родственникам в ситуации, когда полученные сведения действительно могут предотвратить заболевание семьи [19, с. 60].

Таким образом, полученная генетическая информация может быть адресована сразу нескольким лицам: пациенту, членам семьи, лечащему врачу, врачу-специалисту (врачам – при консультировании и диагностике несколькими медицинскими организациями), иному персоналу. При возникновении сложных взаимосвязей между указанными субъектами как договорного, так и внедоговорного характера необхо-

дима разработка охранительных правовых механизмов для защиты интересов не только пациента, но и иных заинтересованных лиц. Помимо этого, налицо потребность в установлении четких договорных и институциональных форм взаимодействия, позволяющих проконтролировать соблюдение принципа конфиденциальности.

В связи с информатизацией общества, внедрением электронных носителей информации, созданием универсальных баз и систем, в том числе в области здравоохранения, отношения по поводу обеспечения сохранности врачебной тайны нуждаются во всестороннем подходе в регулировании и повышении уровня ее охраны. Возрастающий объем медицинской документации, усложненный документооборот, особенно с учетом функционирования информационных баз, требует более пристального внимания к перемещению медицинской информации. Несомненна польза внедрения информационных технологий, способствующих повышению уровня развития здравоохранения по множеству показателей: оперативности действий, возможности системного анализа медицинской информации, внедрению новейшего оборудования, реализации адресных решений и осуществлению целенаправленного планирования. Вместе с тем растут и риски потери информации, особенно учитывая тот факт, что перечень лиц, имеющих доступ и обязанных соблюдать режим, увеличивается за счет провайдеров, операторов, администраторов систем, технического персонала и т. п. В свете сказанного требуют модернизации как организационные, так и технические защитные меры и средства, а существующие правовые механизмы должны быть скорректированы, принимая во внимание обновленный состав обязанных и ответственных лиц.

При характеристике правового режима врачебной тайны не стоит забывать и о принципе свободы научных исследований: государства должны уважать и блюсти свободу, необходимую для научных изысканий и творчества (Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1996 г.).

Научно-исследовательская работа может вестись как самими медицинскими учреждениями, так и иными специализирующимися по данным направлениям деятельности организациями, которые в целях повышения эффективности и результативности своей работы нуждаются в информационных ресурсах и осуществляют постоянный обмен данными. При этом важно отметить, что в соответствии с Регламентом от 27 апреля 2016 г. № 2016/679 Европейского парламента и Совета ЕС

«О защите прав физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободе их перемещения» последующая обработка персональных данных в общественных и научных интересах рассматривается как не противоречащая закону и не считается несовместимой с начальными целями. Упрощенный порядок предоставления информации в научных целях позволит многим медицинским и иным исследовательским центрам беспрепятственно осуществлять сбор данных для своих изысканий.

Конечно, при таком подходе присутствуют и риски необоснованного доступа к базам данных. В качестве выхода многими учеными предлагается допустить указанную обработку сведений о пациенте при условии их надлежащего обезличивания [17, с. 184]. Вполне возможно, на наш взгляд, использование неперсонифицированной информации для научных целей без согласия пациента либо в рамках более широкого (содержательно) согласия, данного им на дальнейшее применение полученных в отношении него медицинских данных. С одной стороны, такое разглашение информации вторгается в права пациента минимальным образом, с другой – способствует развитию науки. Однако проведение инновационных медицинских исследований с использованием обезличенных персональных данных сегодня сталкивается с юридическими препятствиями. Это связано с тем, что полное обезличение затруднено и, как следствие, нет возможности вывести обработку таких данных из-под строгих законодательных ограничений. Многие исследователи опасаются возможности реидентификации данных, поэтому настаивают на особых технических решениях для таких случаев [15, с. 185].

За нарушение врачебной тайны медицинский персонал и иные лица могут быть привлечены к дисциплинарной, гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности. В гражданско-правовой сфере в этом ракурсе целесообразна разработка дополнительных мер и способов защиты. Так, в науке неоднократно подчеркивалось, что в отличие от имущественных прав восстановить в полном объеме нарушенные неимущественные права невозможно в силу их природы [20, с. 11]. В этой связи охрана таких прав должна иметь свои собственные способы, поэтому ценными видятся теоретические предложения и рекомендации по усилению защиты некоторых личных неимущественных прав. В частности, как вариант, Д.В. Кархалёв предлагает предусмотреть в законе специальную компенсацию за нарушение права на частную жизнь гражданина, что позволит восстановить неимущественное

право в большем объеме, нежели результат, которого можно достичь, применяя общие способы защиты [20, с. 11].

Некоторые авторы указывают на необходимость введения особых механизмов правовой защиты генетической информации посредством закрепления их в специальном законе «О генетической информации» [15, с. 149]. Думаем, что с учетом значимости генетической информации, многогранности применения, множественности субъектов ее использования такой шаг вполне конструктивен. Тем не менее особенности ее правового режима в рамках врачебной тайны все же следует отразить в базовом законе в сфере здравоохранения, не опасаясь при этом дублирования норм специального законодательства в области генетики (находящегося еще в стадии становления).

Подводя итоги, следует обозначить несколько направлений модернизации правового регулирования для обеспечения полноценного использования генетических данных, составляющих врачебную тайну:

- вариация положений законодательства в сфере здравоохранения о врачебной тайне;
- корректировка правового режима персональных данных в аспекте специализации данных о здоровье граждан;
- приращение норм гражданского законодательства в части нематериальных благ;
- активация правил функционирования информационных систем в сфере здравоохранения.

Можно констатировать, что генетическая информация нуждается в обособлении в рамках правового режима врачебной тайны посредством введения исключений и (или) дополнительных правовых конструкций. Причем, с одной стороны, охранительные меры требуют усиления, принятия новых организационных и технических решений, с другой – допустимы исключения из общих правил (послабления режима) в целях защиты интересов родственников пациента либо при необходимости проведения научных исследований. Учитывая этическую составляющую возникающих вопросов, не менее значимым фактором в их решении может стать и более активное вовлечение в обозначенный процесс специализированных структур (этических комитетов, советов, объединений), способствующих надлежащему наблюдению и контролю за процессами, осуществляемыми медицинскими и иными организациями в сфере генетических исследований.

Библиографический список

1. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 40 с.
2. Татаренкова И.А. Из истории врачебной тайны // Ученые записки Орловск. гос. ун-та. Сер.: Естественные, технические и медицинские науки. 2014. № 7. С. 273–274.
3. Блохин П.Д. Врачебная тайна при жизни и после смерти (комментарий на полях определения Конституционного Суда РФ) // Медицинское право. 2018. № 5. С. 33–43.
4. Павлов А.В. Врачебная тайна в Республике Казахстан и в Российской Федерации: выборочный сравнительный анализ законодательства // Медицинское право. 2019. № 6. С. 49–54.
5. Петрухин И.Л. Личные тайны (человек и власть). М., 1998. 230 с.
6. Красавчикова Л.О. Личная жизнь под охраной закона. М. : Юрид. лит., 1983. 160 с.
7. Павлов А.В. О некоторых проблемах терминологии законодательства о врачебной тайне // Медицинское право. 2019. № 1. С. 17–23.
8. Шаяхметова А.Р. Врачебная тайна // Новая наука: опыт, традиции, инновации. 2015. № 7. С. 247–251.
9. Куранов В.Г. К вопросу о совершенствовании правового регулирования института врачебной тайны // Медицинское право. 2014. № 2. С. 34–38.
10. Папеева К.О. Некоторые проблемы классификации тайн в российском уголовном законодательстве // Научный поиск. 2014. № 3. С. 39–44.
11. Стрельников В. Профессиональная тайна: правовые проблемы // ЭЖ-Юрист. 2015. № 27. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=СЛ&n=88232#06409315127019595>.
12. Соколова О.С. Административно-правовые режимы конфиденциальной информации в системе специальных административно-правовых режимов // Современное право. 2005. № 8. С. 40–45.
13. Пушкарева А.Н. К вопросу о понятии и признаках врачебной (медицинской) тайны по законодательству Российской Федерации // Медицинское право. 2016. № 6. С. 34–38.
14. Помазкова С.И. Право пациента на врачебную тайну по законодательству стран постсоветского пространства // Международное публичное и частное право. 2015. № 6. С. 22–25.
15. Рассолов И.М., Чубукова С.Г., Микурова И.В. Анализ возможного применения к регулированию отношений по поводу генетиче-

ской информации институтов персональных данных, личной тайны, врачебной тайны // Lex Russica. 2020. № 4. С. 143–151.

16. Павлов А.В. Правовое регулирование общественных отношений по поводу врачебной тайны в Королевстве Дания и в Российской Федерации: сравнительный анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 4. С. 74–80.

17. Акулин И.М., Чеснокова Е.А., Смирнова К.М., Пресняков Р.А. Трансформация института врачебной тайны в эпоху электронного здравоохранения // Закон. 2019. № 9. С. 179–189.

18. Алборов С.В. Врачебная тайна в правоотношениях суррогатного материнства // Медицинское право. 2017. № 2. С. 42–46.

19. Варлен М.В., Машкова К.В., Зенин С.С., Барциц А.Л., Суворов Г.Н. Проблемы определения пределов государственного вмешательства в сферу организации и проведения геномных исследований с учетом практических и функциональных значений саморегулирования со стороны профессионального сообщества // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 8. С. 56–64.

20. Кархалёв Д.Н. Охрана частной жизни гражданина // Российская юстиция. 2015. № 5. С. 10–12.

Дата поступления: 28.05.2021

KRYUKOVA Elena Sergeevna

Candidate of Sciences (Law), Associate professor of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, Samara, Russia.

E-mail: kr-elena1203@mail.ru.

Articles in «Scopus»/«Web of Science»: DOI: 10/1007978-3-030-32015-7_4; 10.1007/978-3-319-75383-6_29

MEDICAL CONFIDENTIALITY WITH REGARD TO THE PROTECTION OF GENETIC INFORMATION

The paper analyzes the rules of Russian and foreign legislation on the observance of medical confidentiality and identifies the specific nature of genetic information in protected medical information. **Purpose:** to analyze the Russian legislation on medical confidentiality with regard to the protection of genomic information. **Methods:** the author uses general scientific methods of cognition: analysis, synthesis, deduction, induction, system, historical, functional, juxtaposition and comparison.

Such special scientific methods are used as formal-dogmatic, historical-legal, legal modeling, comparative-legal, legal interpretation. **Results:** the conclusions are substantiated on the need to separate genetic information within the legal regime of medical confidentiality by means of exceptions and (or) additional legal structures which, on the one hand, enhance security measures, on the other hand, differentiate between exceptional disclosures in order to protect the interests of the patient's relatives or to meet the need for scientific research.

Keywords: medical confidentiality; confidentiality principle; genetic information; depersonalized information; scientific research; patient.

References

1. Maleina M.N. *Lichnye neimushchestvennyye prava grazhdan (ponyatie, osushchestvlenie, zashchita)*. Avtoref. Dokt. Diss. [Personal non-property rights of citizens (concept, implementation, protection). Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 1997. 40 p.
2. Tatarenkova I.A. History of medical secrecy. *Uchenye zapiski Orel'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennyye, tekhnicheskie i medicinskie nauki* = *Scientific Notes of Orel State University. Series: Natural, Technical and Medical Sciences*, 2014, no. 7, pp. 273–274. (In Russian).
3. Blokhin P.D. Medical privacy during the lifetime and after death (a commentary on the ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation). *Medicinskoe pravo* = *Medical Law*, 2018, no. 5, pp. 33–43. (In Russian).
4. Pavlov A.V. Medical secrecy in the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation: a selective comparative analysis of laws. *Medicinskoe pravo* = *Medical Law*, 2019, no. 6, pp. 49–54. (In Russian).
5. Petrukhin I.L. *Lichnye tajny (chelovek i vlast')* [Personal secrets (man and power)]. Moscow, 1998. 230 p.
6. Krasavchikova L.O. *Lichnaya zhizn' pod ohranoj zakona* [Personal life protected by law]. Moscow, YUridicheskaya literatura Publ., 1983. 160 p.
7. Pavlov A.V. On some issues of terminology of laws on the physician-patient privilege. *Medicinskoe pravo* = *Medical Law*, 2019, no. 1, pp. 17–23. (In Russian).
8. Shayakhmetova A.R. Medical secrecy. *Novaya nauka: opyt, tradicii, innovacii* = *New Science: Experience, Tradition, Innovation*, 2015, no. 7, pp. 247–251. (In Russian).
9. Kuranov V.G. On the issue of improvement of legal regulation of the institute of medical confidentiality. *Medicinskoe pravo* = *Medical Law*, 2014, no. 2, pp. 34–38. (In Russian).

10. Papeeva K.O. Some problems of classification of the mysteries in Russian criminal law. *Nauchnyj poisk = Scientific Search*, 2014, no. 3, pp. 39–44. (In Russian).

11. Strel'nikov V. Professional secrecy: legal problems. *EZH-Yurist = EZh-Lawyer*, 2015, no. 27. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=88232#06409315127019595>. (In Russian).

12. Sokolova O.S. Administrative and legal regimes of confidential information in the system of special administrative and legal regimes. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2005, no. 8, pp. 40–45. (In Russian).

13. Pushkareva A.N. On the concept and elements of medical secrecy under the legislation of the Russian Federation. *Medicinskoe pravo = Medical Law*, 2016, no. 6, pp. 34–38. (In Russian).

14. Pomazkova S.I. Patient's right to medical confidentiality under the legislation of the post-Soviet countries. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = International Public and Private Law*, 2015, no. 6, pp. 22–25. (In Russian).

15. Rassolov I.M., Chubukova S.G., Mikurova I.V. Analysis of Possible Application of Personal Data, Personal Secrets, and Medical Confidentiality to the Regulation of Relations Concerning Genetic Information. *Lex Russica*, 2020, no. 4, pp. 143–151. (In Russian).

16. Pavlov A.V. Legal regulation of public relations on the medical secrecy in the kingdom of denmark and in the Russian Federation: a selective comparative analysis. *ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2017, no. 4, pp. 74–80. (In Russian).

17. Akulin I.M., Chesnokova E.A., Smirnova K.M., Presnyakov R.A. Transformation of medical privacy in the era of digital health. *Zakon = Law*, 2019, no. 9, pp. 179–189. (In Russian).

18. Alborov S.V. Medical secret in surrogacy legal relations. *Medicinskoe pravo = Medical Law*, 2017, no. 2, pp. 42–46. (In Russian).

19. Varlen M.V., Mashkova K.V., Zenin S.S., Bartsits A.L., Suvorov G.N. Issues of determination of limits of state interference with organization and carrying out of genomic research considering practical and functional values of self-regulation by the professional community. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-government*, 2019, no. 8, pp. 56–64. (In Russian).

20. Karkhalev D.N. Protection of the private life of a citizen. *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice*, 2015, no. 5, pp. 10–12. (In Russian).

Received: 28.05.2021

УДК 341.231.14, 342.72/.73, 349
DOI 10.33184/pravgos-2021.2.2

ПОВАРОВ Юрий Сергеевич

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
гражданского и предпринимательского права Самарского
национального исследовательского университета
им. академика С.П. Королёва, г. Самара, Россия.
E-mail: cl-su@mail.ru.*

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»: DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(5).846-855; 10.1007/978-3-030-29586-8_67; 10.1007/978-3-030-13397-9_54; 10.1007/978-3-319-75383-6_29

**НЕДОПУЩЕНИЕ СТИГМАТИЗАЦИИ
ПО ГЕНЕТИЧЕСКИМ ПРИЗНАКАМ:
ПРАВОВОЙ АСПЕКТ¹**

Недопущение стигматизации конкретного лица, семьи, группы или общины – одно из ключевых начал сбора и использования генетических данных человека, однако правовая сторона реализации данного принципа пока не получила системного научного осмысления и законодательного воплощения в России. **Цели:** анализ предпосылок, сущности и последствий социальной стигматизации по генетическим признакам; установление соотношения понятий «стигматизация» и «дискриминация»; определение основных направлений развития отечественного законодательства в ракурсе противодействия указанной стигматизации. **Методы:** общетеоретические: формальной и диалектической логики; частнонаучные: юридико-догматический, правового моделирования, сравнительно-правовой. **Результаты:** выявлены главные факторы, обуславливающие повышенную опасность социальной стигматизации по генетическим признакам; приводятся доводы в пользу постулирования ущербности такого клеймения; доказываемся рациональность «ограниченного» нормирования соответствующего блока отношений посредством, прежде всего, установления нормы-принципа о недопущении стигматизации по генетическим признакам (что предполагает легальное дефинирование стигматизации, причем автономно от определения дискриминации).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14073.

нации) и разработки правил, касающихся надлежащего действия принципов согласия и конфиденциальности.

Ключевые слова: стигматизация; дискриминация; генетические данные; идентичность человека; согласие; конфиденциальность.

Общественную жизнь во все эпохи сопровождает упрощенное (во многом исходя из предрассудков) навешивание социальных ярлыков на те или иные группы людей. Современный век – не исключение, он также «характеризуется формированием массовости присвоения людям социальных стигм» [1, с. 105]. Корни этого процесса достаточно глубоки и объективны, ибо «любая структуризация социального пространства взаимодействия людей ... опирается на поиск механизма, позволяющего определить социальный атрибут человека (группы)» [2, с. 191].

Одним из крайних проявлений такого «экетирования» (в основном отрицательной коннотации) выступает социальная стигматизация (от древнегреч. «стигма» – ярлык, клеймо, пятно), под которой в самом общем плане можно понимать акцентуацию и априорный (некритичный) перенос некоторых негативных качеств на всех членов сообщества безотносительно к их действительным личным свойствам (при том что жертвы домыслов, как правило, подвергаются в той или иной степени социальному «ostracismu»¹). То есть стигматизация состоит в присвоении «ярлыков, дискредитирующих определенных людей в глазах общества, вызывающих их стойкую социальную изоляцию и отсутствие готовности взаимодействовать с ними как с равными» [3, с. 163].

Основоположником теории стигматизации, разработанной на стыке социологии и психологии, принято считать И. Гофмана, который трактовал стигматизацию как особый вид отношений между постыдным социальным качеством и стереотипом – ожидаемым отношением к нему, задающим неспособность к полноценной социальной жизни из-за лишения права на общественное признание [4, с. 100]. «Классическими» при этом стали три «правила стигмы»: во-первых, различия между людьми подчеркиваются и считаются наиболее весомыми; во-вторых, людям с отличиями приписываются предосудительные черты; в-третьих, люди делятся на «нас» и «их» [2, с. 194].

В настоящее время, с учетом очевидной многомерности и разнообразия форм социального «клеймения» (с точки зрения субъектного

¹ «Ярлык способствует закреплению индивида в статусе аутсайдера ... и ... переходу в девиантную культуру» (Сироткин Ю.Л. Стигматизация как социокультурный феномен // Вестник Казанск. юрид. ин-та МВД России. 2015. № 2 (20). С. 100–106).

состава стигматизируемых, причин стигматизации, степени ее институционализации и пр.), наблюдается активное расширение исследовательского поля стигматизации и, в частности, «дополнение ее психологической природы социокультурной составляющей. Это, по точному утверждению Ю.Л. Сироткина, не только психологический, а и социокультурный феномен» [4, с. 100]. Будучи «негативным социальным конструктором» [3, с. 163], стигматизация, особенно в свете ее масштабирования и почти неизбежного «обрамления» дискриминационными процессами, не могла не приобрести и юридического измерения (прежде всего, в криминологическом аспекте).

Итак, проблематика дестигматизации, или нивелирования радикальных проявлений «маркирования», охватывает самые разные сферы отношений. Соответственно, она приложима к различным субъектам и обсуждается в том числе в юридической плоскости. К примеру, она сохраняет сверхактуальность, когда речь идет:

а) об осужденных гражданах, тем более что, с одной стороны, истоки генезиса мер постпенитенциарного контроля «кроются в присущем человеческому обществу стремлении выделить, обозначить или изолировать нарушителя социальной нормы» [5, с. 59], с другой стороны, «чрезмерный социальный контроль посредством стигматизации, если не прямо, то косвенно становится фактором развития девиантной идентичности». «Навешивание ярлыка, – резонно констатирует на сей счет Ю.Ю. Комлев, – при определенных обстоятельствах ... может усилить вероятность вторичной девиантности и привести к окончательному приятию девиантного статуса» [6, с. 6, 8];

б) о лицах, страдающих психическими заболеваниями, полноценная борьба со стигматизацией которых «выступает одной из главных задач общественного здоровья, ибо стигматизация и дискриминация больных способствуют их ... изоляции, создают препятствия лечению, а также воздействию ... профилактических программ» [1, с. 106]. Граждане, страдающие психическими расстройствами, по справедливому заключению Всемирной организации здравоохранения, «подвержены стигматизации, дискриминации, изоляции в любых социальных группах, что, в свою очередь, повышает вероятность нарушения прав человека» [7, с. 420];

в) о лицах с ВИЧ-инфекцией. Отрадно, что Государственная стратегия противодействия распространению ВИЧ-инфекции в Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденная распоряжением

Правительства РФ от 21 декабря 2020 г. № 3468-р, непосредственно оговаривает важность противодействия стигматизации таких лиц.

Специалисты обсуждают вопросы преодоления стигматизации и многих иных групп субъектов: детей, родители которых осуждены к лишению свободы [8, с. 70–86], женщин с нарушениями в развитии пола в спорте [9, с. 53–60], хакеров (их «стигматизация ... в качестве правонарушителей, – по словам А.И. Халиуллина, – препятствует реализации положительного потенциала ... привлечения к деятельности в сфере обеспечения информационной безопасности» [10]) и пр. Более того, понятие «стигматизация» используется не только в отношении физических лиц, но и, например, непризнанных публичных образований – квазигосударств, своего рода «политических антипространств» [11].

Проблемы эффективного противодействия стигматизации (расовой, этнической, социально-экономической, гендерной и пр.) находятся в центре внимания многих международных инстанций: Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации (см., к примеру, Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2017), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ от 15 ноября 2017 г.), Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам¹, Европейского суда по правам человека [12] и др.

Бурный прогресс генетической науки и активное внедрение ее достижений на практике создают риски стигматизации по генетическим признакам. В этом контексте стоит приветствовать прямое манифестирование в принятой 16 октября 2003 г. Генеральной конференцией ЮНЕСКО Международной декларации о генетических данных человека² (далее – Декларация 2003 г.) недопущения стигматизации в качестве фундаментального начала использования генетических и протеомных данных человека (далее – генетические или геномные данные).

Повышенная опасность генетической стигматизации обусловливается целым рядом факторов, сопряженных с особенностями генетической информации.

¹ При толковании и применении судами и административными органами норм, регулирующих доступ к социальному жилью или альтернативному заселению, необходимо избегать закрепления системной дискриминации и стигматизации в отношении живущих в бедности лиц, которые в силу необходимости или добросовестно занимают недвижимость без правового титула (Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 5 (2020), подготовленный Верховным Судом РФ).

² Организация Объединенных Наций : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/documents/decl-conv/> (дата обращения: 09.02.2021).

Во-первых, высокая научность генетических исследований способствует усилению степени глубины и устойчивости сформированных в массовом сознании предубеждений о роли тех или иных генетических характеристик.

Во-вторых, данные о геноме человека имеют всеобъемлющее тематическое звучание (касаются самых разных аспектов человеческого бытия), что, помимо прочего, может стать причиной «укрепления» стигм, порождение которых напрямую не связано с результатами изысканий генетики.

В-третьих, геномная информация может оказывать значительное воздействие как на ее носителя, так и на его семью, включая потомков, а нередко даже на большие группы населения, поэтому «генетическая» стигматизация имеет не только (и не столько) индивидуальное, но и коллективное измерение. В свете сказанного, а равно принимая в расчет свойственную стигматизации иррадиацию стигмы, ее распространение на людей из ближайшего окружения стигматизированного [2, с. 197], в Декларации 2003 г. органично и разумно:

1) проводится идея субъектного «универсализма» исследуемого принципа – генетические данные не должны использоваться в целях, ведущих к стигматизации того или иного лица, семьи, группы или общины (ст. 7а);

2) отстаивается тезис о необходимости уделять надлежащее внимание: а) результатам генетических исследований популяций, а равно моделей поведения; б) интерпретации полученных в их рамках результатов (ст. 7b), тем самым «указывается не только индивидуальное, но и общественное значение мер» [13, с. 12] борьбы со стигматизацией.

Особое ответвление затронутой проблематики множественности «конкурирующих» интересов – определение круга лиц, чье согласие необходимо для получения и использования генетической информации. В приложении к вопросу об охране интересов родственников «испытываемого» адекватной кажется модель, при которой:

а) необходимой и достаточной для «оборота» генетической информации, полученной в ходе тестирования конкретного лица, по умолчанию являлась бы лишь его санкция;

б) потенциальная опасность раскрытия названной информации в ракурсе охраны права на самоопределение лиц, связанных с субъектом данных, диктует оправданность и уместность введения серьезных рестрикций в части распространения и использования анализируемой информации (в первую очередь целевого и организационного порядка),

а равно неуклонного обеспечения режима ее конфиденциальности, в том числе посредством активного задействования арсенала технических средств.

Любопытно, что в некоторых странах перечень субъектов согласования расширяется за счет внедрения концепта учета мнения соответствующих сообществ. Так, в Австралии из-за опасений (в силу сложившихся расовых стереотипов) генетической дискриминации аборигенного населения и жителей островов Торрессова пролива на проведение геномных исследований с участием коренных австралийцев помимо индивидуального согласия иногда необходима санкция сообщества [14, с. 72–73]. Наверное, данный опыт может быть воспринят и в России применительно к коренным народам.

Специально подчеркнем, что постулирование ущербности генетической стигматизации имеет под собой не только сугубо гуманитарные (этико-социальные), но и научные (прежде всего, биологические) основания, поскольку:

а) «геномный» детерминизм не является абсолютным, в логике чего «научным аргументом, запрещающим генетическую дискриминацию, является неопределенность действия потенциально вредных вариантов гена на здоровье человека» [15, с. 147];

б) идентичность человека совершенно очевидно не может быть сведена исключительно к генетическим характеристикам: она формируется под воздействием комплекса факторов (личностных, образовательных, экологических и пр.) и связей с другими людьми (эмоциональных, социальных и др.), а также предполагает элемент свободы. Данная крайняя этико-биологическая установка получила прямое отражение в ст. 3 Декларации 2003 г.

Декларация 2003 г. заявляет о недопущении не только стигматизации, но и дискриминации по генетическим признакам. Вообще, вопрос о контенте и соотношении названных тесно взаимосвязанных понятий пока не нашел эксплицитного разрешения. Симптоматично, что в упомянутой нами Государственной стратегии противодействия распространению ВИЧ-инфекции в Российской Федерации на период до 2030 г. термины «дискриминация» и «стигматизация» в отношении лиц с ВИЧ-инфекцией толкуются единообразно: в качестве негативного или предвзятого отношения к лицам с ВИЧ-инфекцией в связи с наличием у них этого заболевания. Можно выделить два главных интерпретационных направления:

1) подход, при котором дискриминация есть сущностный элемент стигматизации, вследствие чего дискриминация охватывается по-

нятием стигматизации. Так, применительно к больным гражданам некоторые авторы, разграничивая внешнюю и внутреннюю стигматизацию, отождествляют первую с дискриминацией, которая формируется под влиянием негативного отношения к больным [3, с. 164]. В рамках «поведенческой» трактовки стигматизации П. Бурне выделяет несколько ее уровней – идентификацию различий, конструирование стереотипов, категоризацию и дискриминацию [16, с. 288];

2) конструкт смысловой автономизации анализируемых понятий (невзирая на их безусловное и крепкое сопряжение). Именно данный подход получил признание в Декларации 2003 г., что кажется вполне приемлемым, имея, среди прочего, в виду:

а) популярное в доктрине толкование дискриминации как типичного, но, пожалуй, не непреложного, следствия стигматизации («вслед за негативной стигматизацией следуют дискриминация и изоляция, наложенные посредством санкций в форме блокирования культурного диалога, обмена или сотрудничества» [4, с. 102]), при том что дискриминация может быть вызвана и явлениями, не связанными с собственно стигматизацией;

б) приуроченность понятия дискриминации к реальному и противоправному поведению¹ (неслучайно Декларация 2003 г. запрещает использование генетических данных человека в целях, которые носят дискриминационный характер, по мотиву того, что они нарушают или приводят к нарушению прав человека, основных свобод или человеческого достоинства отдельного лица), в то время как «социальная стигматизация – преимущественно стихийный процесс» [2, с. 197], слабо поддающийся эффективному социальному контролю (отсюда стигмы могут быть видимыми и невидимыми [3, с. 163]).

Попутно укажем на весьма актуальную проблему размежевания дискриминации и дифференциации (последняя, преследуя благие цели, является правомерной). Так, в целом плодотворным видится суждение о рациональности установления критериев дифференциации, выступающих законными поводами для отказа в трудоустройстве в ситуации, когда «генетическая предрасположенность в совокупности с условиями труда ... с большой степенью вероятности могут привести к развитию заболевания у работника» [17, с. 233].

¹ Хотя «область применения понятия обширна, мозаична и неоднородна ... с юридической точки зрения дискриминация изначально понимается как противоправное поведение, которое подлежит пресечению» (Назарова А.В. Понятие и виды расовой дискриминации // Наука и современность. 2014. № 29. С. 298–304).

Изложенное опосредует специфику противодействия генетической (как, впрочем, и иной) стигматизации и нормирования соответствующих отношений. Прежде всего, «подключение» к такой борьбе законодателя носит, условно говоря, вспомогательный характер: одними запретами, тем более правовыми, проблема явно не решается (символично, что в ст. 7а Декларации 2003 г. фиксируется необходимость «всячески стремиться» к недопущению стигматизации), снижение ее остроты всегда предполагает реализацию системы разномастных мер. Необходима «комплексная программа мероприятий, включающая научно-просветительское, эмоциональное, законодательное, лингвистическое и политическое вмешательство» [3, с. 165]. Причем, памятуя о том, что «одним из главных факторов формирования стигматизирующих стереотипов считается усвоение неадекватных представлений, бытующих в каждом конкретном обществе» [1, с. 107], первостепенное значение здесь имеют информационный (распространение достоверной информации) и культурно-образовательный (формирование грамотной и толерантной социальной среды) компоненты.

Кроме того, нормативно-правовая регламентация не может, как представляется, быть интенсивной – уместным кажется «сдержанное» и (преимущественно) косвенное нормирование рассматриваемого сегмента отношений путем в том числе:

а) установления нормы-принципа о недопущении стигматизации по генетическим характеристикам, что, в свою очередь, предполагает формулирование (несмотря на известные сложности) ее легальной дефиниции. Последняя, думается, в юридическом преломлении должна относиться лишь к так называемой негативной стигматизации, когда под стигмой подразумевается «характеристика индивида или группы, которая считается большинством людей пороком» [6, с. 6]. Напомним, что в науке отсутствует консенсус по поводу оценки положительной и (или) отрицательной «тональности» социальной стигматизации (так, на сегодняшний день частотным является выделение не только негативной, но и нейтральной и, сверх того, позитивной стигмы¹; последняя рассматривается как «маркер», утверждающий достоинство индивида и (или) фиксирующий заслуги и преимущества некоей общности, суб-

¹ Сверх того, могут иметь место «символические инверсии, в процессе которых стигма оборачивается "позитивной ценностью", предметом гордости и, таким образом, дестигматизируется» (Куропятник М.С. От стигмы к самоутверждению: понятие «коренной народ» в современном дискурсе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V, № 1. С. 171).

культуры и т. п.; между тем, на взгляд многих авторов, «процесс стигматизации носит всегда отрицательный характер» [16, с. 289]). Именно из этой установки, к слову, исходят Рекомендации, направленные письмом Минпросвещения России от 30 октября 2020 г. № 076586¹, где стигматизация определяется как «предвзятое, негативное отношение к отдельному человеку или группе людей, связанное с наличием у него (у них) каких-либо свойств или признаков»²;

б) разработки и совершенствования «протоколов», так или иначе сопряженных с обеспечением принципов согласия и конфиденциальности (на высокой значимости соблюдения режима конфиденциальности генетической информации с позиции недопущения дискриминации и стигматизации граждан не единожды обоснованно акцентировалось внимание Международной организацией по изучению генома человека [18]), при этом нарушение означенных правил, а равно совершение действий дискриминационного характера (но не стигматизация как таковая!) должны влечь за собой применение адекватных и соразмерных мер ответственности и иных санкций.

Библиографический список

1. Горовенко С.В., Бородин О.Л., Бегалиев М.О., Сидорова Ю.С. Социальная стигматизация в системе оказания психиатрической помощи пациентам // *Медицинское право: теория и практика*. 2018. Т. 4, № 2 (8). С. 105–110.
2. Гаунова Д.Х., Таучев А.А. Некоторые методологические принципы исследования феномена стигматизации // *Социально-гуманитарные знания*. 2016. № 7. С. 191–198.
3. Сокольская М.В., Туркулец С.Е., Гареева И.А. Стигматизация как социально-психологическое явление современного общества // *Перспективы науки*. 2019. № 11 (122). С. 162–167.

¹ Рекомендации по проведению в образовательных организациях субъектов Российской Федерации мероприятий для родителей (законных представителей) по формированию культуры профилактики суицидального поведения несовершеннолетних с освещением вопросов, касающихся психологических особенностей развития детей и подростков, факторов поведения, необходимости своевременного обращения к психологам и психиатрам в случаях неадекватного или резко изменившегося поведения несовершеннолетнего – приложение к письму Минпросвещения России от 30 октября 2020 г. № 07-6586 // *Официальные документы в образовании*. 2020. № 33.

² В качестве отрицательной социальной характеристики трактовал стигму и основоположник теории стигматизации И. Гофман.

4. Сироткин Ю.Л. Стигматизация как социокультурный феномен // Вестник Казанск. юрид. ин-та МВД России. 2015. № 2 (20). С. 100–106.
5. Сергеев Д.Н. История постпенитенциарного контроля: от клеймения до информационной стигматизации // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3 (94). С. 59–64.
6. Комлев Ю.Ю. Теория стигматизации: генезис, объяснительный потенциал, значение // Вестник Казанск. юрид. ин-та МВД России. 2016. № 2 (24). С. 6–14.
7. Соловьев А.А., Аристов Е.В. Принудительное медицинское вмешательство в зарубежных государствах: административные и судебные процедуры // Вестник Пермск. ун-та. Юридические науки. 2020. № 49. С. 418–441.
8. Кравчук Н.В. Право детей лиц, осужденных к лишению свободы, на общение с ними: международный и российский контекст // Международное правосудие. 2019. № 4. С. 70–86.
9. Бородина М.А., Никифоров В.В., Медведев М.В. и др. Проблема гендерной верификации в спорте: правовые, медицинские и этические аспекты // Lex Russica. 2019. № 6. С. 53–60.
10. Халиуллин А.И. Хакер как правонарушитель в современных уголовно-правовых исследованиях // Российская юстиция. 2019. № 12. С. 21–23.
11. Толстых В.Л. Признание и непризнанные государства в начале XXI в. // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 135–151.
12. Бартенев Д.Г. Запрет дискриминации: практический обзор подходов Европейского суда по правам человека // Международное правосудие. 2019. № 1. С. 43–66.
13. Кубарь О.Н., Микиртичан Г.Л., Никитина А.Е. Генетическая конфиденциальность и недискриминация в аспекте регионального законодательства // Биоэтика. 2013. № 2 (12). С. 9–12.
14. Суранова Т.Г., Зенин С.С., Суворов Г.Н. Общие принципы и закономерности правового регулирования осуществления генетических исследований в Австралии // Lex Russica. 2020. Т. 73, № 7 (164). С. 69–75.
15. Алимов Э.В., Щербак С.С. Защита от генетической дискриминации в трудовых отношениях по законодательству США // Публичное и частное право. 2019. № 3 (43). С. 146–156.
16. Гаунова Д.Х. Стигматизация как форма проявления социального маркирования // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 7. С. 284–290.

17. Кучина Ю.А., Ахтулов В.В., Громова Ю.А. Геном человека: вопросы разграничения дискриминации и дифференциации // Технологии XXI века в юриспруденции : матер. Второй междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Д.В. Бахтеева. Екатеринбург : Уральск. гос. юрид. ун-т, 2020. С. 230–235.

18. Дупан А.С., Бикбулатова Ю.С. Использование инструментов информационного права для предотвращения нарушений прав человека в результате проведения исследований его генома: международный опыт // Российская юстиция. 2019. № 9. С. 19–22.

Дата поступления: 27.05.2021

POVAROV Yuriy Sergeevich

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, Samara, Russia.

E-mail: cl-su@mail.ru.

Articles in «Scopus»/«Web of Science»: DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(5).846-855; 10.1007/978-3-030-29586-8_67; 10.1007/978-3-030-13397-9_54; 10.1007/978-3-319-75383-6_29

**THE AVOIDANCE OF STIGMATIZATION
ON GENETIC GROUNDS: LEGAL ASPECT**

The avoidance of stigmatization of an individual, family, group or community is a key starting point in the collection and use of human genetic data, but the legal framework for the implementation of this principle has not yet yielded much scientific understanding and legislative development in Russia.

Purpose: to analyze the preconditions, essence and consequences of social stigmatization on genetic grounds; to establish the relationship between «stigmatization» and «discrimination»; to define the main directions for the development of national legislation with a view to counteracting such stigmatization. **Methods:** the author uses general theoretical methods of formal and dialectical logic and such special scientific methods as legal-dogmatic, legal modeling, comparative legal. **Results:** the main factors leading to an increased risk of social stigmatization based on genetic characteristics are identified; arguments are given in favor of postulating the detriment of such «stigma»; the rationality of the «limited» regularization of the corresponding block of relations is proved by, first of all, establishing a norm-principle on

the prevention of stigmatization on genetic grounds (which implies legal re-definition of stigma, independent of the definition of discrimination) and the development of rules on the proper operation of the principles of consent and confidentiality.

Keywords: stigmatization; discrimination; genetic data; person's identity; consent; confidentiality.

References

1. Gorovenko S.V., Borodina O.L., Begaliev M.O., Sidorova YU.S. Social stigmatization in the system of providing psychiatric care to patients. *Meditinskoye pravo: teoriya i praktika*. = *Medical Law: Theory and Practice*, 2018, vol. 4, no. 2 (8). pp. 105–110. (In Russian).
2. Gaunova D.KH., Tauchev A.A. Some methodological principles of the stigma phenomenon research. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya* = *Social and Humanitarian Knowledge*, 2016, no. 7, pp. 191–198. (In Russian).
3. Sokolskaya M.V., Turkulets S.E., Gareeva I.A. Stigmatization as a socio-psychological phenomenon of modern society. *Perspektivy nauki* = *Science Prospects*, 2019, no. 11 (122), pp. 162–167. (In Russian).
4. Sirotkin YU.L. The stigmatization as a socicultural phenomenon. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* = *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*, 2015, no. 2 (20). pp. 100–106. (In Russian).
5. Sergeev D.N. History of post-penitentiary control: from human branding to information stigmatization. *Chelovek: prestupleniye i nakazaniye* = *Man: Crime and Punishment*, 2016, no. 3 (94), pp. 59–64. (In Russian).
6. Komlev YU.YU. Theory of stigmatization: genesis, explanatory potential, value. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* = *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*, 2016, no. 2 (24), pp. 6–14. (In Russian).
7. Soloviev A.A., Aristov E.V. Involuntary admission to hospital in foreign countries: administrative and judicial procedures. *Vestnik Permskogo institute. Yuridicheskiye nauki* = *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2020, no. 49, pp. 418–441. (In Russian).
8. Kravchuk N.V. The right of children of imprisoned parents to visit them: international and Russian contexts. *Mezhdunarodnoye pravosudiye* = *International Justice*, 2019, no. 4, pp. 70–86. (In Russian).
9. Borodina M.A., Nikiforov V.V., Medvedev M.V., Mashkova K.V., Suvorov G.N., Zenin S.S. The problem of gender verification in sport: legal, medical and ethical aspects. *Lex Russica*, 2019, no. 6, pp. 53–60. (In Russian).

10. Khaliullin A.I. Hacker as an offender in modern criminal law studies. *Rossiyskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2019, no. 12, pp. 21–23. (In Russian).

11. Tolstykh V.L. Recognition and non-recognized states at the beginning of the XXI century. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal = Russian Juridical Journal*, 2020, no. 5, pp. 135–151. (In Russian).

12. Bartenev D.G. Prohibition of discrimination: a practical review of the approaches of the European Court of Human Rights. *Mezhdunarodnoye pravosudiye = International Justice*, 2019, no. 1, pp. 43–66. (In Russian).

13. Kubar O.N., Mikirtichan G.L., Nikitina A.E. Genetic confidentiality and non-discrimination in regional law. *Bioetika = Bioethics*, 2013, no. 2 (12), pp. 9–12. (In Russian).

14. Suranova T.G., Zenin S.S., Suvorov G.N. General principles and logic of the legal regulation of genetic research in Australia. *Lex Russica*, 2020, vol. 73, no. 7 (164), pp. 69–75. (In Russian).

15. Alimov E.V., Shcherbak S.S. Protection against genetic discrimination in employment in the US law. *Publichnoye i chastnoye pravo = Public and Private Law*, 2019, no. 3 (43), pp. 146–156. (In Russian).

16. Gaunova D.KH. Stigmatization as a form of labeling. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge*, 2014, no. 7, pp. 284–290. (In Russian).

17. Kuchina YU.A., Akhtulov V.V., Gromova YU.A.; Bakhteev D.V. (ed.). Human genome: issues of differentiation of discrimination and differentiation. *Tekhnologii XXI veka v yurisprudentsii. Materialy Vtoroy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii* [Technologies of the XXI century in jurisprudence. Proceedings of the Second International scientific-practical conference]. Yekaterinburg, Ural State Law University Publ., 2020, pp. 230–235. (In Russian).

18. Dupan A.S., Bikbulatova YU.S. Use of information law tools to prevent human rights violations as a result of genome research: international experience. *Rossiyskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2019, no. 9, pp. 19–22. (In Russian).

Received: 27.05.2021

УДК 349.23/24; 575.113
DOI 10.33184/pravgos-2021.2.3

РУЗАНОВА Валентина Дмитриевна

*кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой
гражданского и предпринимательского права Самарского
национального исследовательского университета им. академика
С.П. Королёва, г. Самара, Россия.*

E-mail: vd.ruz@mail.ru.

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»: DOI: 10/1007978-3-030-32015-7_4; 10.1007/978-3-319-75383-6_29

БЕЛЯКОВ Владимир Иванович

*кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры физиологии
человека и животных Самарского национального исследовательского
университета им. академика С.П. Королёва, г. Самара, Россия.*

E-mail: vladbelakov@mail.ru.

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»: DOI: 10.1007/978-3-030-32015-7_4; 10.1007/s11055-013-9746-8

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
БИОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА И ГЕНЕТИЧЕСКОЙ
ИНФОРМАЦИИ В МЕДИЦИНСКИХ ЦЕЛЯХ
С ПРИМЕНЕНИЕМ ГЕНОМНЫХ
И ОМИКСНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ¹**

В условиях активного внедрения в различные сферы жизни современного человека геномных и постгеномных (омиксных) технологий, использования биологического материала и применения генетической информации актуализируется задача междисциплинарного (с позиций права, биомедицины и биоэтики) исследования этих явлений. **Цель:** выявление в результате междисциплинарного изучения возможностей использования в медицинских целях биологического материала и генетической информации и определение принципиальных подходов к дальнейшему совершенствованию законодательства в этой сфере. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические ме-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14073.

тоды формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридикто-догматический, сравнительного правоведения и толкования правовых норм. **Результаты:** исследование позволило дать оценку состоянию отечественного законодательства в сфере использования биологического материала и генетической информации с учетом внедрения геномных и омиксных технологий и установить принципиальные подходы к его дальнейшему совершенствованию; определить векторы использования названных технологий в практическом здравоохранении; выявить особенности применения в медицинских целях живых клеточных продуктов; обосновать необходимость постоянного мониторинга данного направления в медицине; аргументировать возможность внедрения международного опыта по легализации использования живых клеток в комплексе с вспомогательными средствами и материалами медицинского назначения.

Ключевые слова: геномные технологии; постгеномные технологии (омикс-технологии); правовой режим; законодательство; биологический материал; генетическая информация; живые клеточные продукты.

Активное внедрение в различные сферы жизни современного человека геномных и постгеномных (омиксных) технологий, использование биологического материала и практическое применение генетической информации – все это остро ставит проблему их всестороннего рассмотрения с позиций права, биомедицины и биоэтики. При этом необходимость такого междисциплинарного анализа проявляется как на стадии получения биологических образцов и информации об уникальной последовательности нуклеотидов в структуре ДНК, так и на этапах обеспечения необходимых условий их хранения, анализа и модификации в соответствии с поставленными задачами, адекватного и легального применения.

Важно подчеркнуть, что в настоящее время технологии работы с биологическим материалом и анализа генетической информации, помимо собственно научной значимости, все больше приобретают практическую ориентированность и являются средством правоприменения [1, с. 152–159]. В этой связи можно говорить об активном комплексировании области права с молекулярной биологией и персонализированной медициной, а также немедицинскими сферами, где важен учет индивидуально-типологических особенностей человека на основе молекулярно-генетических данных. Совершенствование законодательной базы в сфере геномных и омикс-технологий, использования биологического

материала (в том числе содержащего генетическую информацию), несомненно, является необходимым условием для эффективного решения целого ряда медицинских, социально-экономических задач, обеспечения биологической и национальной безопасности общества.

Развитие передовых технологий в сфере медицины и здравоохранения актуализирует не только проблемы их правового опосредования, но и нравственные аспекты, связанные с определением пределов вмешательства в природу человека [2, с. 62–67]. В настоящее время действует целый пакет международных актов и актов отдельных зарубежных государств, также принято немало судебных решений по тем или иным вопросам в рассматриваемой сфере. При этом, как верно подчеркивается в литературе, необходимо различать подходы стран общего права, прецеденты которых исходят из того, что человеческие образцы являются объектами права и могут принадлежать различным субъектам, и Европейского союза, законодательство которого, в значительной мере унифицированное (в части использования биоматериала в терапевтических целях), практически не затрагивает имущественные вопросы использования биоматериала, а сосредоточено на установлении правил о получении информированного согласия лиц на участие в исследованиях и сохранности персональных данных [3, с. 308–361].

В России отношения, связанные с использованием биологического материала, системно не урегулированы, несмотря на возрастающие потребности практики. Можно сказать, что для отечественного законодательства в этой сфере характерны фрагментарность и несогласованность правовых норм. Существуют лишь отдельные нормативные акты (нормы), касающиеся вопросов донорства крови, репродуктивных технологий, биомедицинских клеточных продуктов и др. Отсутствие общих положений о режиме биологического материала и получаемой на его основе генетической информации в значительной мере снижает эффективность правового регулирования и отрицательно влияет на правоприменительную практику.

Полагаем, что в юридическом ракурсе необходимо выделить два основных направления: во-первых, обеспечение прав человека, в том числе права на неприкосновенность и на охрану частной жизни, личной, семейной и врачебной тайны; во-вторых, формирование специального законодательства в этой сфере, учитывающего существующее правовое регулирование, в частности законодательство о персональных данных. Следует иметь в виду, что режим биологического материала тесно связан с режимом получаемой на его основе информации, поэтому мы при-

держиваемся позиции, согласно которой предлагается определять биобанк как совокупность биоматериалов и соответствующей информации [4, с. 39–42]. Считаем целесообразным идти по пути формирования общего и специальных правовых режимов биоматериалов и генетической информации [5, с. 155–164]. В качестве специального можно выделить, например, режим биомедицинских клеточных продуктов.

По нашему мнению, активное использование геномных и омиксных технологий, предполагающих определенные действия с биологическим материалом и генетической информацией, актуализирует проблему правового режима их получения, хранения, анализа и практического применения. Данная проблема может рассматриваться с различных точек зрения, в частности в системе объектов гражданских прав и с позиции соблюдения соматического права (права человека на собственное тело) [6, с. 110–121; 7, с. 16–26].

Успешное завершение проекта «Геном человека» (2003) и Международного проекта «НарМар» (2005) позволило специалистам наметить новые научные подходы при диагностике и лечении различного рода заболеваний. К числу технологий, дающих необходимое понимание структуры и функции отдельных генов ДНК и модификации их деятельности, относятся генетическое секвенирование и генетическое редактирование. Совершенствование методов молекулярно-генетического анализа привело к возникновению новых постгеномных (омиксных) дисциплин: транскриптомики и протеомики (исследование реализации наследственной информации в виде синтеза, соответственно, молекул РНК и белков), метаболомики (изучение метаболома – совокупности низкомолекулярных веществ, образующихся в результате метаболизма клеток). Согласно базе данных метаболома HMDB (The Human Metabolome Database) у человека имеется более 114 000 низкомолекулярных функционально специфичных биохимических маркеров-метаболитов¹. По существу, анализ метаболитов позволяет с высокой точностью определять особенности функционирования генома, транскриптома и протеома клеток в норме и при патологиях.

По обоснованному мнению специалистов [8, с. 369–372; 9, с. 3–8; 10, р. 1–7], омиксные технологии со временем будут иметь решающее значение в различных сферах, предполагающих персонализированный подход при обеспечении должного уровня здоровья человека, оценке его

¹ The Human Metabolome Database [Электронный ресурс]. URL: <https://hmdb.ca> (дата обращения: 24.05.2021).

приспособительного потенциала, предрасположенности к определенным профессиям, склонности к девиантным формам поведения и т. д.

Огромный научный потенциал кроется в установлении генетических маркеров многих серьезных недугов [6, с. 63]. Одной из актуальных задач применения омиксных технологий, в частности в биомедицине, является разработка биомаркеров для диагностики и лечения сердечно-сосудистых заболеваний [11, с. 106–116]. В 2005 г. вышла первая научная публикация о связи особенностей метаболического профиля с высоким риском возникновения кардиологических заболеваний [12, р. 3868–3875]. Современная кардиометабомика дает комплексное представление о молекулярно-генетических основах патофизиологии сердечно-сосудистых заболеваний и позволяет профилактировать их наступление на ранних этапах.

В целом можно обозначить следующие векторы использования геномных и омиксных технологий в практическом здравоохранении:

- 1) прогноз риска возникновения заболеваний и создание индивидуальной программы их профилактики на основе генетических данных;
- 2) разработка персонализированной программы диагностики функционального состояния пациентов с учетом анализа молекулярно-генетических маркеров;
- 3) подбор и реализация индивидуальной программы лечения с использованием геномных и постгеномных технологий.

Проблема легального использования современных технологий и биологических образцов осложняется все более активным применением в медицинских целях такого уникального материала, как живые клеточные продукты [13, с. 97–108].

Долгое время клеточные продукты находили применение в экспериментальной биологии и ветеринарии. Их использование в практическом здравоохранении ограничивалось недостаточностью данных о возможных побочных реакциях от их применения. В настоящее время успехи в области детального изучения физиологических и неблагоприятных эффектов клеточных продуктов создали необходимую основу для целенаправленного использования живых клеток с функционирующим геномом в медицине. Эффективность таких продуктов определяется способностью живых клеток продуцировать необходимые биологические регуляторы и вступать в функционально значимые взаимодействия с клетками реципиента. Особый режим медицинских средств, содержащих живые клетки, потребовал легализации производства, доклинического и клинического исследования и практического применения кле-

точных культур. Процесс получения, оборота и уничтожения клеточных продуктов, как известно, регламентируется Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»¹.

Как прямо следует из названия закона и его предмета (ст. 1), он касается только биоматериала определенного вида и регулирует ограниченный круг отношений. Так, его действие не распространяется на отношения, возникающие при обращении клеток и тканей человека в научных и образовательных целях. Указанный закон содержит не только специальные понятия (например, биомедицинского клеточного продукта), но и приводит ряд общих дефиниций (в частности, биологического материала). Как отмечалось, в настоящее время единый легальный подход к решению вопроса о режиме биоматериалов отсутствует. По существующему в доктрине справедливому мнению, именно введение общих начал окажет положительное влияние на смежные сферы деятельности и позволит сделать применение законодательства более системным [3, с. 332].

Между тем новизна проблемы использования живых клеток и появление новых научных данных о функционировании генома требует пристального и постоянного мониторинга данного направления в медицине, формирования соответствующей нормативно-правовой базы, поскольку приведенный закон не решает множество возникающих на практике вопросов.

Под биомедицинскими клеточными культурами понимается определенный комплексный препарат, включающий в свой состав культивированные и модифицированные клетки одного типа наряду с вспомогательными веществами и необходимыми лекарственными средствами и медицинскими изделиями (п. 1 ст. 2 Федерального закона «О биомедицинских клеточных продуктах»). Следует отметить, что возможность культивирования и модификации клеток создает предпосылки для генетического их редактирования, а совместное использование с популяцией живых клеток лекарств и медицинских изделий, по существу, не исключает использование технологий клеточной инженерии.

¹ Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (ч. I), ст. 3849. См. также: Об утверждении Правил получения биологического материала для производства биомедицинских клеточных продуктов и передачи его производителю биомедицинских клеточных продуктов : приказ Министерства здравоохранения РФ от 28.08.2017 № 569н [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.04.2021).

При рассмотрении данной проблемы следует обратиться к международному опыту по легализации использования биологического материала в виде культуры живых клеток в комплексе с вспомогательными средствами и материалами медицинского назначения. Передовыми в этом вопросе являются США, Япония, страны Европейского содружества и некоторые азиатские страны, где более 10 лет практикуется применение живых клеток в медицине.

В частности, в странах Европы биомедицинские клеточные культуры относятся к группе «продуктов передовой терапии». основополагающим документом, регламентирующим использование в клинической практике таких высокотехнологичных продуктов, является Постановление Европейского содружества № 1394/2007¹. К «продуктам передовой терапии», согласно данному постановлению, относятся: медицинские продукты для терапии соматическими клетками, продукты для генной терапии, продукты для тканевой инженерии, комбинированные продукты. Большинство подобных продуктов предназначено для борьбы с наиболее распространенными и социально значимыми заболеваниями (онкологическими, сердечно-сосудистыми, иммунодефицитными состояниями, патологиями опорно-двигательного аппарата и др.).

Классификация клеточных продуктов основывается на таких признаках, как минимальная манипулированность и гомологичность использования. В случае если свойства клеток были существенно изменены, то такие клеточные продукты считаются манипулированными. Перечень манипуляций при работе с клеточными культурами приводится в специальном Приложении к Постановлению № 1394/2007. Гомологичность использования определяется различной структурной организацией и функциональной активностью используемых клеточных продуктов и клеток реципиента.

В США контроль за использованием продуктов для целей генной и клеточной терапии осуществляется со стороны Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов. Данный надзорный орган также уделяет особое внимание манипулированности и гомологичности использования биологических продуктов при процедуре их регистрации.

¹ Европейская комиссия. Регламент (ЕС) № 1394/2007 Европейского парламента и Совета от 13.11.2007 о лекарственных средствах для современной терапии и поправки к Директиве 2001/83 / ЕС и Регламенту (ЕС) № 726/2004. 2007 г. // Официальный журнал Европейского союза. NL 324. 2007. 10 дек. С. 121.

Примерами клеточных препаратов, получивших одобрение в странах Европейского содружества и США, являются: препарат аутогенных культивированных хондроцитов для восстановления дефектов мышечков бедренной кости, препарат для лечения кожных, подкожных и узловых поражений при рецидивирующей меланоме, аутогенные Т-клетки для лечения пациентов с рецидивирующей или рефрактерной В-клеточной лимфомой и др.

Отнесение клеточного продукта к определенному классу служит важнейшим условием его легального применения и конкретизирует его правовой режим. Между тем в Федеральном законе «О биомедицинских клеточных продуктах» не содержится ответа на многие важные вопросы, например, не дается понятие минимально манипулированного клеточного продукта, что создает определенные трудности при правовой оценке использования таких продуктов в клеточной терапии и формирует потенциальные риски для здоровья пациентов. Кроме того, целый ряд его положений не полностью согласуется (в том числе и терминологически) с существующим правовым регулированием, например, применительно к ответственности за причинение вреда жизни и здоровью граждан вследствие применения биомедицинских клеточных продуктов (ст. 1095, 1096 ГК РФ, ст. 48 Федерального закона «О биомедицинских клеточных продуктах»).

Использование такого уникального биологического материала, как культуры живых клеток, должно особо контролироваться соответствующими надзорными органами и регламентироваться в соответствии с современным уровнем развития клеточных и молекулярных технологий.

Подводя итоги рассмотрения обозначенной в статье междисциплинарной проблемы, можно выделить следующие основные аспекты эффективного и легального применения современных геномных и омиксных технологий и практического использования биологического материала и генетической информации независимо от того, в медицинских или немедицинских целях оно осуществляется:

- 1) актуальность, определяемая востребованностью использования инновационных технологий в различных сферах жизни современного общества;
- 2) развитие научной базы, позволяющей проводить фундаментальные исследования в области молекулярной биологии и генетики;
- 3) активное внедрение новейших данных из области молекулярной биологии и генетики в практическую деятельность;

4) доступность использования современных технологий и применение генетической информации;

5) всестороннее обсуждение биоэтической стороны проблемы использования современных технологий;

6) защита интеллектуальной собственности разработчиков и компаний, осуществляющих деятельность в области современных технологий и практического использования биологического материала и генетической информации;

7) совершенствование нормативно-правовой базы в сфере современных биомедицинских технологий и использования разнообразного биологического материала и генетической информации.

Таким образом, востребованность инновационных технологий молекулярной биологии и генетики стимулирует общество и государство к созданию благоприятного правового поля с целью более успешного применения биологического материала и генетической информации в медицинских, а также иных целях [14, с. 99–111]. Именно междисциплинарный подход к раскрытию данной проблемы должен рассматриваться не только в качестве инструмента системного теоретического анализа, но и как значимый фактор повышения уровня биологической и социально-экономической безопасности современного общества.

К формированию нормативного блока в этой сфере необходимо проявить взвешенный подход и, как верно отмечается в литературе, с принятием специального закона не следует торопиться [3, с. 357–358]. Предлагаем следующее принципиальное направление совершенствования правового регулирования: исходя из идеи формирования общего и специальных правовых режимов и с учетом возможности использования биологического материала и генетической информации в медицинских и иных целях, считаем возможным как издание отдельного нормативного правового акта, так и осуществление согласованной корректировки уже существующей легальной базы.

Библиографический список

1. Воронин М.В. Геномные исследования как проявление трансформации меры свободы в юридически значимом поведении // Вестник Ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4. С. 152–159.

2. Герасимов А.М. Нравственные пределы геномных исследований и биотехнологий как основа формирования правового пространства инновационной медицины // Гены и клетки. 2019. № 2. С. 62–67.

3. Васильев Г.С. Человеческий материал как объект права // Правоведение. 2018. № 2 (337). С. 357–358.
4. Крюкова Е.С., Рузанова В.Д. Правовое регулирование деятельности биобанков в России // Гражданское право. 2020. № 6. С. 39–42.
5. Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России : моногр. : в 4 т. / отв. ред. С.Д. Могилевский, Ю.Г. Лескова, С.А. Карелина, В.Д. Рузанова, О.В. Шмалый, О.А. Золотова, О.В. Сушкова. М. : Проспект, 2020. Т. 4. 624 с.
6. Болтанова Е.С., Имекова М.П. Генетическая информация в системе объектов гражданских прав // Lex Russica. 2019. № 6 (151). С. 110–121.
7. Лаврик М.А. К теории соматических прав человека // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3. С. 16–26.
8. Мошковский С.А. Омикс-биомаркеры и ранняя диагностика // Биомедицинская химия. 2017. Т. 63, № 5. С. 369–372.
9. Пальцев М.А., Чемезов А.С., Линькова Н.С. и др. Омиксные технологии: роль и значение для развития персонализированной медицины // Молекулярная медицина. 2019. Т. 17, № 4. С. 3–8.
10. Narimatsu H. Gene-Environment Interactions in Preventive Medicine: Current Status and Expectations for the Future // International Journal of Molecular Sciences. 2017. № 18 (2). P. 1–7.
11. Абдуллаев А.А., Абдуллаева Г.Ж., Юсупова Х.Ф. Метаболические подходы в изучении сердечно-сосудистых заболеваний // Евразийский кардиологический журнал. 2021. № 1. С. 106–116.
12. Sabatine M.S., Liu E., Morrow D.A. et al. Metabolomic identification of novel biomarkers of myocardial ischemia // Circulation. 2005. Vol. 112. P. 3868–3875.
13. Александрович Н.А., Тарасова Е.В., Макаревич П.И. и др. Вопросы нормативно-правового регулирования реализации биомедицинских клеточных продуктов в международной практике // Гены и клетки. 2017. Т. 12, № 4. С. 97–108.
14. Рузанова В.Д., Беяков В.И. Особенности формирования и реализации программ профессионального отбора с использованием генетических технологий анализа адаптационного потенциала человека // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 2 (60). С. 99–111.

Дата поступления: 28.05.2021

RUZANOVA Valentina Dmitrievna

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, Samara, Russia.

E-mail: vd.ruz@mail.ru.

Articles in «Scopus»/«Web of Science»: DOI: 10/1007978-3-030-32015-7_4; 10.1007/978-3-319-75383-6_29

BELYAKOV Vladimir Ivanovich

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Human and Animal Physiology, Samara National Research University, Samara, Russia.

E-mail: vladbelakov@mail.ru.

Articles in «Scopus»/«Web of Science»: DOI: 10.1007/978-3-030-32015-7_4; 10.1007/s11055-013-9746-8

**LEGAL PROBLEMS OF THE MEDICAL USE
OF BIOLOGICAL MATERIAL AND GENETIC
INFORMATION USING GENOMIC
AND OMIX TECHNOLOGIES**

The active use of genomic and post-genomic (omix) technologies in various areas of modern human life, the use of biological material and genetic information requires an interdisciplinary (from the standpoint of law, biomedicine and bioethics) study of these phenomena. **Purpose:** to identify, as a result of an interdisciplinary study, the possibilities of using biological material and genetic information for medical purposes and to determine fundamental approaches to further improving legislation in this area. **Methods:** the authors use empirical methods of comparison, description, interpretation as well as theoretical methods of formal and dialectical logic. Such special scientific methods are used as legal-dogmatic, comparative jurisprudence and interpretation of legal norms. **Results:** the study makes it possible to assess the state of affairs and establish fundamental approaches to further improving national legislation on the use of biological material and genetic information, taking into account the introduction of genomic and omix technologies; to determine the vectors of the use of these technologies in practical health care; to identify the medical applications of living cell products; to justify the need for constant monitoring of this area in medicine; and to argue for the introduction of international experience in legalizing the use of living cells in combination with aids and medical supplies.

Keywords: genomic technologies; post-genomic technologies (omix technologies); legal regime; legislation; biological material; genetic information; living cellular products.

References

1. Voronin M.V. Genetic research as an example of the transformation of the measure of law in a legally significant behavior. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2019, no. 4, pp. 152–159. (In Russian).
2. Gerasimov A.M. Moral limits of genomic research and biotechnology as the basis to form a legal space of innovative medicine. *Geny i kletki = Genes and Cells*, 2019, no. 2, pp. 62–67. (In Russian).
3. Vasiliev G.S. Human biomaterial as a legal object. *Pravovedenie*, 2018, no. 2 (337), pp. 357–358. (In Russian).
4. Kryukova E.S., Ruzanova V.D. Legal regulation of the activities of biobanks in Russia. *Grazhdanskoe pravo = Civil Law*, 2020, no. 6, pp. 39–42. (In Russian).
5. Mogilevsky S.D., Leskova YU.G., Karelina S.A., Ruzanova V.D., Shmaliy O.V., Zolotova O.A., Sushkova O.V. (eds.). *Pravo i biznes: pravovoe prostranstvo dlya razvitiya biznesa v Rossii* [Law and Business: Legal Space for Business Development in Russia]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. Vol. 4. 624 p.
6. Boltanova E.S., Imekova M.P. Genetic information in the system of objects of civil rights. *Lex Russica*, 2019, no. 6 (151), pp. 110–121. (In Russian).
7. Lavrik M.A. Towards the theory of somatic human rights. *Sibirskiy yuridicheskij vestnik = Siberian Law Herald*, 2005, no. 3, pp. 16–26. (In Russian).
8. Moshkovskii S.A. Omics biomarkers and early diagnostics. *Biomeditsinskaya himiya = Biomeditsinskaya Khimiya*, 2017, vol. 63, no. 5, pp. 369–372. (In Russian).
9. Paltsev M.A., Chemezov A.S., Linkova N.S. and oth. Omix technologies: role and significance for the development of personalized medicine. *Molekulyarnaya medicina = Molecular Medicine*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 3–8. (In Russian).
10. Narimatsu H. Gene-Environment Interactions in Preventive Medicine: Current Status and Expectations for the Future. *International Journal of Molecular Sciences*, 2017, no. 18 (2), pp. 1–7.

11. Abdullaev A.A., Abdullaeva G.J., Usupova Kh.F. Metabolomic approaches in studying of cardiovascular diseases. *Evrazijskij kardiologicheskij zhurnal = Eurasian Heart Journal*, 2021, no. 1, pp. 106–116. (In Russian).

12. Sabatine M.S., Liu E., Morrow D.A. et al. Metabolomic identification of novel biomarkers of myocardial ischemia. *Circulation*, 2005, vol. 112, pp. 3868–3875.

13. Aleksandrushkina N.A., Tarasova E.V., Makarevich P.I. and oth. Legal regulation of biomedical cell products authorization and marketing in international practice. *Geny i kletki = Genes and Cells*, 2017, vol. 12, no. 4, pp. 97–108. (In Russian).

14. Ruzunova V.D., Belyakov V.I. Features of forming and implementing professional selection programs with the use of genetic technologies for analyzing human adaptation potential. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2020, no. 2 (60), pp. 99–111. (In Russian).

Received: 28.05.2021

УДК 618.2-056.7-07; 342.4
DOI 10.33184/pravgos-2021.2.4

ХУСАИНОВА Рита Игоревна

*доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник
лаборатории молекулярной генетики человека Института
биохимии и генетики УФИЦ РАН, заместитель директора по
лабораторно-диагностической работе ГБУЗ Республиканский
медико-генетический центр, г. Уфа, Россия.
E-mail: ritakh@mail.ru*

АХТЯМОВА Евгения Викторовна

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
гражданского права Института права Башкирского
государственного университета, г. Уфа, Россия.
E-mail: evaah@rambler.ru*

МИННИАХМЕТОВ Илдар Рамилевич

*кандидат биологических наук, научный сотрудник
Института биохимии и генетики УФИЦ РАН, директор
ГБУЗ Республиканский медико-генетический центр, г. Уфа, Россия.
E-mail: minniakhmetov@gmail.com*

АЛСЫНБАЕВА Эльвира Махаматовна

*кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Института права Башкирского государственного университета,
г. Уфа, Россия.
E-mail: elish@list.ru*

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ
СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ ПРЕНАТАЛЬНОЙ
ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ В РОССИИ¹**

В статье проведен анализ актуальных эτικο-правовых проблем, связанных с пренатальной генетической диагностикой, которая является важной частью реализуемой в России стратегии перехода к персонализиро-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ МК № 18-29-14083.

ванной медицине. Особое внимание уделено проблемам эффективности пренатальной диагностики и правового регулирования использования современных генетических технологий для неинвазивной диагностики генных и хромосомных аномалий у плода. Рассмотрены юридические механизмы использования данных о генетических нарушениях у плода и пробелы в законодательстве, которые необходимо восполнить. **Целью** данной работы является анализ правового регулирования вопросов пренатальной генетической диагностики в России и ее современных неинвазивных методов, выявление актуальных проблем их применения и определение возможных путей их решения. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования правовых норм. **Результаты:** сделан вывод о том, что отечественная нормативно-правовая база нуждается в совершенствовании правового режима ДНК-тестирования. Выявлена необходимость внедрения технологий неинвазивной диагностики в практику медико-генетического консультирования для широких слоев населения как наиболее безопасного и прогрессивного метода генетической диагностики.

Ключевые слова: пренатальная диагностика; инвазивные методы диагностики; неинвазивное пренатальное тестирование; анкетирование; генетическая информация.

Современные технологии и научные достижения в области исследований генома человека постоянно развиваются и совершенствуются. Сегодня их применение открывает в целом принципиально иные возможности для обеспечения здоровья не только отдельного человека, но и человечества в целом: такие технологии позволяют своевременно диагностировать заболевание, предотвращать риск его развития и существенно снижают риски рождения потомства с генетическими отклонениями при наличии таковых у потенциальных родителей. Поэтому методы генетической диагностики, которые применяются в мире, разработаны вовсе не для улучшения существующего генофонда человека, а именно в целях оказания помощи нуждающимся в здоровом потомстве парам.

Как и в любом развитом государстве, в Российской Федерации существует законодательная база, регулирующая применение современных молекулярно-генетических технологий в медицине. При этом положения отечественного законодательства большей частью восприня-

ты из положений международных актов, в основном из Конвенции Овьедо¹. К таковым можно отнести возможность медицинского вмешательства только после получения письменного добровольного информированного согласия пациента, равную доступность медицинской помощи для всех, оказание медицинской помощи в соответствии со стандартами и некоторые другие.

Говоря о современном правовом регулировании молекулярно-генетических технологий в медицине, следует согласиться с мнением ученых о том, что «отечественная нормативная база России, регулирующая сферу генетических исследований, в настоящее время находится только на начальном этапе ее развития» [1, с. 34]. При этом правовое регулирование вопросов, связанных с проведением генетической диагностики, осуществляется не комплексно, а охватывается избирательно несколькими нормативно-правовыми актами, среди которых имеют значение федеральные законы от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»², от 5 июня 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»³, от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»⁴. Однако и они в целом характеризуются недостаточной терминологической определенностью и имеют ряд иных пробелов в правовом регулировании.

В рамках развития новой модели современной медицины в Российской Федерации следует выделить приказ Минздрава России от 24 апреля 2018 г. № 186 «Об утверждении Концепции предиктивной, превентивной и персонализированной медицины»⁵. Она направлена на развитие и внедрение высокотехнологичных методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, основанных на клеточных, тканевых и генно-инженерных технологиях, а также проведение фундаментальных и прикладных научных исследований в области молекулярной и клеточной биологии, молекулярной и популяционной генетики. Про-

¹ Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164): заключена в г. Овьедо 04.04.1997 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007d004> (дата обращения: 05.06.2021).

² Российская газета. 2011. 23 нояб.

³ Российская газета. 1996. 12 июля.

⁴ Российская газета. 2016. 28 июня.

⁵ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2021).

ведение ранних исследований генома человека с целью предупреждения возможного заболевания является одним из основных методов реализации данной Концепции.

Сравнительно недавно были приняты нормативные акты, подчеркивающие важность политики государства по развитию генетических технологий как в сфере медицины, так и в иных отраслях. Так, следует отметить Указ Президента РФ от 28 ноября 2018 г. № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации», в котором определены общие цели, направленные на ускоренное развитие и усиление контроля в сфере генетических технологий (в том числе технологий генетического редактирования) не только в здравоохранении, но и в других областях: сельском хозяйстве, промышленности и др.¹

Разработанная во исполнение данного указа «Федеральная научно-техническая программа развития генетических технологий на 2019–2027 годы» определяет направления развития генетических технологий в различных отраслях деятельности, а также обеспечение безопасности их применения и технологической независимости². Стратегия, заложенная в данную программу, нацелена на преодоление критического отставания России от технологических лидеров в сфере биомедицинских генетических технологий, уровень развития которых в существенной мере определяет качество современной медицины, а значит, качество и продолжительность жизни граждан той или иной страны.

Конечно же, применение современных методов генодиагностики охватывает все этапы жизни человека, включающие зачатие (когда диагностируется наличие или отсутствие патогенных мутаций у эмбриона *in vitro*), пренатальный, то есть дородовой период (диагностируется здоровье вынашиваемого женщиной зародыша и плода) и генетическое тестирование человека в разные периоды его жизни. В рамках нашего исследования речь пойдет о современных проблемах пренатального генетического тестирования, проводимого в рамках вспомогательных репродуктивных технологий.

Процедуры пренатальной диагностики в настоящее время регулируются приказом Министерства здравоохранения РФ от 20 октября 2020 г. № 1130н «Об утверждении Порядка оказания медицинской по-

¹ Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (ч. VI), ст. 7586.

² Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2027 годы : постановление Правительства РФ от 22.04.2019 № 479 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (ч. VI), ст. 7586.

мощи по профилю "акушерство и гинекология"»¹, принятым вместо ранее действовавших приказов от 28 декабря 2000 г. № 457 «О совершенствовании пренатальной диагностики в профилактике наследственных и врожденных заболеваний у детей»² и от 1 ноября 2012 г. № 572н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю "акушерство и гинекология (за исключением использования вспомогательных репродуктивных технологий)"»³.

Пренатальная диагностика, широко применяемая в дородовой период развития плода у женщин, включает различные методы обследования развивающегося плода: биохимический скрининг женщин, ультразвуковое исследование плода, исследование хромосом плода, полученных из биологического материала.

Исследование хромосом плода может проводиться двумя методами: инвазивно и неинвазивно. Инвазивная пренатальная диагностика – исследование, направленное на анализ числа и структуры хромосом плода, которое проводится во время беременности при повышенном риске хромосомной патологии у плода по результатам скрининга беременных.

К основным инвазивным методам относятся хорионбиопсия – получение клеток, формирующих плаценту (срок беременности – 10–14 недель), плацентобиопсия – получение клеток плаценты (срок беременности – 14–20 недель), амниоцентез – пункция околоплодного пузыря с забором небольшого количества околоплодных вод (срок беременности – 15–18 недель), фетоскопия – введение зонда и осмотр плода (проводится на 18–19-й неделе беременности), кордоцентез – забор крови из пуповины плода (срок беременности – с 20-й недели) [2, с. 33]. Основным минусом такого метода, является некоторый риск прерывания беременности (0,5–1 % случаев) при его проведении [3, с. 445].

Неинвазивное пренатальное генетическое тестирование (НИПТ), по мнению многих специалистов в сфере генетических исследований, одно из самых современных среди исследуемых процедур тестирования, а точность его достигает 99,9 %, так как исследуется генетический материал плода (его ДНК) в венозной крови будущей матери начиная с 10-й недели беременности. Безусловно, по мнению специалистов-генетиков, как и любой метод диагностики, он имеет свои особенности и недостатки:

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2021).

² Бюллетень Минюста РФ. 2001. № 3.

³ Российская газета 2013. 25 апр.

– наличие неудачных попыток НИПТ, вызванных низким содержанием ДНК плода в крови беременной, особенно у тучных женщин или из-за малой концентрации фетальной ДНК в крови матери;

– определенные сложности НИПТ при мозаицизме хромосом у матери или плода, при двойне, кровнородственном браке, ложном отцовстве [4, с. 6];

– позволяет определить не все генетические аномалии плода. Так, если чувствительность его на синдром Дауна составляет до 99 %, то на синдром Эдвардса – уже только 97 %, а на синдром Патау – 93 % [5, с. 35];

– применение НИПТ ведет к увеличению числа прерываний беременности при выявлении патологии, не представляющей серьезной угрозы для жизни после рождения ребенка.

Заметим, что в ряде стран, например в Бельгии, Нидерландах, Китае, НИПТ – это стандартный скрининг, который используется как тест первой линии для всех беременных женщин, и точность выявления частых анеуплоидий с использованием НИПТ увеличивается практически до 100 % [6, с. 114].

Применение НИПТ в России, несмотря на активное его продвижение в действующих генетических центрах, еще не получило широкого распространения. Причин тому несколько: во-первых, процедура проводится только на коммерческой основе и имеет довольно высокую стоимость, что делает ее доступной только определенным слоям населения; во-вторых, она доступна не во всех городах России; в-третьих, отсутствуют стандартные методические рекомендации, регламентирующие проведение теста и анализ его результатов. Кроме того, НИПТ не имеет официальной сертификации, а практически все оборудование и реагенты, необходимые для его проведения, не имеют регистрационных удостоверений.

В свете применения современных технологий пренатальной диагностики в регионах представляет интерес правовая оценка результатов анкетирования респондентов (женщин детородного возраста), проведенного на базе ГБУЗ Республиканский медико-генетический центр (Уфа) на предмет их информированности о возможностях современных технологий пренатальной генетической диагностики¹. Данный опрос позволил выявить следующие проблемы.

¹ Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Республиканский медико-генетический центр (Уфа) : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://tmgcufa.ru/ru/info/> (дата обращения 05.06.2021).

Во-первых, недостаточная грамотность (отсутствие достаточных знаний) у населения по вопросам проведения генетических исследований, незнание своих прав и гарантий, установленных государством в сфере генетических исследований, в частности при проведении пренатальной диагностики. Так, на вопрос о правах на обеспечение бесплатными генетическими анализами женщин детородного возраста независимо от формы возникновения беременности (эко или естественная) из 55 респондентов затруднились ответить 9 и 2 ответили отрицательно. На вопрос о возможности проведения теста ДНК во время беременности из 55 респондентов только 27 были согласны на проведение его неинвазивными методами (которые считаются более безопасными для ребенка), 15 затруднились ответить.

Кроме того, в целом отмечается отсутствие надлежащей информированности обследуемых граждан со стороны медицинских организаций о возможностях генетических исследований и их последствиях. При этом основным вопросом в данном случае является понимание «достаточной» или «надлежащей» информированности пациентов, проходящих генетическое обследование. Законодатель не определяет такие критерии четко, что позволяет сделать вывод о пробеле в правовом регулировании обозначенной проблемы.

Представляется, что политика государства в целях сокращения и предотвращения рождения потомства с отклонениями должна учитывать проблему доведения до сведения населения более подробной информации о возможностях ВРТ (как в рамках государственного финансирования, так и дополнительных возмездных услуг).

Во-вторых, выявлена проблема доступности и проведения генетических исследований с биологическим материалом. Исходя из приведенных данных, большинство опрошенных ранее не участвовали в проведении молекулярно-генетических анализов. Одна из причин – высокая стоимость таких исследований, которые не всегда проводятся при поддержке государства. Респонденты отмечают, что стоимость исследований важна для них, и многие положительно относятся к проведению генетического скрининга за счет государства. Возможно, в дальнейшем можно предложить включить данные исследования в систему ОМС, чтобы исключить рождение больных детей, тем самым снизив нагрузку государства по обеспечению их медицинским лечением, уходом, реабилитацией и лекарственными препаратами.

Представляется, что выявленные проблемы имеют значение в целом в нашей стране, а не только на региональном уровне.

Согласно действующему приказу Минздрава РФ № 1130н НИПТ не входит в российскую систему раннего комбинированного пренатального скрининга беременных. Соответственно, сложно говорить об определенном законодательно-правовом статусе такого теста, что в целом составляет проблему его легального применения в государственных клиниках и генетических центрах.

Следует согласиться с мнением ученых о том, что исключать такой метод диагностики из пренатального скрининга беременных нельзя, поскольку, по сравнению с иными методами пренатальной диагностики, он является «эффективным (то есть безопасным и простым), а его результаты на выявление синдромов Дауна, Эдвардса и Патау лучше, чем у традиционного комбинированного теста, основанного на ультразвуковом исследовании» [7, с. 126].

Заметим, что в России на региональном уровне делаются попытки масштабного использования НИПТ на примере пилотного проекта в Москве¹ и Ямало-Ненецком автономном округе².

В нашей стране НИПТ активно проводится преимущественно частными медицинскими центрами, поскольку данное исследование, в отличие от инвазивной пренатальной диагностики, не входит в базовую программу обязательного медицинского страхования. Это связано в том числе с рядом нерешенных на законодательном уровне вопросов. Во-первых, как уже указывалось, с отсутствием законодательно закреплённого статуса этого вида пренатального скрининга в системе медицинской помощи беременным женщинам и обозначением возможных источников его финансирования.

Во-вторых, с возможностью прервать беременность по личным причинам без медицинских показаний (например, злоупотребление тестом для отбора плодов определенного пола).

Особую проблему представляет возможность женщины прервать беременность при выявлении врожденной аномалии по данным комбинированного пренатального скрининга и (или) НИПТ, не представляю-

¹ Об организации проведения неинвазивного пренатального теста в городе Москве : приказ Департамента здравоохранения г. Москвы от 13.03.2020 № 199 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2021).

² Об организации проведения неинвазивного пренатального теста (НИПТ) в Ямало-Ненецком автономном округе : приказ Департамента здравоохранения Ямало-Ненецкого автономного округа от 24.06.2020 № 671-о [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2021).

щей особой угрозы для жизни ребенка в будущем. Такая возможность обезопасить себя от будущих проблем, безусловно, повлияет на демографическую ситуацию в стране.

В настоящее время согласно Федеральному закону № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» искусственное прерывание беременности до 12 недель может проводиться по желанию женщины вне зависимости от наличия патологии плода. После 12 недель решение об искусственном прерывании беременности принимается консилиумом врачей и проводится по медицинским показаниям, регламентированным приказом Минздравсоцразвития РФ от 3 декабря 2007 г. № 736 «Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности»¹.

В этой связи заслуживает поддержки мнение В.В. Лапаевой, предлагающей легализовать сложившуюся деловую практику некоторых медицинских генетических центров, которые сообщают результаты НИПТ своим пациентам только начиная с 12 недели беременности, с целью исключения необдуманного ее прерывания, а только по медицинским показаниям [8, с. 191].

Подводя итог, следует отметить, что, по сравнению с некоторыми зарубежными странами, активно применяющими современные методы неинвазивной генетической диагностики, нормативная база по применению НИПТ в нашей стране пока находится в стадии развития. Внедрение современных методов пренатальной диагностики – одна из важнейших задач современного государства. В настоящее время ученые предлагают два основных сценария внедрения НИПТ в практику генетического пренатального тестирования в России:

- контингентный – обязательный тест первой линии всем беременным, находящимся в группе риска. Такой подход позволяет субсидировать оплату части или всей стоимости НИПТ из государственного бюджета;

- коммерческий – в качестве дополнения к существующей программе пренатального скрининга как тест второй линии для беременных, имеющих финансовые (собственные или за счет дополнительного медицинского страхования) ресурсы для его оплаты [9, с. 10].

При этом важно обдуманное их внедрение с законодательным установлением соответствующих методических, технических регламен-

¹ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 9.

тов и ограничений на их проведение, в том числе и подготовки высококвалифицированных кадров консультантов-генетиков, поскольку основная нагрузка при применении таких методов диагностики при проведении первичного консультирования беременных приходится на них. Кроме того, решение проблемы финансирования государством неинвазивных методов пренатальной диагностики беременных позволит создать полноценную систему генетического пренатального тестирования в России.

Библиографический список

1. Рузанова В.Д., Беляков В.И. Проблемы легализации и использования генетических технологий и данных циркадианной физиологии в сфере профессионального отбора // Юридический вестник Самарск. ун-та. 2020. Т. 6, № 2. С. 28–35. DOI <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-28-35>.
2. Юпатов Е.Ю. Современные принципы пренатального скрининга // Практическая медицина. 2016. № 1 (93). С. 32–37.
3. Salomon L.J., Sotiriadis A., Wulff C.B., Odibo A., Akolekar R. Risk of miscarriage following amniocentesis or chorionic villus sampling: systematic review of literature and updated meta-analysis // Ultrasound Obstet Gynecol. 2019. № 54. P. 442–451. DOI 10.1002/uog.20353.
4. Баранов В.С., Кузнецова Т.В. Новые возможности генетической пренатальной диагностики // Журнал акушерства и женских болезней. 2015. № 2. С. 4–12.
5. Кашеева Т.К., Кузнецова Т.В., Баранов В.С. Новые технологии и тенденции развития пренатальной диагностики // Журнал акушерства и женских болезней. 2017. № 66 (2). С. 33–39.
6. Чоговадзе А.Г. Особенности законодательного регулирования преимплантационной и пренатальной генетической диагностики в различных странах // Клеточная трансплантология и тканевая инженерия. 2012. № 7 (2). С. 112–118.
7. Оленев А.С., Баранова Е.Е., Сагайдак О.В., Галактионова А.М., Беленикин М.С., Гнетецкая В.А., Зобкова Г.Ю., Косова Е.В., Макарова М.В., Сонгорова Е.Н. Нормативно-правовое регулирование дородового скрининга с использованием неинвазивного пренатального теста в Российской Федерации // Вопросы гинекологии, акушерства и перинатологии. 2020. № 19 (6). С. 124–132. DOI 10.20953/1726-1678-2020-6-124-132.

8. Лапаева В.В. Преимплантационная и пренатальная генетическая диагностика в Российской Федерации: этико-правовые проблемы // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2021. Т. 25, № 1. С. 179–197. DOI 10.22363/2313-2337-2021-25-1-179-197.

9. Коростин Д.О., Плахина Д.А., Белова В.А. Неинвазивный пренатальный молекулярный скрининг: особенности внедрения в клиническую практику // Вестник РГМУ. 2019. № 3. С. 4–12. DOI 10.24075/brsmu.2019.036.

Дата поступления: 18.06.2021

KHUSAINOVA Rita Igorevna

*Doctor of Biological Sciences, Leading Researcher of the Laboratory of Human Molecular Genetics, Institute of Biochemistry and Genetics, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Laboratory and Diagnostic Work of the State Budgetary Healthcare Institution Republican Medical Genetics Center, Ufa, Russia.
E-mail: ritakh@mail.ru*

AKHTYAMOVA Evgeniya Viktorovna

*Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Chair of Civil Law of the Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia.
E-mail: evaah@rambler.ru*

MINNIAKHMETOV Ildar Ramilevich

*Candidate of Sciences (Biology), Researcher at the Institute of Biochemistry and Genetics, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Director of the State Budgetary Healthcare Institution Republican Medical Genetic Center, Ufa, Russia.
E-mail: minniakhmetov@gmail.com*

ALSYNBAEVA Elvira Makhamatovna

*Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Chair of Civil Law of the Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia.
E-mail: elish@list.ru*

LEGAL PROBLEMS OF APPLYING MODERN METHODS FOR PRENATAL GENETIC DIAGNOSTICS IN RUSSIA

The paper analyzes current ethical and legal problems related to prenatal genetic diagnostics, which is an important part of Russia's strategy of transition to personalized medicine. Particular attention is paid to the problems of the effectiveness of prenatal diagnostics and legal regulation of the use of modern genetic technologies for non-invasive diagnosis of genetic and chromosomal abnormalities in the fetus. The legal mechanisms for using data on genetic disorders in the fetus and gaps in legislation are considered. **Purpose:** to analyze the legal regulation of issues of prenatal genetic diagnostics in Russia and its modern non-invasive methods, to identify urgent problems of their application and to determine possible ways to solve them. **Methods:** the authors use empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; as well as special scientific methods of interpretation of legal norms and legal-dogmatic. **Results:** it is concluded that the national regulatory framework needs to improve the legal regime for DNA testing. The need to introduce non-invasive diagnostic technologies into the practice of medical genetic counselling for the general population as the safest and most progressive method of genetic diagnostics is identified.

Keywords: prenatal diagnostics; invasive diagnostic methods; non-invasive prenatal testing; questionnaire; genetic information.

References

1. Ruzanova V.D., Belyakov V.I. Problems of legalizing the use of genetic technologies and circadian physiology data in the professional selection system. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2020, vol. 6, no. 2, pp. 28–35. DOI <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-28-35>. (In Russian).
2. Yumatov E.YU. Modern principles of prenatal screening. *Prakticheskaya medicina = Practical Medicine*, 2016, no. 1 (93), pp. 32–37. (In Russian).
3. Salomon L.J., Sotiriadis A., Wulff C.B., Odibo A., Akolekar R. Risk of miscarriage following amniocentesis or chorionic villus sampling: systematic review of literature and updated meta-analysis. *Ultrasound Obstet Gynecol*, 2019, no. 54, pp. 442–451. DOI 10.1002/uog.20353.

4. Baranov V.S., Kuznetsova T.V. Novel options in Prenatal Genetic Diagnostic. *ZHurnal akusherstva i zhenskih boleznej = Journal of Obstetrics and Women's Diseases*, 2015, no. 2, pp. 4–12. (In Russian).

5. Kascheeva T.K., Kuznetsova T.V., Baranov V.S. New technologies and trends of prenatal diagnostics. *ZHurnal akusherstva i zhenskih boleznej = Journal of Obstetrics and Women's Diseases*, 2017, no. 66 (2), pp. 33–39. (In Russian).

6. Chogovadze A.G. Features of the legislative regulation of preimplantation and prenatal genetic diagnosis in different countries. *Kletochnaya transplantologiya i tkanevaya inzheneriya = Cell Transplantation and Tissue Engineering*, 2012, no. 7 (2), pp. 112–118. (In Russian).

7. Olenev A.S., Baranova E.E., Sagaydak O.V., Galaktionova A.M., Belenikin M.S., Gnetetskaya V.A., Zobkova G.YU., Kosova E.V., Makarova M.V., Songolova E.N. Prenatal screening and non-invasive prenatal testing regulation in the Russian Federation. *Voprosy ginekologii, akusherstva i perinatologii = Gynecology, Obstetrics and Perinatology*, 2020, no. 19 (6), pp. 124–132. DOI 10.20953/1726-1678-2020-6-124-132. (In Russian).

8. Lapaeva V.V. Preimplantation and prenatal genetic diagnostics in Russian Federation: ethical and legal issues. *Vestnik RUDN. Seriya: YUridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 179–197. DOI 10.22363/2313-2337-2021-25-1-179-197. (In Russian).

9. Korostin D.O., Plakhina D.A., Belova V.A. Noninvasive prenatal testing: the aspects of its introduction into clinical practice. *Vestnik RGMU = Bulletin of RSMU*, 2019, no. 3, pp. 4–12. DOI 10.24075/brsmu.2019.036. (In Russian).

Received: 18.06.2021

**ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА**

**GENERAL THEORETICAL AND HISTORICAL
PROBLEMS IN THE FORMATION
OF THE RULE-OF-LAW STATE**

УДК 351.75:94 (47+57)
DOI 10.33184/pravgos-2021.2.5

ИСХАКОВ Эдуард Робертович

*доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры
криминалистики Уфимского юридического института МВД России,
г. Уфа, Россия.*

E-mail: iskhakov1964@mail.ru

**ЛИКВИДАЦИЯ ВСПЫШКИ МОРОВОЙ ЯЗВЫ (ЧУМЫ)
В МОСКВЕ В XVIII ВЕКЕ:
ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

Учет исторического опыта ликвидации эпидемий особо опасных инфекций актуален для разработки и проведения мероприятий в современный период, когда главным вызовом начала этого столетия стала пандемия коронавирусной инфекции. **Цель** исследования – выявление особенностей нормативных правовых актов, направленных на ликвидацию вспышки чумы в Москве в XVIII в. **Методы:** аналитический и библиографический (проанализированы нормативные правовые акты и научная литература, посвященная эпидемии чумы в Москве в XVIII в.). **Результаты:** показана роль главного ликвидатора эпидемии – графа Г. Орлова, который наряду с дополнительными запретительными и ограничительными мерами ввел финансовую поддержку больных и лиц, находящихся на карантине, а также учреждений здравоохранения, что позволило ликвидировать эпидемию практически за два месяца и не допустить ее распространения по всей Империи. Мероприятия по ликвидации чумы основывались на мнe-

нии ведущих российских медиков о том, что чума – это заболевание, которое передается контактным путем, что было научным прогрессом.

Ключевые слова: законодательство Российской Империи; полиция России; эпидемия чумы; пандемия; Русско-турецкая война; карантинные правила; государственные учреждения.

Сегодня весь мир переживает пандемию инфекционного заболевания COVID-19, вызванного вирусом из семейства коронавирусов. Но для того чтобы борьба с пандемией была успешной, полезно извлекать исторические уроки и сравнивать эффективность принятых когда-то мер по ликвидации распространения инфекции, проводить параллели, анализировать совпадения и различия. Уроки истории дают нам любопытную информацию не только о событиях прошлого, но и о полезных практических действиях, которые могут пригодиться в определенной ситуации сегодня.

В 1770 г. в России вспыхнула эпидемия чумы. Как и сейчас, зараза была завезена из Европы (хотя первоначальный очаг инфекции в 2020 г. был в Китае), а основной очаг образовался в Москве (и, как оказалось, единственный из-за принятых эффективных мер). Россия тогда в очередной раз воевала с Турцией. Императрица Екатерина II в своем Манифесте четко обозначила, откуда взялась болезнь – «занесена вероломными и зверскими турками»¹.

К ликвидации эпидемии чумы в Москве была привлечена полиция, которая выполняла практически весь объем санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий. По нормативным правовым документам, указам того времени, мы можем судить, чем эти указы были вызваны – какими обстоятельствами, событиями и, естественно, поведением людей.

Первым умершим в Москве от чумы в декабре 1770 г. был раненый российский офицер, воевавший на русско-турецком фронте. Хотя и были приняты запретительные меры, не позволяющие провозить в Россию вещи и товары и пересекать границу только через заставы и карантинные дома, чума проникла в Москву², и к марту 1771 г. счет умерших

¹ Полное собрание законов Российской Империи: собрание 1-е: с 1649 г. по 12 декабря 1825 г. СПб. : Тип. Второго отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1830. Т. 19. № 13.551. С. 203.

² Там же. С. 204.

от нее шел уже на сотни (не хватало даже гробов для погребения). Императрица Екатерина II призывала население проявлять патриотизм в борьбе с болезнью, соблюдая все карантинные предписания («кто не захочет, тот предатель Отечества»)¹, но поведение людей было далеко не законопослушное, и эпидемия разрасталась².

Вначале эпидемии список запретительных мер был следующим и включал:

- перечень товаров, запрещенных к ввозу в Москву;
- дезинфекцию всех товаров, ввозимых в Москву;
- карантин для въезжающих в Москву (на 6 недель);
- наказания за нарушения карантинных правил, вплоть до каторги;
- запрет на перемещение людей между населенными пунктами;
- особые правила торговли (через 2 преграды, посередине пространство: товар кладется в пространство между преградами, деньги опускаются в чан с уксусом, мясо проносится через огонь);
- правила продажи алкоголя – только через зарешеченные окна и двери;
- правила дезинфекции писем, полученных из мест, где были зафиксированы случаи заболевания чумой (в перчатках работать, письмо брать щипцами, окуривать в густом дыму);
- обязательную дезинфекцию (окуривание);
- правила поведения в городе: не ходить из дома в дом;
- правила осмотра врачами больных: доктор должен прикасаться к больному только через листок табака, который мог использоваться только один раз³.

Разreshалось перемещение через московские заставы людей из близлежащих населенных пунктов только со справками, где указано, что в данном населенном пункте нет больных⁴.

Указами устанавливались карантинные меры, направленные на ограничение неконтролируемого передвижения людей: в населенные пункты никого не впускали, ночевать приshлые люди должны были в специальных карантинных домах на краю поселения, местному населению запрещалось контактировать с приshлыми;

¹ Полное собрание законов Российской Империи. С. 203.

² Там же. № 13.660. С. 314.

³ Там же. № 13.552. С. 204.

⁴ Там же. № 13.594. С. 264.

- устанавливались правила торговли: дезинфицировать деньги и руки в квасной гуще;
- устанавливались мероприятия по постоянной дезинфекции воздуха и домов – окуривать можжевельником¹;
- устанавливался объезд для пассажирских и грузовых перевозок мимо Москвы²;
- практически прекратилась работа во всех государственных структурах управления (коллегиях, канцеляриях, департаментах, приказах и магистратах)³.

Надзор за проведением санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий возлагался на полицию, которой подчинялись лекари⁴. Жалование медицинские работники также получали из средств полиции⁵.

На полицию возлагались такие мероприятия, как захоронение умерших, которое под руководством полицейских осуществлялось колодниками – лицами, осужденными к каторжным работам⁶, выявление лиц, утаивающих больных и выбросивших трупы на улицу⁷.

Были выработаны этические правила поведения полицейских: в общении с населением они должны были проявлять человеколюбие, внимательность и доброжелательность, запрещалось грубить, хамить, брать взятки⁸. Были приняты указы о финансовой поддержке со стороны государства (предоставление питания) заболевших чумой и находящихся на карантине⁹.

Полиции предписывалось пресекать поведение населения, которое нарушало карантинные правила и способствовало распространению болезни. Жители скрывали больных, не сообщали о заболевших властям, тела умерших выносили на улицы и оставляли там¹⁰, люди бежали из Москвы¹¹, заболевшие избегали лечения в больницах, нищие бродяжничали, разнося тем самым заразу, в дома заболевших, а особенно умерших,

¹ Полное собрание законов Российской Империи. № 13.662. С. 315.

² Там же. № 13.658. С. 314.

³ Там же. № 13.642. С. 299 ; № 13.644. С. 300.

⁴ Там же. № 13.586. С. 244.

⁵ Там же. № 13.601. С. 267.

⁶ Там же. № 13.641. С. 289.

⁷ Там же. № 13.648. С. 304.

⁸ Там же. № 13.653. С. 309.

⁹ Там же. № 13.556. С. 211 ; № 13.599. С. 266.

¹⁰ Там же. № 13.653. С. 309.

¹¹ Там же. № 13.662. С. 315.

проникали воры и уносили одежду для последующей продажи. Причинами такого безответственного поведения было в том числе и недоверие людей к системе здравоохранения, где было много иностранцев.

Поведение основной массы горожан и до эпидемии не отличалось высоким уровнем санитарии и гигиены – все бытовые и хозяйственные отходы выбрасывались на улицы и в канавы.

Первоначально людей с подозрением на чуму принудительно изолировали на период от 2 до 8 недель без питания и надлежащих условий, поэтому среди населения стала распространяться безработица, а вслед за ней и голод. Люди нападали на врачей, которые приходили осматривать их для выявления признаков болезни.

Полицейские участвовали в пресечении бунта, им предписывалось задерживать лиц, участвующих в мятеже¹.

Мятеж москвичей, названный историками «чумной московский бунт», случился в сентябре 1771 г. Поводом послужил запрет собираться на молебны. Естественно, по законам социальной психологии, подогреваемые различными слухами (так как местное начальство самоустранилось от борьбы с эпидемией), толпы мятежников разграбили ряд московских монастырей, дома богатых горожан и тех, из-за кого, по их мнению, развивается эпидемия и ухудшается положение – карантинные дома и больницы, где лечились больные чумой; нападения были даже на врачей.

Из Санкт-Петербурга в Москву для ликвидации эпидемии был послан генерал граф Г. Орлов². Он прибыл в Москву в конце сентября 1771 г. во время роста эпидемии и массовых народных волнений, а уже к концу ноября чума резко пошла на спад. К его приезду, несмотря на карантинные запреты, эпидемия разрасталась и к сентябрю 1771 г. количество умерших достигало до 1000 человек в сутки, что для населения Москвы того времени было колоссальной цифрой.

С началом действенных противоэпидемических мер, инициированных Г. Орловым, которые были выработаны на основе научных рекомендаций ведущих медицинских специалистов России, находящихся на тот момент в Москве, заболеваемость и смертность стали неуклонно снижаться.

¹ Полное собрание законов Российской Империи. № 13.659. С. 314.

² Там же. № 13.657. С. 313.

Г. Орлов следил не только за исполнением принятых противозидемических и карантинных мер, но и ввел дополнительные. В их основу было положено мнение о том, что болезнь передается при контакте, поэтому необходимо прекращать пути контактов между людьми, обеззараживать все, через что идет контакт от человека к человеку, а также принимать меры материальной поддержки заболевших и контактировавших, чтобы они не скрывали болезнь и обращались за медицинской помощью [1, с. 315].

Были установлены следующие правила и рекомендации, в том числе и с привлечением полиции:

- ограничена работа государственных учреждений – канцелярий¹;
- меры по дезинфекции (обеззараживанию) – все вещи и одежду необходимо окуривать или обрабатывать уксусом путем замачивания;
- все продукты подвергать термической обработке²;
- задержание лиц, пытающихся попасть в Москву, минуя карантины, а также тех, кто участвовал в похоронах, и доставление их в больницы³;
- задержание и смертная казнь тем людям, которые грабили дома умерших⁴;
- изданы два руководства для населения и врачей с информацией: о признаках заболевания и течении болезни, ее лечении, особенностях питания, профилактики (упор делался на соблюдении личной гигиены и наличии «веселого духа, а не печали»)⁵; о том, что главный путь передачи болезни – контакт с больным, поэтому надо избегать контактов, поддерживать чистоту в доме, соблюдать рекомендации по самолечению: до прихода врачей «пить горячую воду с уксусом, укутаться и лежать в постели потеть довольное время»⁶.

Контролировалось исполнение полицией предыдущих распоряжений по санитарно-гигиеническому контролю и выполнение самих мероприятий: дезинфекция жилищ, отлов и умерщвление бродячих собак, задержание и наказание, лиц нарушающих карантинные распоряжения⁷.

¹ Полное собрание законов Российской Империи. № 13.709. С. 384.

² Там же. № 13.665. С. 319.

³ Там же. № 13.680. С. 340.

⁴ Там же. № 13.676. С. 332.

⁵ Там же. № 13.682. С. 341.

⁶ Там же. № 13.683. С. 347.

⁷ Там же. № 13.697. С. 376.

По указанию Г. Орлова умерших от чумы хоронили за пределами Москвы на специально выделенных кладбищах. Так, известное Ваганьковское кладбище изначально было основано как погост для умерших от чумы.

Была обеспечена финансовая поддержка населения Москвы: увеличение зарплаты врачам, людям, выписанным из карантина (не заболевшим выплачивалось по 10–15 коп. за каждый день, проведенный в карантине, выздоровевшие получали: семейные – по 10 руб., холостые – по 5 руб., им выдавалась новая одежда). Цены на продукты того времени: один килограмм говядины стоил 7 коп., 1 пуд муки – 20–25 коп. [2, с. 55] (для примера: зарплата мелкого чиновника в те годы в Москве составляла 8–12 руб. в месяц [3, с. 358]). Горожане обеспечивались питанием за казенный счет, оказывалась помощь тем, кто остался без работы, – они направлялись на общественные работы по углублению рва вокруг Москвы и получали за это зарплату¹. Безработным государственным служащим, чьи учреждения были закрыты на период карантина, зарплата была выдана вперед². Считается, что такие меры финансовой поддержки дали больший эффект в борьбе с эпидемией, нежели меры запретительные [4, с. 100].

Следует заметить, что принятые меры по дезинфекции и изоляции имели положительный эффект и научную основу. Медики Российской Империи обнаружили взаимосвязь между микробами и инфекционными заболеваниями. Знаменитый российский врач-инфекционист и эпидемиолог Д.С. Самойлович, участвовавший в лечении больных чумой в Москве, уже тогда предположил, что эта болезнь вызывается каким-то микробом, и пытался рассмотреть его в микроскоп, однако это ему не удалось из-за низкого технического качества микроскопа (микроскопов с большим увеличением, позволяющих рассмотреть микроб чумы, в то время не существовало).

К пониманию микробного происхождения инфекционных болезней в Европе пришли только более чем через 80 лет после эпидемии чумы в Москве, и то предварительно уморив в психиатрической лечебнице венгерского врача И. Земмельвейса, который научно доказал, что руки и инструменты перед хирургическими операциями и приемами родов надо чистить и тщательно мыть, и обязательно в жидкостях, содержа-

¹ Полное собрание законов Российской Империи. № 13.688. С. 356.

² Там же. № 13.709. С. 384.

щих хлор, то есть дезинфицировать. Ибо, по его мнению, какие-то мельчайшие существа, невидимые пока людям, вызывают гнойные воспаления и смертельную родильную горячку у женщин.

Эпидемия чумы в Москве была ликвидирована в относительно кратчайшие сроки – за несколько месяцев. Нормативные правовые акты, принятые под руководством Г. Орлова, были направлены на изменение поведения людей вследствие их финансово-материальной поддержки и на предотвращение контактов с инфекционным возбудителем. В практической реализации принятых законодательных актов главную роль играла полиция. В конце ноября 1771 г. Г. Орлов вернулся в Санкт-Петербург, где за свой труд был удостоен наград и почестей, в том числе именной триумфальной арки и специальной персональной медали.

Библиографический список

1. Шафонский А.Ф. Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год: с приложением всех для прекращения оной тогда установленных учреждений. М., 1775. 652 с.
2. Очерки Истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII века / под ред. А.И. Барановича, Б.Б. Кафенгауза, И.К. Алефиренко, Ю.Р. Клокмана, Е.Н. Кушевой. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 911 с.
3. Писарькова Л.Ф. Чиновник на службе в конце XVII – середине XIX века // Отечественные записки. 2004. № 2. С. 358–370.
4. Супотницкий М.В. Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы : [в 2 кн.] Кн. I. Чума добактериологического периода. М. : Вузовская книга, 2006. 468 с.

Дата поступления: 23.06.2021

ISKHAKOV Eduard Robertovich

*Doctor of Medical Sciences, Professor of the Department of
Criminalistics, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Ufa, Russia.*

E-mail: iskhakov1964@mail.ru

**ELIMINATION OF THE PESTILENCE (PLAGUE)
OUTBREAK IN MOSCOW IN THE XVIII CENTURY:
HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS**

Taking into account the historical experience of eliminating epidemics of particularly dangerous infections is relevant for the design and implementation of measures in the modern period, when the main challenge at the beginning of this century is the coronavirus pandemic. The **purpose** of the study is to identify the features of regulatory legal acts aimed at eliminating the plague outbreak in Moscow in the 18th century. **Methods:** the author uses analytical and bibliographic methods (scientific literature on the plague epidemic in Moscow in the 18th century and normative legal acts are analyzed). **Results:** the paper shows the role of the main liquidator of the epidemic – Count G. Orlov, who, along with additional prohibitive and restrictive measures, introduced financial support for patients and persons in quarantine, as well as health care institutions, which made it possible to eliminate the epidemic in almost two months and prevent its spread throughout the Empire. The measures to eliminate the plague were based on the opinion of leading Russian doctors that the plague is a disease that is transmitted by contact, which was scientific progress.

Keywords: legislation of the Russian Empire; Russian police; plague epidemic; pandemic; Russian-Turkish war; quarantine rules; state institutions.

References

1. Shafonsky A.F. *Opisanie morovoj yazvy, byvshej v stolichnom gorode Moskve s 1770 po 1772 god: s prilozheniem vsekh dlya prekrashcheniya onoj togda ustanovlennyh uchrezhdenij* [Description of the pestilence that existed in the capital city of Moscow from 1770 to 1772: with the application of all established institutions to terminate it]. Moscow, 1775. 652 p.

2. Baranovich A.I., Kafengauz B.B., Alefirenko I.K., Klokman YU.R., Kusheva E.N. (eds.). *Ocherki Istorii SSSR. Period feodalizma. Rossiya vo vtoroj polovine XVIII veka* [Essays on the History of the USSR. The period of feudalism. Russia in the second half of the 18 century]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1956. 911 p.

3. Pisarkova L.F. Civil servant at the end of the 17th – middle of the 19th century. *Otechestvennye zapiski = Domestic Notes*, 2004, no. 2, pp. 358–370. (In Russian).

4. Supotnitskiy M.V. Supotnitskaya N.S. *Ocherki istorii chumy. Kniga I. CHuma dobakteriologicheskogo perioda* [Essays on the history of the plague. Book I. Plague of the pre-bacteriological period]. Moscow, Vuzovskaya kniga Publ., 2006. 468 p.

Received: 23.06.2021

УДК 347.999

DOI 10.33184/pravgos-2021.2.6

РАССКАЗОВ Вячеслав Леонидович

*кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия.
E-mail: slavaras22@mail.ru*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОММЕРЧЕСКИХ СУДОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В конце XIX в. деятельность коммерческих судов в Российской Империи характеризовалась уменьшением количества рассматриваемых дел.

Цель: рассмотрение проблемы развития и функционирования коммерческих судов как институтов судебной власти конце XIX – начале XX в.

Методы: диалектический, исторический, сравнения, описания.

Результаты: показано, что в 1892 г. при Министерстве юстиции Российской Империи стало функционировать Особое совещание по проблемам коммерческих судов, которое должно было решить их судьбу как институтов судебной власти. Подвергнута анализу и деятельность более высокой инстанции – Комиссии по пересмотру законоположений по судебной части при Госсовете. Показано, что в период контрреформ происходит изменение позиции правящей элиты Российской Империи по поводу дальнейшей судьбы коммерческих судов, отмечается, что такие суды, формируемые во многом при участии купеческого сообщества и в этой связи неподкупные, стали мешать представителям правящей элиты получать доходы от связей с крупным капиталом, что не способствовало развитию коммерческого судопроизводства.

Ключевые слова: коммерческие суды; Российская Империя; Министерство юстиции; судебная власть; коммерческое судопроизводство; судебные решения; торговый суд; Судебный департамент Сената.

К концу XIX в. деятельность коммерческих судов в Российской Империи характеризовалась уменьшением количества рассматриваемых дел. Так, статистика показывает, что наибольшее количество дел из числа торговых (хозяйственных) споров рассматривали столичные коммерчески суды, то есть коммерческие суды в Санкт-Петербурге и Москве.

В частности, в 1882 г. коммерческий суд в Санкт-Петербурге рассмотрел 7733 дела на общую сумму предъявленных исков 31 892 230 руб., коммерческий суд в Москве – 5024 дела на общую сумму 13 875 804 руб., в то время как Одесский коммерческий суд – 1597 дел на общую сумму исков 2 360 910 руб., Бессарабский коммерческий суд – 1847 дел на общую сумму исков 1 505 610 руб., Таганрогский коммерческий суд – 966 дел на общую сумму исков 1 710 876 руб.¹ Такое положение объясняется, на наш взгляд, тем, что Москва и Санкт-Петербург были не только промышленными, но и финансовыми центрами, где в наибольшей степени были развиты банковские услуги, там же находились наиболее квалифицированные судебные работники, и многие предприниматели стремились к тому, чтобы их дела рассматривались в судах столичных городов.

Нужно также иметь в виду, что в коммерческих судах, по сравнению с общими судами гражданского судопроизводства, было значительно меньше апелляционных жалоб, а также, соответственно, отмененных судебных решений первой инстанции². Аналогичной была ситуация в других коммерческих судах.

Казалось бы, при такой активности коммерческих судов, несмотря на уменьшение рассматриваемых дел, не было оснований закрывать их. Однако процесс упразднения коммерческих судов все же начался. Причем первые попытки имели место еще в 1860-е годы. Например, 18 марта 1868 г. архангельский губернатор поставил вопрос об упразднении коммерческого суда в Архангельске ввиду незначительности числа рассматриваемых дел, что, на его взгляд, было неоправданным бременем для городской казны. В те годы коммерческий суд в Архангельске, по сравнению с коммерческими судами других городов, ежегодно рассматривал до 40 дел, что, конечно же, для такого города было очень мало. Но тогда на запрос архангельского губернатора о ликвидации коммерческого суда Министерство юстиции Российской Империи отреагировало довольно вяло. Вспомним, что в те годы в правящей элите, от которой зависело принятие решения о ликвидации коммерческих судов, еще не сформировалось мнение о необходимости их упразднения. Поэтому неудивительно, что Министерство юстиции запустило неспешный бюрократический механизм (сбор предварительных сведений от архангельского прокурора, запрос данных от самого коммерческого суда в Архангельске, а также от купеческого сообщества и т. д.), в результате

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 73. 1875 г. Ед. хр. 3677. Л. 49–60.

² Там же. Ф. 1261. Оп. 2. 1866 г. Ед. хр. 164 «А». Л. 132 об., 135 об.

чего возобладало мнение Комиссии Министерства юстиции об оставлении дела до разрешения общего вопроса о коммерческих судах¹, и дело о закрытии коммерческого суда было приостановлено.

Аналогичная ситуация несколько позже повторилась с Одесским коммерческим судом, инициатором ликвидации которого выступила Городская дума Одессы. Она посчитала содержание коммерческого суда делом не государственным, а частным, в котором заинтересован не столько город, сколько купеческое сообщество². И хотя тогда решение о ликвидации коммерческого суда в Одессе тоже не было принято, тенденция к закрытию коммерческих судов уже обозначилась.

Реальная ликвидация коммерческого суда произошла в Области Войска Донского. Поводом для принятия этого решения стали ходатайства коммерческого суда, работавшего на этой территории в Новочеркасске в 1872–1874 гг., направленные в Министерство юстиции Российской Империи. При рассмотрении вопроса по существу обнаружилось, что количество рассматриваемых дел в данном коммерческом суде неуклонно уменьшалось, в связи с чем Министерство юстиции, не отказываясь от самого института коммерческих судов, в данном конкретном случае приняло решение его ликвидировать ввиду отсутствия «обширных торговых оборотов», которое было поддержано Госсоветом³.

Вопрос о целесообразности коммерческих судов вновь был поднят в конце 1880-х годов после ревизии коммерческого суда в Таганроге. Тогда также обнаружилось, что загрузка коммерческого суда снизилась. С учетом этого обстоятельства и имея в виду положение дел в других коммерческих судах, в 1892 г. при Министерстве юстиции Российской Империи стало функционировать Особое совещание по проблемам коммерческих судов, которое должно было решить, что делать дальше с коммерческими судами как институтом судебной власти⁴. Однако до активной деятельности этого Совещания дело не дошло, поскольку в 1894 г. в более высокой инстанции – в Госсовете, была образована Комиссия по пересмотру законоположений по судебной части. И буквально на первом заседании Комиссии был обозначен ставший основным принцип, согласно которому специализация коммерческих судов должна сохраняться только в качестве отделений окружных судов [1, т. IX, с. 7, 9]. Заметим при этом, что такого рода трансформация судебной системы

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 64. 1866 г. Ед. хр. 7628 «Г». Л. 1–28.

² Там же. Ф. 1405. Оп. 64. 1866 г. Ед. хр. 7628 «Г». Л. 17–18, 34.

³ Там же. Ф. 1261. Оп. 3. 1877 г. Ед. хр. 89. Л. 2–10.

⁴ Там же. Ф. 1405. Оп. 64, 1866 г. Ед. хр. 7628 «И». Л. 79.

не касалась военных, духовных и крестьянских судов [1, т. IX, с. 19]. В Комиссии развернулась дискуссия.

Ряд известных специалистов и правоведов полагали, что коммерческие суды должны оставаться специализированным судебным институтом (А.П. Концевич, Н.С. Таганцев, Н.А. Тур, А.Л. Боровиковский, П.М. Бутовский и др.). Однако не без влияния председателя Комиссии Н.В. Муравьева она пришла к заключению о нецелесообразности функционирования коммерческих судов как самостоятельной судебной структуры. Равным образом это относилось и к специализированному торговому судопроизводству. Со сторонниками коммерческих судов был достигнуто некое «серединное» соглашение: «особые торговые отделения» при общих судах допустимы, но только как временная мера [1, т. VIII, с. 12]. Дискуссия о коммерческих судах продолжилась после внесения в 1901 г. предложений Комиссии в Госсовет. В поддержку самостоятельности коммерческих судов выступил известный и влиятельный в Российской Империи деятель С.Ю. Витте, полагавший существование коммерческих судов важнейшим условием успешного развития экономической деятельности [2, с. 121]. Очевидно, не без его влияния в итоге было принято и реализовано компромиссное решение.

Суть этого решения заключалась в том, что коммерческие суды в ряде городов были упразднены (Керчь, Архангельск, Кишинёв, Таганрог), но оставлены в важнейших торговых центрах (Санкт-Петербург, Москва, Одесса, Варшава), где они продолжали существовать вплоть до падения Российской Империи. В целом же начиная с 1900 г. в правительственных кругах, принимавших решения, идея коммерческих судов уже не находила той поддержки, которая была в начале Судебной реформы 1864 г. Напротив, стала преобладать позиция, согласно которой коммерческие суды – лишнее звено судебной системы. Однако до полной ликвидации коммерческих судов как самостоятельного института дело не дошло, поскольку сторонниками их были влиятельные государственные деятели, хотя их число было сравнительно небольшим, и в качестве компромисса, как отмечалось, было решено сохранить четыре коммерческих суда. Они просуществовали до падения Империи, при этом коммерческий суд в Варшаве был, по сути, встроен в систему общих судов и при производстве дел активно использовал Устав гражданского судопроизводства [3, с. 108–109].

К началу XX в. деятельность коммерческих судов и торговое судопроизводство по-прежнему регламентировались законом от 14 мая 1832 г., которым были приняты два крупнейших акта: Учреждение коммерческих судов и Устав судопроизводства торгового с последующими

изменениями непринципиального характера. Сама система коммерческих судов включала в себя два звена: собственно коммерческие суды, а также Судебный департамент Сената, который был апелляционной инстанцией. Количественный состав судов данного вида в различных городах был неодинаков, однако принцип смешанного комплектования (судьи-профессионалы и судьи-купцы) оставался единым для всех коммерческих судов. В частности, председатель суда и его заместитель назначались императором из кандидатов, представленных купеческой корпорацией, члены суда по назначению назначались министром юстиции, а члены суда по избранию формировались собраниями выборных от предпринимателей. Полномочия всех членов суда имели определенный срок. Предусматривались также кандидаты в члены суда. Члены коммерческого суда по избранию выполняли свои судебские обязанности бесплатно, а назначаемые судьи получали от государства жалованье [3, с. 110]. Можно еще добавить, что, по общему правилу, в качестве поверенных от сторон могли выступать только те лица, которые были внесены в список присяжных стряпчих данного суда.

Однако эти и другие нормы, сами по себе демократичные, уже не были актуальны для завершающего периода Российской Империи. Даже в столице на рубеже XIX–XX вв. председатель коммерческого суда докладывал министру юстиции, что жалованье судебных канцелярских чиновников возглавляемого им суда составляет 25–30 руб., и оно было «совершенно недостаточно» для их ответственного и тяжелого труда, в связи с чем многие чиновники вынуждены искать «стороннего заработка», что, в свою очередь, не могло не сказываться на качестве работы коммерческого суда [4, с. 39]. Подобное положение сложилось и в других коммерческих судах.

В этом контексте мы не можем полностью согласиться с мнением В.Ф. Яковлева о том, что в XIX в. в Российской Империи «прекрасно работала система коммерческих судов» [5, с. 375], хотя, бесспорно, сами по себе, как мы отмечали, коммерческие суды с цивилизационной точки зрения стояли выше других.

Таким образом, к концу XIX в. во властных кругах стала преобладать точка зрения, согласно которой коммерческие суды необходимо упразднить. Однако в итоге был найден компромиссный вариант: коммерческие суды остались только в нескольких городах (Москва, Санкт-Петербург, Варшава, Одесса). Очевидно, их ждала участь ликвидированных судов, однако ввиду революции 1917 г. этот вопрос остается риторическим. Как представляется, изменение позиции правящей элиты Россий-

ской Империи по поводу дальнейшей судьбы коммерческих судов во многом обусловлено общественно-политическими и социально-экономическими процессами, протекавшими в стране после Судебной реформы 1864 г. В этой связи следует отметить, что к концу XIX в. эйфория от установления открытой, состязательной и бессловной судебной системы прошла, и по причине усиления революционно-террористической деятельности власть стала принимать жесткие меры административного и уголовного характера по поддержанию правопорядка [6, с. 70–90]. В этом контексте сводилась на нет открытость уголовно-политических процессов, порядок формирования судов менялся таким образом, чтобы судьями становились зависимые от власти люди. Начался известный период контрреформ. Одновременно в экономике наблюдалась концентрация капитала, чрезмерное участие государства в экономической деятельности, что приводило к сращиванию чиновничества с предпринимательством. На этом фоне коммерческие суды, формируемые во многом при участии купеческого сообщества и в этой связи неподкупные, стали мешать некоторым представителям правящей элиты получать доходы от связей с крупным капиталом. И уже только поэтому они были обречены. Лишь высокопоставленные чиновники с передовыми европейскими взглядами (С.Ю. Витте и др.) не позволили сделать это в короткие сроки.

Библиографический список

1. Проект новой редакции Учреждения судебных установлений / Высочайше учрежденная Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. СПб. : Сенатск. тип., 1900. Т. XVIII. 513 с.; Т. IX. 585 с.
2. Представление Министра юстиции по пересмотру законоположений по судебной части. СПб., 1901. 31 с.
3. Архипов И.В. Коммерческие суды и торговый процесс в России // Правоведение. 1994. № 4. С. 165–173.
4. Очерк истории Санкт-Петербургского коммерческого суда 1833–1908 и его современные деятели. СПб. : М.А. Карачунский, 1908. 250 с.
5. Яковлев В.Ф. Избранные труды : [в 3 т.]. Т. 3. Арбитражные суды: становление и развитие. М. : Статут, 2013. 976 с.
6. Рассказов Л.П., Упоров И.В., Дегтярев А.А. Уголовное наказание в Российской империи XIX – начала XX вв. : моногр. Северская, 2004. 215 с.

Дата поступления: 23.06.2021

RASSKAZOV Vyacheslav Leonidovich

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia.

E-mail: slavaras22@mail.ru

ACTIVITIES OF COMMERCIAL COURTS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LATE XIX AND EARLY XX CENTURIES

At the end of the XIX century the activities of commercial courts was characterized by a decrease in the number of cases. **Purpose:** to review the problem of the development and functioning of commercial courts as judicial institutions in the late XIX and early XX centuries. **Methods:** the author uses dialectical, historical, comparison, description methods. **Results:** the paper shows that in 1892 at the Ministry of Justice of the Russian Empire the Special meeting on problems of commercial courts where the main problem what to do further with commercial courts as Institute of judicial power began to function. The paper analyzes the activities of a higher instance, The Commission for the revision of legal provisions on the judicial part of the State Council. The paper shows that in the period of counter-reforms there was a change in the position of the ruling elite of the Russian Empire on the future fate of commercial courts. It is emphasized that commercial courts, formed largely with the participation of the merchant community and in this regard, incorruptible, began to prevent many representatives of the ruling elite from deriving profits from ties to large capital, which did not facilitate commercial litigation.

Keywords: commercial courts; Russian Empire; Ministry of justice; judiciary; commercial litigation; judicial decisions; trade tribunal; Judicial Department of the Senate.

References

1. *Proekt novoj redakcii Uchrezhdeniya sudebnyh ustanovlenij* [Draft of the new edition of the Institution of Judicial Regulations]. St. Petersburg, Senate Printing House Publ., 1900, vol. XVIII. 513 p.; vol. IX. 585 p.
2. *Predstavlenie Ministra yusticii po peresmotru zakonopolozhenij po sudebnoj chasti* [Representation of the Minister of Justice on the revision of legal provisions on the judicial part]. St. Petersburg, 1901. 31 p.

3. Arkhipov I.V. Commercial courts and trade process in Russia. *Pravovedenie*, 1994, no. 4, pp. 165–173. (In Russian).

4. *Ocherk istorii Sankt-Peterburgskogo kommercheskogo suda 1833–1908 i ego sovremennye deyateli* [Essay on the history of the St. Petersburg Commercial Court 1833–1908 and its contemporary figures]. St. Petersburg, M.A. Karachunsky Publ., 1908. 250 p.

5. YAKovlev V.F. *Izbrannye trudy. T. 3. Arbitrazhnye sudy: stanovlenie i razvitie* [Selected works. Vol. 3. Arbitration courts: formation and development]. Moscow, Statut Publ., 2013. 976 p.

6. Rasskazov L.P., Uporov I.V., Degtyarev A.A. *Ugolovnoe nakazanie v Rossijskoj imperii XIX – nachala XX vv.* [Criminal punishment in the Russian Empire of the 19th – early 20th centuries]. Severskaya, 2004. 215 p.

Received: 23.06.2021

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

CURRENT ISSUES IN THE DEVELOPMENT OF SECTORAL LEGISLATION

УДК 343.1

DOI 10.33184/pravgos-2021.2.7

ГИЗАТУЛЛИН Ирек Альфредович

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
уголовного права и процесса Института права Башкирского
государственного университета, г. Уфа, Россия.*

E-mail: gizatullin-irek@rambler.ru

РАЗРЕШЕНИЕ СУДЬЕЙ ВНЕПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБРАЩЕНИЙ – ОСОБАЯ ФОРМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ?

Практика разрешения судьями внепроцессуальных обращений за все время существования не вызывала серьезного интереса у представителей уголовно-процессуальной науки. Это и понятно: такая деятельность лишь косвенно связана с уголовным судопроизводством, а ее негласный характер исключает возможность существенной критики без проведения специального эмпирического исследования в самих судах. Вместе с тем любое внепроцессуальное обращение – это всегда попытка оказания давления на судью, рассматривающего уголовное дело, а значит, потенциальная угроза для справедливого и беспристрастного разрешения социального конфликта, что обуславливает необходимость установления единого механизма реагирования на такие обращения, основанного на принципе независимости судей. **Цель** работы заключается в разработке теоретических положений, обосновывающих необходимость оптимизации и упрощения существующей процедуры разрешения судьями внепроцессуальных обращений. В статье использованы **методы** системного анализа, синтеза, социологического опроса и обобщения. **Результаты:** на основании статистических данных, результатов анкетирования судей и изучения самих обращений непро-

цессуального характера автор делает вывод о том, что практика разрешения судьями таких обращений сопровождается большими трудностями, вызванными пробелами и неопределенностями в законе, а ее масштабы свидетельствуют о формировании нового, неизвестного до этого направления в деятельности судей.

Ключевые слова: внепроцессуальные обращения; непроцессуальные обращения; независимость судей; уголовное судопроизводство; судья; правосудие.

Одновременно с появлением в 2013 г. в УПК РФ статьи 8.1 «Независимость судей» все процессуальные кодексы были дополнены положением, определившим порядок реагирования судей (председателя суда, его заместителей, председателей судебных коллегий) на внепроцессуальные обращения. Предусмотрено, что обращения по всем видам судебных дел, поданные лицами (организациями, государственными органами) в не предусмотренных законодательством случаях или участниками судебного разбирательства в не предусмотренной процессуальным законом форме, должны быть преданы гласности путем их размещения на официальном сайте суда и не должны являться основанием для проведения процессуальных действий или принятия процессуальных решений. Как известно, это правило стало дополнением положения о независимости судей и, по своей сути, выступает еще одной гарантией невмешательства со стороны кого бы то ни было в деятельность судьи и суда в целом.

Появление данной нормы, как и самого принципа независимости судей, научное сообщество встретило неоднозначно. Основная критика, которая высказывалась в связи с этими изменениями, заключалась в отсутствии целесообразности закрепления «непроцессуального» правила в законе, регулирующего процессуальную деятельность. Отметим, что на тот момент некоторые исследователи, как и сам автор, находили и другие его частные недостатки: неопределенность порядка предания обращения гласности, возможность злоупотребления правом на самостоятельное принятие решения о размещении информации об обращении [1, с. 286], узкий круг субъектов, обращения которых признаются внепроцессуальными [2, с. 110], и др. Однако с течением времени постепенно исчезли некоторые неясности в самой процедуре реагирования на об-

ращения. Так, не раз были изданы разного рода инструкции¹, уточнившие порядки регистрации, обработки и размещения информации об обращениях, а само реагирование для российских судей за этот период стало привычной, устоявшейся практикой.

Очевидно, что сейчас нет необходимости вести долгие разговоры об оценке введения данного положения в процессуальные кодексы, – актуальность рассматриваемой темы теперь обусловлена рядом неблагоприятных последствий, прочно сформировавшихся в результате установления в законе не известных до этого правил разрешения внепроцессуальных обращений. Во-первых, речь идет о серьезных масштабах, которые приобрела практика реагирования на обращения в российских судах, став новой разновидностью деятельности судей наряду с осуществлением правосудия. Во-вторых, возникновение обязанности разрешения внепроцессуальных обращений не сопровождалось законодательными правками, которые достаточным образом определяли бы существо таких обращений при наличии смежных видов обращений и устанавливали бы четкий порядок разрешения каждого из них на практике. По понятным причинам, эти обстоятельства не носят гласный характер, всегда остаются за закрытыми дверями, и разве что человек, который сам задействован в осуществлении судебной власти, может иметь хоть какое-то представление об этом. Однако результаты обобщения эмпирических данных, сбор которых производился автором в судах общей юрисдикции с 2018 по 2019 г. и сопровождался анкетированием судей, изучением судебных дел и общением с персоналом судов, сами по себе явились достаточными основаниями для постановки проблемы и формулирования некоторых выводов.

Опубликование информации о внепроцессуальном обращении на официальном сайте суда как установленная законом форма реагирования есть исключительно техническая задача, которую решают, по по-

¹ См., например: Об утверждении Порядка размещения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информации о внепроцессуальных обращениях : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11.12.2013 № 241 (ред. от 08.10.2018) // Бюллетень актов по судебной системе. 2014. № 2 ; Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в кассационных судах общей юрисдикции : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 01.10.2019 № 224 // Бюллетень актов по судебной системе. 2019. № 11 ; Порядок организации доступа к информации о деятельности Верховного Суда Российской Федерации (утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 14.01.2016 № 1-П; ред. от 14.09.2017) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.07.2019) и др.

нятным причинам, не сами судьи. Между тем совершению данного действия всегда предшествует ряд других трудоемких процессов, совершаемых уже непосредственно судьями и остающихся за рамками правового регулирования. Не любое обращение, поданное в не предусмотренных законом случаях, сразу признается внепроцессуальным, поскольку отечественное законодательство предусматривает еще один вид обращений непроцессуального характера, именуемых непроцессуальными¹. Принципиальным отличием их является то, что они подаются не в связи с производством по судебному делу (как внепроцессуальные), а являются способом реализации гражданами своего конституционного права на обращение в государственные органы. В них зачастую содержится личная оценка деятельности суда, критика качеств отдельных судей, нереализуемые по понятным причинам просьбы, запросы и рекомендации, обращенные к руководству суда. Кроме данного отличия существенной разницы между этими обращениями, в общем-то, нет, а до момента отнесения судьей обращения к той или иной категории его статус и вовсе непонятен. В связи с этим по каждому поступившему обращению требуется провести специальный анализ содержания с целью определения его вида, поскольку порядок реагирования по ним абсолютно разный, регулируется разными нормативными актами.

Изучение правовой базы, определяющей порядок работы с такими обращениями, позволило сделать вывод о наличии в ней множества пробелов: неизвестен субъект, уполномоченный определять вид обращения, отсутствует хоть какая-нибудь регламентация процедуры и срока, в рамках которого лицо должно определить вид самого обращения. Все это приводит к тому, что практика разрешения всех обращений непроцессуального характера не имеет никакого единообразия в российских судах. В то же время несложно догадаться, что оценить содержание обращения и определить его вид при отсутствии четких критериев способен только сам судья (председатели суда, коллегии, составов), тем более когда в содержании одного обращения сосредоточены процессуальные, внепроцессуальные и непроцессуальные заявления лица.

Составление судьей ответа заявителю пусть зачастую и не предполагает особых трудностей, но является следующим обязательным этапом при разрешении каждого обращения любого вида. Постоянные указания суда на невозможность принятия решения, влекущего право-

¹ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федер. закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ // Российская газета. 2006. 5 мая.

вые последствия, по высказанной просьбе и рекомендации о необходимости подачи заявителем обращения в установленном законом порядке стали атрибутом, пожалуй, всех ответов. Копирование шаблонных формулировок из одного ответа в другой является рутинным действием, смысл которого разве что в постоянном напоминании гражданам о необходимости использования допустимых способов отстаивания своих прав путем подачи процессуальных жалоб или ходатайств. Однако и возразить по этому поводу нечего: в большинстве случаев ничего другого в ответе не укажешь, а его отсутствие становится дополнительным поводом для подачи заявителем нового обращения-жалобы в вышестоящий суд.

Чтобы убедиться в том, что разрешение всех видов непроцессуальных обращений составляет существенную часть повседневной деятельности судей и руководства суда, достаточно обратиться к некоторым статистическим данным. Согласно отчету отдела делопроизводства Верховного суда Республики Башкортостан только за первое полугодие 2019 г. зарегистрировано 497 обращений непроцессуального характера к судьям по вопросам, связанным с рассмотрением уголовных дел, 634 обращения по гражданским и 107 – по административным делам. То есть за 6 месяцев судьями было рассмотрено и разрешено чуть менее полутора тысяч обращений граждан и организаций – участников судебных разбирательств. Примечательно, что на официальном сайте суда опубликовано несравнимо малое количество таких обращений, чем это есть на самом деле: за 2019 г. опубликовано всего два обращения, за 2018 г. – одно, за 2017 г. – три обращения¹.

Схожую ситуацию можно увидеть на официальных сайтах многих других российских судов различных уровней. Так, на сайте Челябинского областного суда последнее внепроцессуальное обращение размещено в 2014 г.², хотя нет никаких сомнений, что такие обращения – частое явление всегда и в любом регионе страны. Большая разница между количеством фактических и опубликованных обращений, на первый взгляд, может показаться как минимум странной, однако полагаем, что в этом нет серьезной драмы. Данное обстоятельство обусловлено проблемой выполнения персоналом суда технической задачи по

¹ Верховный суд Республики Башкортостан : офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: https://vs--bkr.sudrf.ru/modules.php?name=gbook_procedural (дата обращения: 03.07.2019).

² Челябинский областной суд : офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.chel-oblsud.ru/?html=no_procedural_appeal (дата обращения: 03.07.2019).

опубликованию обращений, но никак не является свидетельством игнорирования судьями обращений и тем более их утаивания.

При попытке определения средней нагрузки выполнения такой задачи каждым судьей путем деления количества обращений на общее количество судей внутри судейского корпуса конкретного суда, на первый взгляд, получатся не слишком критичные цифры. Однако заметим, что на практике обязанность по разрешению обращений непроцессуального характера не распределяется равномерно, поскольку их адресатами зачастую выступают не все судьи.

Ознакомление с непроцессуальными обращениями позволило нам условно разделить их на две группы исходя из специфики содержания. К первой группе мы отнесли обращения, адресованные участникам судебного разбирательства непосредственно судьям или коллегии судей по существу рассматриваемого дела. В них зачастую содержатся письменные просьбы о принятии того или иного решения по делу, справедливом назначении наказания, советы о необходимости квалификации преступлений по определенной статье и т. д. Такие обращения встречаются довольно редко, что, скорее всего, связано с психологическим барьером, стоящим на пути у потенциальных заявителей: мало кто рискнет указывать или советовать судье, как разрешить дело, в котором он является заинтересованным лицом и участником разбирательства в предстоящем судебном заседании. Именно поэтому на вопрос о том, насколько часто судьи сами разрешают заявленные обращения по существу дела, большинство (93 судьи – 84,04 %) ответило, что очень редко (1–2 раза в несколько месяцев) или никогда, 19 (16,96 %) – редко (1–2 раза в месяц). Варианты ответов «очень часто» (более 2-х раз в неделю) и «часто» (1–2 раза в неделю) не были выбраны вообще¹. Обратим внимание, что эти результаты характерны как для Республики Башкортостан, так и для Челябинской области, а потому связывать их с территориальными особенностями конкретного региона не имеет смысла.

Вторую группу образуют внепроцессуальные обращения по уголовным делам, адресованные руководству суда – председателю суда, его заместителям, председателям судебных коллегий и составов, и разрешаемые впоследствии ими же. Часто можно встретить обращения с просьбами ускорить рассмотрение дела, взять «на контроль» ход судеб-

¹ Здесь и далее приводятся результаты анкетирования 112 судей районных судов Республики Башкортостан и г. Уфы, судей Верховного суда Республики Башкортостан и Челябинского областного суда, проведенного автором в рамках диссертационного исследования на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

ного разбирательства, связанные с недовольством по поводу сроков рассмотрения дела и т. д. или жалобами на действия судей нижестоящих судебных инстанций. Получается, что обязанность по разрешению подавляющего большинства обращений выполняется руководством суда или отдельными судьями, на которых она специально возложена, зачастую одними и теми же. Кроме того, можно встретить обращения с неясным содержанием, не подписанные заявителем, поданные ошибочно в суд, который не рассматривает конкретное дело, или содержащие высказывания оскорбительного характера в адрес судей и правосудия в целом¹. Тем не менее с каждым из них суды обязаны ознакомиться, принять решение и изложить его в письменном виде или, в исключительных случаях, вернуть заявителю без рассмотрения. Очевидно, что совершение всех этих действий характеризуется выполнением судьями непроцессуальной функции, не связанной напрямую с осуществлением правосудия, и требует больших временных затрат. Возможно, именно поэтому 76,78 % респондентов полагают, что предусмотренная процедура никак не связана с обеспечением независимости судей, а лишь сама может стать дополнительным фактором ограничения судейской независимости.

Внепроцессуальные обращения существовали всегда и без легального определения в законе, а разрешались и без установления специального порядка реагирования на них. Для этого было достаточным понимание судьями того, что любые обращения непроцессуального характера находятся вне предмета судебного спора, вне процессуальных форм разрешения социального конфликта, а значит, не должны порождать процессуальных последствий без специального упоминания об этом. Вопрос о том, как с ними поступать, к собственно уголовному, как и к любому другому виду правосудия, тоже не относится, а потому никогда не было необходимости в разработке каких-то канцелярских правил реагирования на эти обращения.

К примеру, именно такой подход был реализован в ходе Судебной реформы 1864 г. при создании действительно независимого суда, без попыток очертить какие-то формализованные рамки судейской независимости. Достаточно вспомнить, что Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и Учреждение судебных установлений 1864 г. не предусматривали не только ничего похожего на современное правило о реа-

¹ Так, за первое полугодие Верховный суд Республики Башкортостан зарегистрировал 5 обращений с неясным содержанием; 2 обращения – как поступившие в Верховный суд ошибочно, поскольку они адресованы в другие суды страны; 4 обращения, не подписанные заявителем, и 9 обращений, содержащих оскорбления в адрес судей.

гировании на внепроцессуальные обращения, но и не содержали даже словосочетания «независимость судей», хотя создание действительно независимого суда в условиях абсолютной монархии признается главным достижением Судебной реформы тех лет. Ее авторами независимость судей воспринималась как имманентное свойство правосудия, не нуждающееся в каких-то особых канцелярских «подпорках»: либо ты судья и ты независим, либо ты просто не судья [3, с. 10]. Следует вспомнить и известный разговор А.Ф. Кони с министром юстиции (он же – генерал-прокурор по должности) графом К.И. Паленом накануне процесса по делу Веры Засулич, в котором министр объяснял председательствующему судье, как было бы политически правильно разрешить это дело. Известен и ответ А.Ф. Кони, сказавшего, что вопрос о виновности подсудимой будут решать присяжные, а он не вправе влиять на их решение. Этот случай приводится в воспоминаниях самого А.Ф. Кони и широко используется в современной литературе [4, с. 17]. Такова была реакция настоящего судьи на «внепроцессуальное обращение» очень влиятельного должностного лица. Заметим, что никакие нормативно определенные правила не требовали от судьи именно такого поведения, и уж тем более не существовало каких-либо специально предусмотренных порядков реагирования на внепроцессуальные обращения.

Сейчас же, как можно заметить, внимание к процедуре разрешения обращений обострено настолько, что создается впечатление, будто самого высокого звания судьи и осознания им этого уже недостаточно, чтобы противостоять этим и некоторым другим вмешательствам. Разумеется, это не так. То, каким образом должен реагировать судья на такие обращения, определяется и без специальных положений, поскольку его независимость *a priori* предполагает игнорирование любых обращений (ходатайств), поданных не в рамках установленной процедуры, а способность судьи противостоять разного рода «внепроцессуальному давлению» обеспечивается статусом судьи вообще, порядком назначения его на должность и освобождения от нее, денежным и иным его содержанием, но, главное, его собственным осознанием себя как носителя судебной власти, подчиняющегося только закону [5, с. 83].

В завершение сформулируем некоторые выводы.

1. Любые непроцессуальные обращения в адрес суда и судей, а также практика их разрешения – это известное явление, особый формат диалога общества и его представителей с судебной властью, существовавший всегда, но трансформировавшийся с течением времени, особенно сильно – в современную эпоху цифровизации.

2. Важность фактического существования такого диалога в правовом государстве и транспарентности судебной власти не позволяет судам изолироваться от внешней социально-правовой среды, а предложение некоего отказа от института непроцессуальных обращений считать рациональным и реализуемым способом решения выявленных проблем.

3. Все канцелярские правила, установленные для разрешения таких обращений, – вынужденная мера, результат появления цифровых форм подачи обращений и законодательного закрепления новых видов непроцессуальных обращений. Значимость таких правил состоит разве что в поддержании все того же диалога общества и суда путем фиксации, обработки обращений и реагирования на них.

Пути совершенствования нормативной регламентации и практики разрешения любых обращений непроцессуального характера в целях решения обозначенных проблем могут быть самыми разными. Однако в каждом случае важно помнить, что суды с момента их возникновения были призваны осуществлять правосудие, а деятельность конкретного судьи состоит в разрешении социального конфликта, ставшего предметом судебного разбирательства, и только. Считаясь с этим нехитрым тезисом при проведении реформ любого масштаба, уже можно порой не допустить превращения суда в часть чиновничье-бюрократического аппарата, а гарантий судейской независимости – в формализованный атрибут должности судьи.

Библиографический список

1. Гизатуллин И.А. Была ли необходимость закреплять независимость судей в качестве принципа уголовного судопроизводства? // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса : сб. матер. Всерос. заоч. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Уфа, 2014. С. 285–291.

2. Вилкова Т.Ю. Непроцессуальные гарантии независимости судей в уголовном судопроизводстве // Вестник Алтайск. акад. экономики и права. 2014. № 2 (34). С. 107–111.

3. Тарасов А.А., Гизатуллин И.А. Независимость судей – имманентное свойство уголовного правосудия и глобальная его проблема // Вестник Российск. ун-та дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2018. № 1. С. 21–41.

4. Боровков Ю.М., Добровольская С.И. А.Ф. Кони и современность // Кони А.Ф. Курс уголовного судопроизводства. М. : Американская ассоциация юристов, 2011. С. 11–20.

5. Тарасов А.А. Конституционные основы правосудия и принципы уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса : сб. матер. Всерос. заоч. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Уфа, 2014. С. 79–85.

Дата поступления: 04.05.2021

GIZATULLIN Irek Alfredovich

*Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia.
E-mail: gizatullin-irek@rambler.ru*

IS THE JUDGE'S RESOLUTION OF EXTRA-PROCEDURAL APPLICATIONS A SPECIAL FORM OF IMPLEMENTATION OF JUSTICE?

The practice of judges' resolution of extra-procedural applications during the entire period of their existence has not been of great interest to the representatives of criminal procedural science. This is understandable: such activity is only indirectly related to criminal proceedings, and its tacit nature excludes substantive criticism without special empirical research in the courts. However, any extra-procedural application is always an attempt to exert pressure on a judge in charge of the criminal case, and therefore it poses a threat to a fair and impartial resolution of a social conflict, thus necessitating the establishment of a single mechanism to respond to such applications, based on the principle of judicial independence. The **purpose** of the paper is to develop theoretical provisions substantiating the need to optimize and simplify the existing procedure of judges' resolution of extra-procedural applications. The paper uses the **methods** of system analysis, synthesis, sociological survey and generalization. **Results:** on the basis of the statistics, results of judges' questionnaires and examination of non-procedural applications, the author concludes that the judicial practice of resolving such applications is very difficult, owing to gaps and uncertainties in the law, and its scale is indicative of the emergence of a new, hitherto unknown course of action for judges.

Keywords: extra-procedural applications; non-procedural applications; judicial independence; criminal proceedings; judge; justice.

References

1. Gizatullin I.A. Was there a need to consolidate the independence of judges as a principle of criminal justice? *Aktual'nye problemy vzaimosvyazi ugolovnogo prava i processa. Sbornik materialov Vserossijskoj zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Actual problems of the relationship between criminal law and procedure. Collection of materials of the All-Russian correspondence scientific and practical conference with international participation]. Ufa, 2014, pp. 285–291. (In Russian).
2. Vilkova T.YU. Non-procedural guarantees of judicial independence in criminal proceedings. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava = Journal of Altai Academy of Economics and Law*, 2014, no. 2 (34), pp. 107–111. (In Russian).
3. Tarasov A.A., Gizatullin I.A. Independence of judges as immanent quality of criminal justice and its severe problem. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, 2018, no. 1, pp. 21–41. (In Russian).
4. Borovkov Yu.M., Dobrovolskaya S.I. A.F. Koni and modernity. In Koni A.F. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [Criminal Justice Course]. Moscow, American Bar Association Publ., 2011, pp. 11–20. (In Russian).
5. Tarasov A.A. Constitutional foundations of justice and principles of criminal justice. *Aktual'nye problemy vzaimosvyazi ugolovnogo prava i processa. Sbornik materialov Vserossijskoj zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Actual problems of the relationship between criminal law and procedure. Collection of materials of the All-Russian correspondence scientific and practical conference with international participation]. Ufa, 2014, pp. 79–85. (In Russian).

Received: 04.05.2021

УДК 343.13

DOI 10.33184/pravgos-2021.2.8

ЗАЙНУЛЛИН Руслан Ильдарович

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
криминалистики Института права Башкирского государственного
университета, г. Уфа, Россия.*

E-mail: zaynullin083@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-8571-5555

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА ОЧНОЙ СТАВКИ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО, ПОСТРАДАВШЕГО ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В результате анализа некоторых аспектов участия несовершеннолетних потерпевших в таком вербальном следственном действии, как очная ставка, автором выявлены организационно-тактические проблемы, подлежащие научному разрешению. **Цель:** разработать криминалистические рекомендации организационно-тактического обеспечения участия несовершеннолетнего потерпевшего в очной ставке. **Методы:** описания, теоретические методы формальной и диалектической логики. **Результаты:** определены проблемы принятия тактического решения о производстве очной ставки с участием несовершеннолетнего потерпевшего, организационно-тактические проблемы подготовки к производству очной ставки, предложены рекомендации по их решению.

Ключевые слова: несовершеннолетний потерпевший; очная ставка; криминалистическое обеспечение; криминалистическая тактика; тактическое решение; законный представитель.

Зачастую в ходе предварительного расследования уголовных дел возникают конфликтные ситуации, характеризующиеся активным противодействием со стороны недобросовестных участников процесса. Противодействие может выражаться как в даче заведомо ложных показаний, так и в попытке воздействия на лиц, обладающих достоверными сведениями о событии преступления и о причастных к его совершению. В результате появляются существенные противоречия в показаниях недобросовестных и добросовестных участников.

Одним из средств устранения подобных противоречий выступает очная ставка. Очная ставка – это самостоятельное следственное действие, имеющее своим назначением получение доказательств по делу и состоящее в осуществлении познавательных и удостоверительных операций следователем, дознавателем в целях устранения существенных противоречий, имеющих в показаниях ранее допрошенных лиц (свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых) [1, с. 26].

Однако в отечественной криминалистической литературе неоднократно говорилось о том, что очная ставка как средство устранения существенных противоречий малоэффективна [2; 3; 4]. И тем не менее нередко следственные ситуации, когда именно очная ставка является единственно возможным и тактически оправданным средством, способствующим достижению искомой цели – устранению существенных противоречий в показаниях.

Само по себе рассматриваемое следственное действие является весьма сложным ввиду своих организационно-тактических и психологических особенностей. Подобная ситуация усугубляется, когда одним из участников очной ставки является несовершеннолетний потерпевший. Это объясняется как психофизическими, психосоциальными и когнитивными особенностями несовершеннолетних, так и повышенными нравственными требованиями к производству следственных действий с их участием. Все это обуславливает необходимость тщательной подготовки следователя и дознавателя к производству очной ставки с участием несовершеннолетнего потерпевшего, применения последних научных разработок и научно-практических рекомендаций, не забывая при этом о необходимости безусловного соблюдения требований уголовно-процессуального закона.

Прежде всего, следователю и дознавателю необходимо принять верное тактическое решение о целесообразности производства очной ставки с участием несовершеннолетнего потерпевшего. Для этого, на наш взгляд, необходимо соблюдать следующие рекомендации.

Во-первых, необходимо определить нравственную допустимость производства очной ставки, поскольку психологическая обстановка, складывающаяся во время рассматриваемого следственного действия, характеризуется повышенным психологическим дискомфортом в первую очередь для несовершеннолетнего, пострадавшего от преступления, и может повлечь дополнительные нравственные страдания, погружая его в негативные воспоминания о совершенном в отношении него преступном посягательстве в присутствии предполагаемого преступника

или законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, если он принимает участие в следственном действии. В этой связи в большинстве случаев проведение подобных очных ставок нравственно недопустимо. Хотя в литературе и приводятся примеры из практики, когда, несмотря на подобные нравственные ограничения, очные ставки с участием несовершеннолетнего потерпевшего являлись тактически целесообразным. Так, «известен случай, когда получению правдивых показаний на очной ставке от лица, обвинявшегося в изнасиловании несовершеннолетней, способствовало присутствие при этом ее матери. То страдание, которое испытывала мать, слушая рассказ своей дочери на очной ставке, несомненно, повлияло на поведение обвиняемого, который раньше держался нагло и утверждал, что половой акт был добровольным. Очная ставка закончилась тем, что, сознавшись, обвиняемый раскаялся в совершенном преступлении и просил прощения у потерпевшей и ее матери за то горе, которое он им причинил» [5, с. 23].

Во-вторых, с учетом сказанного следователю и дознавателю для принятия тактически верного решения о производстве очной ставки необходимо определить конкретные цели ее проведения. Действительно, помимо основной цели следователь и дознаватель также может ставить и дополнительные, что повышает криминалистическую ценность этого следственного действия. Это и укрепление волевых качеств несовершеннолетнего потерпевшего, его позиции, направленной на изобличение виновного лица, дополнительное изучение личности допрашиваемых и их взаимоотношений, психодиагностика лжи и др.

Приняв тактическое решение о необходимости производства очной ставки с участием несовершеннолетнего потерпевшего, следователь и дознаватель приступают к подготовительному этапу ее проведения. Данный этап характеризуется некоторыми особенностями, обусловленными несовершеннолетием потерпевшего, определяющим более сложную структуру психического общения в процессе производства очной ставки.

Среди вопросов, подлежащих решению на этапе подготовки очной ставки, можно выделить определение места и времени ее производства, определение круга участников следственного действия, решение вопросов, связанных с дополнительными способами фиксации хода и результатов очной ставки, и др.

При определении места производства очной ставки необходимо учитывать, что следователь и дознаватель должны обеспечивать дисциплину во время ее проведения, официальность обстановки в ходе след-

ственного действия. В противном случае очная ставка может перейти в ссору и перепалку между участниками, в ходе которой недобросовестный участник попытается воздействовать на несовершеннолетнего потерпевшего. Поэтому местом производства очной ставки должен быть служебный кабинет следователя или дознавателя.

При планировании проведения очной ставки с участием несовершеннолетнего потерпевшего время ее производства должно назначаться исходя из распорядка его дня, то есть в свободное от учебы время. Это обеспечит поддержание психологического контакта с несовершеннолетним и подчеркнет ту психологическую поддержку со стороны следователя и дознавателя, в которой он нуждается.

Для правильного определения круга участников очной ставки с участием несовершеннолетнего потерпевшего необходимо учитывать, что тактико-психологические основы ее производства рассматриваются с позиции воздействия допрашиваемых лиц друг на друга и с позиции воздействия следователя, дознавателя на участников очной ставки.

В большинстве своем несовершеннолетние в старшем подростковом возрасте уже обладают достаточными интеллектуальными и волевыми способностями, чтобы осуществлять осознанное и целенаправленное воздействие и противостоять ему. Хотя и не отрицается, что такое воздействие и противостояние ему зачастую не является грамотно методически построенным, а основывается лишь на интуиции и социальном опыте. Совсем иначе определяется ситуация, когда потерпевшими выступают дети более младшего возраста, особенно малолетние. В этих случаях мы настоятельно рекомендуем расширять круг участников очной ставки путем привлечения к ее производству законных представителей, адвокатов и педагогов либо психологов. Подобный расширенный круг участников хоть и вызывает определенные организационные трудности, способен нивелировать негативное психологическое воздействие на несовершеннолетнего потерпевшего и создать благоприятную психологическую атмосферу для него. Несовершеннолетний, изобличающий недобросовестного участника в преступных действиях или во лжи, испытывает большое эмоциональное напряжение, поскольку делает это в его присутствии. В таких условиях над ним могут довлеть страх, жалость или иные чувства. Это обстоятельство требует создания такой атмосферы, при которой он будет чувствовать психологическую поддержку.

Таким образом, очная ставка с участием несовершеннолетнего потерпевшего характеризуется большим количеством организационно-

тактических особенностей, обусловленных как феноменальностью самого несовершеннолетнего, так и повышенной тактической сложностью рассматриваемого следственного действия. Это обуславливает необходимость дальнейшего исследования указанных вопросов с целью разработки научно обоснованных и практически апробированных рекомендаций.

Библиографический список

1. Зайнуллин Р.И. Очная ставка с участием несовершеннолетнего обвиняемого. М. : Библио-глобус, 2016. 209 с.
2. Соловьев А.Б. Очная ставка : метод. пособ. М. : Юрлитинформ, 2006. 156 с.
3. Зайнуллин Р.И. Теоретические и практические проблемы производства очной ставки с участием несовершеннолетнего обвиняемого : дис. канд. юрид. наук. Уфа, 2008. 209 с.
4. Бахарев Н.В. Очная ставка: уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы. Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 1982. 184 с.
5. Любичев С.Г. Этические основы следственной тактики. М. : Юрид. лит., 1980. 95 с.

Дата поступления: 29.05.2021

ZAINULLIN Ruslan Ildarovich

*Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia.
E-mail: zaynullin083@yandex.ru.
ORCID: 0000-0001-8571-5555*

SOME ASPECTS OF HOLDING A CONFRONTATION INVOLVING A MINOR VICTIM OF CRIME

As a result of the analysis of some aspects of the participation of minor victims in the verbal investigative action of confrontation, the author identifies organizational and tactical problems that are subject to scientific resolution. **Purpose:** to develop criminalistic recommendations for organizational and tactical support for the participation of a minor victim in a confrontation. **Methods:** the author uses descriptions and theoretical methods of formal and

dialectical logic. **Results:** the problems of making a tactical decision on confrontation involving a minor victim, organizational and tactical problems in preparing for confrontation proceedings are identified and recommendations are proposed to solve them.

Keywords: minor victim; confrontation; criminalistic support; criminalistic tactics; tactical decision; legal representative.

References

1. Zainullin R.I. *Ochnaya stavka s uchastiem nesovershennoletnego obvinyaemogo* [A confrontation involving a minor accused]. Moscow, Biblio-globus Publ., 2016. 209 p.
2. Soloviev A.B. *Ochnaya stavka* [A confrontation]. Moscow, YUrlitinform Publ., 2006. 156 p.
3. Zainullin R.I. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy proizvodstva ochnoj stavki s uchastiem nesovershennoletnego obvinyaemogo. Kand. Diss.* [Theoretical and practical problems of the production of a confrontation involving a minor accused. Cand. Diss.]. Ufa, 2008. 209 p.
4. Bakharev N.V. *Ochnaya stavka: ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie voprosy* [Confrontation: criminal procedural and forensic issues]. Kazan, Kazan University Publ., 1982. 184 p.
5. Lyubichev S.G. *Eticheskie osnovy sledstvennoj taktiki* [Ethical foundations of investigative tactics]. Moscow, YUridicheskaya literatura Publ., 1980. 95 p.

Received: 29.05.2021

УДК 347.4

DOI 10.33184/pravgos-2021.2.9

ИНЮШКИН Андрей Алексеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва, г. Самара, Россия.

E-mail: inyushkin_a@mail.ru.

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»: DOI: 10.1007/978-3-030-32015-7_4; 10.1007/978-3-030-29586-8_67; 10.1007/978-3-030-13397-9_54

КУДАШЕВА Полина Сергеевна

магистрант кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва, г. Самара, Россия.

E-mail: kr-elena1203@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ: ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ПАЦИЕНТА¹

В статье проанализирован правовой статус пациента как ключевой фигуры в сфере оказания медицинских услуг, обозначены и квалифицированы его права и обязанности, раскрыта специфика отдельных правовых возможностей потребителей медицинских услуг. **Цель:** комплексный анализ прав и обязанностей пациента по договору оказания медицинских услуг. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Применялись также частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. **Результаты:** авторами сделаны выводы о необходимости выработки четкого и полноценного понятийного аппарата, предложено расширить и структурировать перечень прав, усилив их информационную составляющую, детализировать набор обязанностей пациента, скорректировать нормы о добровольном информированном согласии пациента на медицинское вмешательство.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14073.

Обращено особое внимание на роль страховщиков в медицинской сфере в части оказания ими содействия в реализации пациентами своих правовых возможностей.

Ключевые слова: пациент; медицинская услуга; медицинская помощь; охрана здоровья; гарантии; обязательное медицинское страхование.

Важность своевременной, полной и качественной медицинской помощи для каждого человека, для общества в целом и государства обуславливает необходимость сложного, многопланового комплекса мер по ее эффективному оказанию, включая всестороннее правовое сопровождение различными по своей природе отраслевыми нормами. В теории неоднократно подчеркивалось, что правовая регламентация поддержания и сохранения жизни и здоровья человека имеет существенные ограничения. Вмешательство в функционирование организма человека иногда чревато непредсказуемыми последствиями. Уникальность каждого человека как живого организма не позволяет подходить к оценке и поддержанию его здоровья на основе исключительно стандартизированных подходов [1, с. 4]. Этим объясняются и трудности правового регулирования исследуемой области.

Особым субъектом правоотношений, возникающих при осуществлении медицинской деятельности, субъектом, получающим медицинскую помощь (а значит, и медицинскую услугу), является пациент. Именно ради его благ функционирует система здравоохранения. В рамках оказания медицинской помощи пациент является потребителем, услугополучателем медицинских услуг. Федеральное медицинское законодательство содержит обобщенное определение этого понятия. Согласно ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон об охране здоровья) пациентом признается физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния. Безусловно, термин «пациент» более широкий, чем термин «больной», поскольку напрямую не связан с наличием или отсутствием заболевания. Определяющее значение при построении дефиниции имеет факт обращения за медицинской помощью либо факт ее оказания, принимая во внимание экстренные и неотложные случаи.

Термин «пациент» используется не только в отечественных, но и в международно-правовых актах. Например, в разд. 7 ч. 3 Основ концепции прав пациента в Европе (1994) пациент определяется как «здо-

ровый (здоровые) или больной (больные) потребитель (потребители) медицинских услуг».

В научной литературе отсутствует единый подход к трактовке указанного термина. Так, по мнению некоторых авторов, пациент – это физическое лицо (потребитель), получающее медицинскую услугу и (или) иную медицинскую помощь, оказываемую в рамках договора, заключенного с лицом, осуществляющим медицинскую деятельность на профессиональной основе [2, с. 56].

Н.К. Елина полагает, что пациент – это «всегда и только физическое лицо (дееспособное и недееспособное), организм, орган или ткань которого являются объектом медицинских манипуляций» [1, с. 7].

С позиции А.Г. Блинова пациентом признается человек, вступивший в здравоохранительные правоотношения посредством реализации субъективного права на получение услуги медицинского, психиатрического, фармацевтического характера в специализированных учреждениях любой организационно-правовой формы либо приглашенный для участия в биомедицинском эксперименте в качестве испытуемого [3, с. 22].

Наиболее полным нам видится определение, предложенное М.Ю. Старчиковым. Он считает пациентом «физическое лицо, наделенное юридически закрепленными правами и обязанностями, которому в соответствии с законодательством оказывается медицинская помощь (медицинские услуги) медицинскими работниками или которое обратилось в учреждение здравоохранения с указанной целью, независимо от наличия у него заболевания или фактического состояния его здоровья» [4, с. 21].

Отсутствие гражданства не лишает человека возможности приобрести статус пациента, поскольку в России оказание медицинской помощи гарантируется всем, независимо от гражданства и страны проживания.

Немаловажен вопрос и о соотношении понятий «потребитель», «заказчик», «больной» и «пациент». Больной, в отличие от пациента, это уже не правовой, а биологический статус, характеризующий ненормальное состояние организма. Относительно понятия «потребитель» в Постановлении Правительства РФ от 4 октября 2012 г. № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг»¹ указано, что это физическое лицо, имеющее

¹ Российская газета. 2012. № 233.

намерение получить либо получающее платные медицинские услуги лично в соответствии с договором. В свою очередь, потребитель, получающий платные медицинские услуги, является пациентом, на которого распространяется действие Закона об охране здоровья. К отношениям по предоставлению гражданам медицинских услуг, оказываемых медицинскими организациями в рамках добровольного и обязательного медицинского страхования и по договорам оказания платных медицинских услуг, применяется законодательство о защите прав потребителей (п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»¹). В указанном контексте термины «пациент» и «потребитель» рассматриваются нами как равнозначные. Заказчик же платных медицинских услуг не всегда является пациентом (услугополучателем, потребителем) с учетом широкого распространения в медицинской сфере конструкции договора в пользу третьего лица.

Совершенно справедливо утверждение о том, что основной составляющей правового статуса пациента являются его права [5]. В судебной практике нередки случаи защиты прав пациентов при оспаривании качества услуги и последствий ошибочных диагнозов, а также споры по поводу проведения не всего комплекса необходимых медицинских мероприятий², что лишний раз подтверждает значимость тщательной регламентации прав пациентов.

Правовой статус пациента до сих пор окончательно не установлен. Так, обозначенный закон содержит лишь базовую часть его основополагающих прав и обязанностей, в том числе обособленное право на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство. Однако данные нормы носят обобщенный характер и нуждаются в детализации и дополнении. Более того, они не позволяют четко и полноценно определить правовые возможности пациента и их обеспеченность в процессе оказания платной медицинской услуги в рамках договора, а Правила предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг и вовсе не содержат необходимых для этого положений, уделяя внимание в основном порядку заключения и оформления договора.

¹ Российская газета. 2012. № 156.

² Определение Верховного Суда РФ от 05.12.2017 по делу № 5-КГ17-176 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 15.05.2021) и др.

Законом об охране здоровья закреплены права пациента на выбор врача и медицинской организации, профилактику, диагностику, лечение, медицинскую реабилитацию в медицинских организациях, получение консультаций врачей-специалистов, облегчение боли, связанной с заболеванием и (или) медицинским вмешательством, доступными методами и лекарственными препаратами, получение информации о своих правах и обязанностях, состоянии своего здоровья, выбор лиц, которым в интересах пациента может быть передана информация о состоянии его здоровья, защиту сведений, составляющих врачебную тайну, отказ от медицинского вмешательства, возмещение вреда, причиненного здоровью при оказании ему медицинской помощи, и др.

А.Н. Пицита различает общие и специальные права, разделяя каждую из групп на составляющие, в частности на права, непосредственно связанные с оказанием помощи, страховые права, права отдельных категорий пациентов и др. [6, с. 92–93].

Помимо перечисленных прав пациент, по мнению некоторых исследователей, обладает и соматическими правами, в частности правом на смерть, под которым понимается возможность лица сознательно и добровольно в выбранный им момент времени уйти из жизни избранным и доступным ему способом [7, с. 23–27]. Сюда можно отнести эвтаназию, которая запрещена обозначенным законом, однако допустим отказ от медицинского вмешательства. При отказе от медицинского вмешательства гражданину или его законному представителю в доступной форме должны быть разъяснены возможные последствия. Оказание медицинской помощи без согласия граждан возможно в случае, если медицинское вмешательство необходимо по экстренным показаниям: для устранения угрозы жизни человека и если его состояние не позволяет выразить свою волю или отсутствуют его законные представители, в отношении лиц, страдающих заболеваниями, представляющими опасность для окружающих – тяжелыми психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния, а также при проведении судебно-медицинской экспертизы и (или) судебно-психиатрической экспертизы.

Особого внимания заслуживает право пациента выбрать врача с учетом согласия последнего, однако законодательно не урегулировано, каким образом необходимо получить это согласие и как оно выглядит, что необходимо предпринять в случае отказа врача от оказания медицинской помощи. Исследуемое право следует рассматривать в нескольких аспектах. Так, полноценный выбор возможен для постоянного ме-

дицинского обслуживания. Специализированная же помощь, как правило, оказывается с учетом направления лечащего врача, а при неотложной помощи принимаются во внимание сроки и иные обстоятельства.

Получение сведений о состоянии своего здоровья (результаты обследований, диагнозы, прогнозы, риски и пр.) также отличается своеобразием: информация не может быть сообщена против воли самого пациента.

Отдельные авторы подчеркивают важность и необходимость усиления роли информационных прав пациента [8, с. 81], они касаются как в целом всей системы здравоохранения, так и конкретной оказываемой ему услуги. Так, согласно ст. 23 Закона об охране здоровья граждан не вправе получать достоверные и своевременные данные о санитарно-эпидемиологической обстановке, рациональных нормах питания, побочных действиях препаратов, их взаимодействии между собой и пр. Пациент вправе ознакомиться с информацией о самой организации и ее деятельности: наименование юридического лица, адрес места нахождения юридического лица, сведения о лицензии на осуществление медицинской деятельности, перечень платных медицинских услуг с указанием цен, режим работы и др. Требуется особый подход и необходимость добровольного информирования пациента обо всех возможных негативных последствиях вмешательств на фоне желательной экономической эффективности деятельности медицинской организации в целом [9, с. 21–24].

Ключевой составляющей оказания медицинской помощи гражданам выступает институт добровольного информированного согласия пациента на медицинское вмешательство (ст. 20 Закона об охране здоровья). Закон содержит совокупность правил применительно к форме и содержанию такого согласия. В числе основных требований названы взаимосвязанные между собой предварительность согласия, информированность гражданина и добровольность его получения. Критерий предварительности не раскрыт законодателем, и мы согласны с позицией Ю.С. Поварова, в соответствии с которой легально должны быть обозначены временные ориентиры (поскольку говорить о точных временных периодах не представляется возможным) исходя из масштабов и сложности процедур, необходимости обсуждения информации с членами семьи, потребности в оперативности медицинского вмешательства [10, с. 26].

Второй важной характеристикой выступает информированность, включающая следующие обязательные составляющие: сведения долж-

ны предоставляться врачом, форма их изложения – доступная, объем информации – полный (цели, методы, риски, последствия и т. п.). Наконец, о согласии следует говорить только тогда, когда оно является добровольным (что исключает насилие, обман, заблуждение и пр.).

Проблемным видится вопрос о содержании согласия, в том числе в аспекте степени конкретизации видов медицинского вмешательства. Полезны, на наш взгляд, предложения по этому поводу, высказанные И.И. Гариповой, выступающей за «...принятие и последующее внедрение различных форм информированного добровольного согласия на виды медицинского вмешательства в зависимости от специализации и внутренней структуры каждой медицинской организации...» [11, с. 43].

Таким образом, сначала устанавливаются правоотношения между медицинской организацией и пациентом, затем возникают отношения между медработниками и пациентом, то есть этап непосредственного оказания медицинской помощи (эти отношения регулируются медико-правовыми нормами). Однако не все связи подвержены правовому регулированию, некоторые из них находятся вне правового поля и относятся к эмоциональной сфере, регулируемой медицинской этикой и деонтологией (совокупность этических норм и принципов поведения медицинского работника при выполнении им своих профессиональных обязанностей). Сюда можно отнести уважительное отношение к пациентам и к коллегам (в частности, при обсуждении с пациентом предыдущих действий (бездействия) других врачей), исключение некорректного отношения к родственникам пациента и др. [12, с. 19].

Среди обязанностей пациентов – необходимость принимать меры по сохранению здоровья, выполнять предписания врача, сообщать необходимую для проведения лечения информацию, соблюдать правила поведения в больницах, своевременно проходить обследования, диагностику и осмотры. Пациент, контролируя ход и качество услуги, не должен вмешиваться в процесс ее оказания. Помимо перечисленного в законе, некоторые авторы дополнительно выделяют обязанность пациента по договору оказания платных медицинских услуг оплатить соответствующие услуги [13].

В свете сказанного вызывает обоснованные сомнения утверждение об односторонне обязывающем характере договора по оказанию услуг в медицинской отрасли [14, с. 84]. Полностью согласны с мнением о том, что «пациент как сторона договора принимает на себя ряд обязанностей, которые он должен выполнить в процессе оказания услуги» [2, с. 57]. В противном случае врач или медицинская организация могут

быть освобождены от ответственности за последствия, вызванные ненадлежащим поведением со стороны потребителя услуги. На наш взгляд, обязанности пациента должны иметь несравнимо больший объем и детализацию, что выступит своеобразной дополнительной гарантией качества оказываемой услуги.

При анализе аналогичных норм зарубежного законодательства многие исследователи верно отмечают, что «степень детализации прав пациентов на получение медицинской помощи» в Законе об охране здоровья «существенно ниже необходимой для эффективной охраны здоровья пациентов и реализованной в законодательных актах зарубежных государств...» [15, с. 12]. В настоящее время в большинстве иностранных держав существует несколько подходов к законодательному закреплению прав пациентов: определение правового статуса посредством автономного нормативно-правового акта (например, в Финляндии принят Закон о статусе пациента и его правах, 1992), включение положений о правах и обязанностях пациентов в законодательные акты общего характера в области здравоохранительной деятельности (так, права пациентов закреплены в Союзном законе Швейцарии о медицинских профессиях от 23 июня 2006 г., в Кодексе Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения»). В 20,6 % стран права пациентов при получении медицинской помощи не регламентированы [16, с. 19]. В российском законодательстве права и обязанности пациентов включены в гл. 4 Закона об охране здоровья. Такой подход в целом считаем вполне приемлемым, однако данный блок норм требует структурной и содержательной доработки.

В доктрине в рамках исследования проектов по созданию новых, более эффективных моделей медицинских учреждений указывалось на целый ряд необходимых организационных мер для обеспечения доступности и качества медпомощи и повышения ценности услуг для потребителя, к числу которых отнесены более тщательное планирование деятельности медицинских организаций, повышение уровня информатизации процессов в сфере здравоохранения, налаживание обратной связи с получателями услуг, продуманное разделение потоков пациентов, модернизация оборудования и пр. [17]. В качестве дополнительной гарантии прав пациентов можно указать на необходимость оперативной и всесторонней их поддержки со стороны страховщиков на всех этапах оказания медицинской помощи. В теории уже обращалось внимание на то обстоятельство, что представитель страховой организации, по сути,

должен выступить консультантом и защитником интересов застрахованного лица [18, с. 62].

Безусловно, только комплексный подход позволит обеспечить эффективность предпринимаемых усилий: организационные, финансовые, управленческие и прочие меры должны сопровождаться четким и последовательным правовым регулированием. Прежде всего, нуждается в проработке используемый применительно к медицинским услугам понятийный аппарат, на основании которого можно будет без труда разграничить различные правовые явления и статусы. Права пациента следует структурировать, усилить информационную их составляющую и скорректировать правила о добровольном информированном его согласии на медицинское вмешательство. Целесообразной видится и детализация обязанностей пациента в рамках Закона об охране здоровья. Ценным считаем и расширение функций страховщиков в медицинской сфере в части оказания ими содействия в реализации пациентами своих правовых возможностей.

Библиографический список

1. Елина Н.К. Правовые проблемы оказания медицинских услуг : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 22 с.
2. Печникова О.Г., Печников А.П. К вопросу об условиях договора оказания платных медицинских услуг // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 2 (20). С. 54–58.
3. Блинов А.Г. Юридический статус пациента как субъекта здравоохранительных отношений // Журнал российского права. 2011. № 4. С. 18–26.
4. Старчиков М.Ю. Гражданско-правовая ответственность медицинских организаций за вред, причиненный жизни (здоровью) пациентов: теоретические положения и судебная практика. М. : Инфотропик Медиа, 2016. 196 с.
5. Миронова Т.К. Правовое регулирование бесплатного оказания медицинской помощи : учеб. пособие. М. : Юстицинформ, 2018. 348 с.
6. Пищита А.Н. Правовое регулирование медицинской деятельности в современной России: теоретико-правовые аспекты. М. : ЦКБ РАН, 2008. 196 с.
7. Гончаров И.В. Соматические права: вопросы юридического признания и практика реализации // Труды Акад. управления МВД России. 2018. № 2. С. 23–27.

8. Тарасенкова А.Н. Информационное право: возрастная маркировка, цифровая безопасность и другие вопросы. М. : Редакция Российской газеты, 2019. 176 с.

9. Королькова Т.Н., Дубовая Е.Г. Правовые особенности косметологических услуг // Медицинское право. 2010. № 2. С. 21–24.

10. Поваров Ю.С. Требования к согласию на проведение исследования, лечения или диагностики, связанных с геномом человека // Юридический вестник Самарск. ун-та. 2019. Т. 5, № 2. С. 23–28.

11. Гарипова И.И. Добровольное согласие граждан на медицинское вмешательство в аспекте гражданско-правовой действительности // Медицинское право. 2016. № 2. С. 39–44.

12. Медицинское право : учеб. пособие / К.В. Егоров, А.С. Булнина, Г.Х. Гараева и др. М. : Статут, 2019. 190 с.

13. Авдеев В.В. Медицинские услуги по договорам с организациями // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2010. № 18. С. 11–17.

14. Тихомиров А.В. Организационные начала публичного регулирования рынка медицинских услуг. М. : Статут, 2001. 256 с.

15. Понкина А.А. Право на безопасную медицинскую помощь: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 21 с.

16. Цыганова О.А. Система обеспечения и защиты прав граждан на получение доступной и качественной медицинской помощи: медико-социальный анализ. Архангельск, 2012. 310 с.

17. Трикоменас Н.Н. «Бережливая» поликлиника: ценим время пациентов и персонала // Руководитель автономного учреждения. 2019. № 12. С. 47–53.

18. Демин Ю. Ориентир – пациент // Современные страховые технологии. 2018. № 5. С. 62–67.

Дата поступления: 28.05.2021

INYUSHKIN Andrey Alekseevich

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, Samara, Russia.

E-mail: inyushkin_a@mail.ru.

Articles in «Scopus»/«Web of Science»: DOI: 10.1007/978-3-030-32015-7_4; 10.1007/978-3-030-29586-8_67; 10.1007/978-3-030-13397-9_54

KUDASHEVA Polina Sergeevna

Master's Student of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, Samara, Russia.

E-mail: kr-elena1203@mail.ru

**PROBLEMS IN THE LEGAL REGULATION
OF THE PROVISION OF HEALTH SERVICES:
RIGHTS AND OBLIGATIONS OF THE PATIENT**

The paper analyzes the patient's legal status as a key figure in the provision of health services, identifies and qualifies his rights and obligations, reveals the specifics of some legal opportunities for consumers of health services. The **purpose** of the paper is a comprehensive analysis of the patient's rights and obligations under the contract for the provision of medical services. **Methods:** the authors use empirical methods of comparison, description, interpretation and theoretical methods of formal and dialectical logic. Special scientific methods are used: legal-dogmatic and the method of interpreting legal norms. **Results:** the authors conclude that it is necessary to develop a clear and complete conceptual apparatus; they propose to expand and structure the list of rights by strengthening their informational component, to detail the set of patient's obligations, and to adjust the norms on the patient's voluntary informed consent to medical intervention. The role of insurers in the medical field in helping patients to realize their legal opportunities is highlighted.

Keywords: patient; health service; health care; health protection; guarantees; compulsory medical insurance.

References

1. Elina N.K. *Pravovye problemy okazaniya medicinskih uslug. Avto-ref. Kand. Diss.* [Legal problems in the provision of medical services. Cand. Diss. Thesis]. Volgograd, 2006. 22 p.

2. Pechnikova O.G., Pechnikov A.P. To the question of the conditions of the contract of paid medical services provision. *YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika* = *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2012, no. 2 (20), pp. 54–58. (In Russian).

3. Blinov A.G. The legal status of the patient as a subject of health care. *ZHurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2011, no. 4, pp. 18–26. (In Russian).

4. Starchikov M.YU. *Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' meditsinskih organizacij za vred, prichinennyj zhizni (zdorov'yu) pacientov: teoreticheskie polozeniya i sudebnaya praktika* [Civil liability of medical organizations for harm caused to the life (health) of patients: theoretical provisions and judicial practice]. Moscow, Infotropic Media Publ., 2016. 196 p.

5. Mironova T.K. *Pravovoe regulirovanie besplatnogo okazaniya medicinskoj pomoshchi* [Legal regulation of free medical care: handbook]. Moscow, YUsticinform Publ., 2018. 348 p.

6. Pishchita A.N. *Pravovoe regulirovanie medicinskoj deyatel'nosti v sovremennoj Rossii: teoretiko-pravovye aspekty* [Legal regulation of medical activity in modern Russia: theoretical and legal aspects]. Moscow, Central Clinical Hospital of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008. 196 p.

7. Goncharov I.V. Somatic Rights: Legal Issues Recognition and Practice of Realization. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* = *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2018, no. 2, pp. 23–27. (In Russian).

8. Tarasenkova A.N. *Informacionnoe pravo: vozrastnaya markirovka, cifrovaya bezopasnost' i drugie voprosy* [Information law: age labeling, digital security and other issues]. Moscow, Editorial office of the Russian newspaper Publ., 2019. 176 p.

9. Korolkova T.N., Dubovaya E.G. Legal peculiarities of cosmetology services. *Medicinskoe pravo* = *Medical Law*, 2010, no. 2, pp. 21–24. (In Russian).

10. Povarov YU.S. Requirements for consent to conduct research, treatment or diagnostics in the area of human genome. *YUridicheskij vestnik Samarskogo universiteta* = *Juridical Journal of Samara University*, 2019, vol. 5, no. 2, pp. 23–28. (In Russian).

11. Garipova I.I. Voluntary consent of citizens to medical intervention in the civil law reality aspect. *Medicinskoe pravo* = *Medical Law*, 2016, no. 2, pp. 39–44. (In Russian).

12. Egorov K.V., Bulnin A.S., Garaeva G.Kh. and oth. *Medicinskoe pravo* [Medical law]. Moscow, Statut Publ., 2019. 190 p.

13. Avdeev V.V. Medical services under contracts with organizations. *Buhgalterskij uchet v byudzhetnyh i nekommercheskih organizacijah* = *Accounting in Budgetary and Non-Profit Organizations*, 2010, no. 18, pp. 11–17. (In Russian).

14. Tikhomirov A.V. *Organizacionnye nachala publichnogo regulirovaniya rynka medicinskih uslug* [Organizational principles of public regulation of the medical services market]. Moscow, Statut Publ., 2001. 256 p.

15. Ponkina A.A. *Pravo na bezopasnuyu medicinskuyu pomoshch': konstitucionno-pravovoe issledovanie. Avtoref. Kand. Diss.* [The right to safe medical care: constitutional and legal study. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2013. 21 p.

16. Tsyganova O.A. *Sistema obespecheniya i zashchity prav grazhdan na poluchenie dostupnoj i kachestvennoj medicinskoj pomoshchi: mediko-social'nyj analiz* [The system of ensuring and protecting the rights of citizens to receive affordable and high-quality medical care: medical and social analysis]. Arkhangelsk, 2012. 310 p.

17. Trikomenas N.N. «Thrifty» polyclinic: we value the time of patients and staff. *Rukovoditel' avtonomnogo uchrezhdeniya* = *Head of an Autonomous Institution*, 2019, no. 12, pp. 47–53. (In Russian).

18. Demin Y. Reference point is a patient. *Sovremennye strahovye tekhnologii* = *Modern Insurance Technologies*, 2018, no. 5, pp. 62–67. (In Russian).

Received: 28.05.2021

УДК 343

DOI 10.33184/pravgos-2021.2.10

ПАПЫШЕВА Елена Сергеевна*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия.**E-mail: papyshev-01@yandex.ru*

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматриваются возможности цифровизации уголовного процесса и ее значение для оптимизации прокурорского надзора, в том числе высокотехнологичного. Стремительное развитие цифровых технологий настоятельно требует не только адекватных правовых изменений, но и рационального использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. **Цель:** определение пределов использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве и, в частности, в прокурорском надзоре. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания; теоретические методы формальной и диалектической логики; применялся также специально-научный юридико-технический метод. **Результаты:** доступ прокурора к материалам уголовного дела позволит реализовать непрерывность прокурорского надзора, повысит его действенность. Использование программного обеспечения станет фактором, упреждающим собирание доказательств с нарушением норм УПК РФ. Предлагается использование частных методик поддержания государственного обвинения по уголовным делам конкретных видов при формировании программы искусственного интеллекта. Цифровые технологии могут быть использованы для анализа преступности, ее причин и условий, выработки действенных средств ее предупреждения при осуществлении прокурором функции координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Ключевые слова: высокотехнологичный надзор; допустимость доказательств; искусственный интеллект; прокурорский надзор; уголовный процесс; уголовное преследование; цифровизация.

Четвертая промышленная революция, получившая название «Индустрия 4.0» [1], с ее технологическими новациями, внедрением киберфизических процессов, быстрыми темпами развития цифровых технологий настоятельно требует быстрого адекватного реагирования (ответа) политической и правовой систем.

Действительно, преобразовательные процессы цифровизации затрагивают все сферы не только экономических, но и общественных отношений. На государственном уровне определены меры по реализации политики Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий¹.

Приказом Генерального прокурора РФ утверждена Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 г.² Мероприятия по цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры включены в федеральный проект «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и направлены на обеспечение высокотехнологичного надзора в деятельности органов прокуратуры, координацию правоохранительных органов Российской Федерации с использованием цифровых технологий, а также функционирование современных автоматизированных рабочих мест и сервисов работы с цифровыми данными на базе защищенной катастрофоустойчивой инфраструктуры Генеральной прокуратуры РФ³.

Таким образом, в оборот введено понятие «высокотехнологичный надзор». В указанном приказе Генерального прокурора сформулировано его определение и основные задачи, среди которых следует отметить повышение эффективности надзора путем внедрения современных и перспективных информационных технологий обработки первичной информации во всех видах надзорной деятельности; повышение

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

² Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года (вместе с Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года) : приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2017 № 627 // Законность. 2017. № 12.

³ Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/842/> (дата обращения: 15.10.2020).

обоснованности принимаемых решений в рамках исполнения надзорных функций на основе автоматизированного выявления и учета характерных закономерностей, соответствующих нарушениям в установленной сфере надзора.

Важное место в прокурорской деятельности занимает надзор за расследованием уголовных дел. В уголовном судопроизводстве осуществление прокурором надзорной функции неразрывно связано с функцией уголовного преследования. Особый статус прокурора в уголовном судопроизводстве, по нашему мнению, предполагает возложение на органы прокуратуры организации (администрирования) единой платформы, на которой должен строиться процесс цифровизации досудебных стадий уголовного судопроизводства. Прокурор на современном этапе уже обладает достаточным информационно-аналитическим обеспечением. Так, Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 487-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственного единого статистического учета данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре»¹ на Генеральную прокуратуру РФ возложено осуществление государственного единого статистического учета данных о состоянии преступности, о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре. Генпрокуратура проводит федеральное статистическое наблюдение на основе первичных статистических данных, предоставляемых государственными органами.

Уголовное судопроизводство – это вид государственно-властной деятельности, направленной на защиту прав и законных интересов граждан, организаций, государства от преступных посягательств, а также на защиту личности от незаконного ограничения ее прав и свобод. Поэтому ее нельзя рассматривать как разновидность государственных услуг, оказываемых населению. Не соглашусь с С.В. Власовой в том, что «уголовное правосудие – одна из сфер государственного управления, где населению и бизнесу оказывается услуга в виде защиты от преступности» [2, с. 10], а также с Л.Н. Масленниковой в том, что «государство оказывает услугу, обеспечивая путем расследования доступ потерпевшего к правосудию» [3, с. 140].

¹ Собрание законодательства РФ. 2019. № 52 (ч. I), ст. 7805.

Государственная услуга оказывается по запросам заявителей в пределах установленных нормативными правовыми актами полномочий органов, предоставляющих государственные услуги¹. Услуга является результатом, как правило, одного действия в интересах заявителя на основании его волеизъявления. В уголовном судопроизводстве дела публичного и частно-публичного обвинения расследуются независимо от воли заявителя (потерпевшего). Уголовное судопроизводство направлено не на удовлетворение потребностей его участников, а прежде всего на раскрытие преступления и изобличение лиц, виновных в его совершении, на защиту прав потерпевших. Преступление всегда посягает на конкретные общественные отношения, взятые под охрану государством, в орбиту которых вовлечены различные субъекты. Сложно представить, что в рамках оказания услуги могут быть ограничены права граждан либо применены иные меры принуждения. Соответственно, подход к цифровизации этой деятельности должен быть несколько иным, нежели при оказании государственных услуг.

Платформа, на которой будет осуществляться предварительное расследование (начиная с возникновения повода для проведения следственной проверки), должна связывать все стадии уголовного судопроизводства и все ведомства, участвующие в этом процессе. Более того, она должна быть доступна для всех участников уголовного процесса в той мере, в какой это необходимо для реализации их прав и исполнения обязанностей.

Неоспоримо, что в условиях электронного документооборота постоянный доступ прокурора к материалам уголовного дела позволит реализовать непрерывность прокурорского надзора, повысит его действенность.

Представляется, что процесс формирования программного обеспечения деятельности следователя и прокурора достаточно длительный и трудоемкий, он потребует усилий не только IT-специалистов, но и представителей заинтересованных ведомств (Генеральной прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной службы безопасности РФ и др.), законодателей и ученых.

Обеспечение допустимости доказательств является одной из задач деятельности прокурора при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов органами предварительного следствия, дозна-

¹ Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : федер. закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31, ст. 4179.

ния и оперативно-разыскной деятельности. Несомненно, что цифровизация станет упреждающим недопустимостью доказательств фактором.

Статья 75 УПК РФ содержит перечень недопустимых доказательств. Он не является исчерпывающим. К ним законодатель относит также иные доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ (п. 3 ч. 2 ст. 75).

Можно однозначно утверждать, что цифровизация исключит возможность совершения каких-либо следственных и иных процессуальных действий задним числом. Искусственный интеллект попросту не позволит это сделать. Выявление таких нарушений при осуществлении прокурорского надзора возможно, и такие факты имеют место, но требуют большого профессионального опыта прокурора, его внимательности, профессиональной интуиции, значительных трудозатрат.

Нередки случаи, когда в материалах уголовного дела содержатся протоколы следственных действий, проведенных в один и тот же временной период, что является основанием для признания доказательств недопустимыми. Выявление подобных нарушений прокурором, особенно по многотомным уголовным делам, является кропотливым и трудоемким делом.

Подсчет процессуальных сроков (в частности, сроков предварительного расследования при многочисленных приостановлениях, возобновлениях и продлениях) в ходе осуществления надзора также требует профессионализма и внимательности прокурора. Если подсчет процессуальных сроков будет автоматизирован и предусмотрена невозможность (блокировка) совершения действий за пределами срока, то качество доказательств (допустимости) будет соответствовать нормам закона.

Использование программного обеспечения станет упреждающим подобного рода нарушения фактором.

Приведенные примеры свидетельствуют о возможности значительной оптимизации прокурорского надзора, позволяющей сделать его более оперативным, точечным, когда проверке и оценке необходимо будет более подвергать доказательства с точки зрения их относимости, достоверности и достаточности для утверждения обвинительного заключения (акта, постановления) и направления уголовного дела в суд либо для принятия решения о возвращении уголовного дела в органы предварительного расследования. Полагаю, что из этических соображе-

ний нельзя допускать искусственный интеллект к оценке всесторонности, полноты и объективности собранных по делу доказательств¹.

При таких условиях цифровизации практически будет исключен субъективный подход, возможность манипулирования законом при принятии решений (в том числе о возбуждении уголовного дела либо отказе в этом, списании материалов в номенклатурное дело, непринятии заявления о прекращении уголовного дела в ходе предварительного расследования и иных волюнтаристских решений).

Использование цифровой технологии Legal teach (технология решения) – технологии типовых решений определенных видов юридических вопросов, адаптированной к организации прокурорского надзора за расследованием уголовных дел, – позволит каждое действие (незаконное бездействие), принятое процессуальное решение должностных лиц органов предварительного следствия и дознания подвергать проверке незамедлительно после их завершения (принятия), минимизировав таким образом последствия нарушения прав участников уголовного судопроизводства.

Представляется, что использование частных методик поддержания государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях отдельных видов, на необходимость разработки которых обоснованно указал В.Н. Исаенко [4, с. 17–25], также должно быть заложено в программы искусственного интеллекта, чтобы на «выходе» к судебному разбирательству государственный обвинитель обладал необходимым объемом информации для качественного поддержания государственного обвинения, знал об имеющихся противоречиях, подводных камнях конкретного дела, грамотно использовал тактические приемы, участвуя в судебном следствии².

¹ Этические принципы взаимодействия с искусственным интеллектом и вопросы необходимости придания искусственному интеллекту правосубъектности в различных отраслях права и законодательства уже рассматриваются современными юристами (см., например: Попова А.В. Этические принципы взаимодействия с искусственным интеллектом как основа правового регулирования // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 3. С. 34–43 ; Горохова С.С. К вопросу о необходимости института правосубъектности искусственного интеллекта на современном этапе развития правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 3. С. 23–33 и др.).

² В частности, такой вывод сделан по результатам опроса начальников и прокуроров отделов государственных обвинителей прокуратур субъектов РФ, проходивших обучение на факультете профессиональной переподготовки и повышения квалификации Университета прокуратуры РФ. В подавляющем большинстве (более 90 %) они высказались за необходимость разработки частных методик поддержания государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях отдельных видов, которые особенно необходимы прокурорам с небольшим стажем работы на данном направлении.

Цифровые технологии Big data (большие данные), предназначенные для обработки структурированных и неструктурированных данных огромных объемов и большого многообразия, размещенных не только в специальных сетях, но и на различных информационных сайтах, могут быть использованы для анализа преступности, ее причин и условий, выработки действенных средств ее предупреждения. Выявленная таким образом информация может быть использована прокурором при осуществлении функции координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Возвращаясь к полномочиям прокурора по осуществлению государственного единого статистического учета данных о состоянии преступности, сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре, кардинальным следует признать введение на законодательном уровне единой системы межведомственного электронного взаимодействия и условия об обязательности для исполнения приказов Генерального прокурора РФ по вопросам государственного единого статистического учета и государственной автоматизированной системы правовой статистики государственными органами, обладающими соответствующими первичными статистическими данными. Это первый важный шаг на пути цифровизации уголовного судопроизводства в Российской Федерации и использования возможностей высокотехнологического надзора, оптимизации прокурорского надзора в целом и реализации иных функций прокуратуры¹.

Безусловно, единая система межведомственного электронного взаимодействия позволит в полной мере использовать технологию Cloud computing (облачные вычисления), предполагающую создание единой платформы для совместной работы правоохранительных органов и обмена данными между ними в условиях системной интеграции

¹ К примеру, в настоящее время в соответствии с Временной инструкцией о порядке учета сообщений о преступлениях, состояния преступности, раскрываемости преступлений и результатах следственной работы в пилотной зоне государственной автоматизированной системы правовой статистики (ГАС ПС), утвержденной приказом Генерального прокурора РФ от 18.01.2016 № 18, уполномоченные должностные лица правоохранительных органов один раз в трое суток выгружают с помощью автоматизированного рабочего места книги регистрации сообщений о преступлениях (АРМ КУСП) на внешний носитель информации (флэш-накопитель, оптический диск) данные о зарегистрированных сообщениях о преступлениях по установленной Временной инструкцией форме. Носитель информации с данными КУСП направляется нарочным в территориальные и специализированные прокуратуры для обеспечения учета статистических сведений в ГАС ПС.

как по горизонтали (между государственными учреждениями различных ведомств по территориальному принципу), так и по вертикали (между учреждениями одного ведомства).

Масштабная цифровизация уголовного процесса потребует наличия у прокурора дополнительных компетенций в сфере IT-технологий. Представляется, что автоматизированное рабочее место прокурора должно отвечать современным вызовам высокотехнологичному надзору. Особого внимания требует обеспечение безопасности цифровой платформы, использование технологий противодействия киберпреступности, предотвращения вероятности доступа к ней посторонних.

Вопросы пределов использования информации заслуживают отдельного обсуждения. Так, С. Ферхюльст, Э.Дж. Захуранек, Э. Янг и М. Виноватан вводят такое понятие, как «данные во благо» (data for public good), подразумевающее обеспечение систематического, устойчивого и ответственного повторного использования данных в общественных интересах. По их мнению, возникает новая профессия – управляющий (распорядитель) данными (data steward). Именно через этих представителей (в нашем случае – через представителей правоохранительных органов) происходит взаимодействие с другими органами, когда возникает необходимость раскрыть (предоставить) данные. Эти должностные лица также должны выполнять функцию защиты данных и предотвращения возможности использования их вопреки интересам правоохранительных органов, общественности, организаций и граждан. По мнению ученых, распорядитель данными также должен контролировать, чтобы соответствующие стороны использовали полученную информацию по назначению [5]. Возможно, в недалеком будущем в прокуратуре и иных правоохранительных органах будет введена подобная должность.

Научная дискуссия о возможности использования цифровых технологий в российском уголовном судопроизводстве набирает обороты, но до внедрения в практическое использование рекомендаций ученых-юристов еще достаточно далеко.

Библиографический список

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016. 208 с.

2. Власова С.В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. С. 9–18.

3. Масленникова Л.Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру INDUSTRY 4.0 // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 137–147.

4. Исаенко В.Н. Информационная основа методики поддержания государственного обвинения: дискуссионные вопросы // Вестник Ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 8 (60). С. 17–25.

5. Wanted: data stewards. (Re-)defining the roles and responsibilities of data stewards for an age of data collaboration. March 2020. URL: <https://www.thegovlab.org/static/files/publications/wanted-data-stewards.pdf>.

Дата поступления: 04.05.2021

PAPYSHEVA Elena Sergeevna

Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia.

E-mail: papyshhev-01@yandex.ru

OPTIMIZATION OF PROSECUTORIAL SUPERVISION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEDURE

The paper discusses the possibilities of digitalization of criminal procedure and its importance for optimizing prosecutorial supervision, including high-tech supervision. The development of digital technologies urgently requires not only legal changes, but also the rational use of artificial intelligence in criminal proceedings. **Purpose:** to determine the limits of the use of artificial intelligence in criminal proceedings and, in particular, prosecutorial supervision. **Methods:** the author uses empirical methods of comparison and description; theoretical methods of formal and dialectical logic. A special scientific legal-technical method is also applied. **Results:** The prosecutor's access to the materials of the criminal case will make it possible to ensure the continuity of prosecutorial supervision and will enhance its efficiency. The use of software will be a factor preventing the gathering of evidence in violation of

the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. It is proposed to use special methods of supporting public prosecution in specific types of criminal cases in the development of an artificial intelligence program. Digital technologies can be used to analyze crimes, its causes and conditions, and to develop effective means of preventing it when the prosecutor exercises the function of coordinating the activities of law enforcement agencies in combating crime.

Keywords: high-tech supervision; admissibility of evidence; artificial intelligence; prosecutorial supervision; criminal procedure; criminal prosecution; digitalization.

References

1. Schwab K. *CHetvertaya promyshlennaya revolyuciya* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow, Eksmo Publ., 2016. 208 p.
2. Vlasova S.V. Toward adjusting the criminal procedural mechanism to digital reality. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal = Criminalist's Library. Scientific Journal*, 2018, no. 1, pp. 9–18. (In Russian).
3. Maslennikova L.N. Transformation of pre-trial proceedings in the initial stage of criminal proceedings, ensuring access to justice in the industry 4.0 era. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2019, no. 6, pp. 137–147. (In Russian).
4. Isaenko V.N. Information basis of the methodology of public prosecution: debatable issues. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) = Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2019, no. 8 (60), pp. 17–25. (In Russian).
5. Wanted: data stewards. (Re-)defining the roles and responsibilities of data stewards for an age of data collaboration. March 2020. Available at: <https://www.thegovlab.org/static/files/publications/wanted-data-stewards.pdf>.

Received: 04.05.2021

УДК 343.1

DOI 10.33184/pravgos-2021.2.11

ТАРАСОВ Александр Алексеевич

*доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
уголовного права и процесса Института права Башкирского
государственного университета, г. Уфа, Россия.*

E-mail: aatar@mail.ru

СВИДЕТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ КАК ИНДИКАТОР ЗРЕЛОСТИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Свидетельский иммунитет, то есть право прямо названных в уголовно-процессуальном законе лиц отказаться давать свидетельские показания о каких-то обстоятельствах, в специальной литературе рассматривается как один из уголовно-процессуальных институтов, относящихся к процессуальному статусу свидетеля или к правилам его допроса. **Цель:** показать, что и перечень лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, и правовая характеристика обстоятельств, о которых эти лица вправе не давать показаний, и общие правила допроса таких лиц, и исключения из этих общих правил – показатели уровня развития национальной системы уголовного процесса и правовой системы конкретного государства. **Методы:** структурно-системного анализа и синтеза, сравнительного правоведения. Предпринятый автором сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства России и Германии наглядно демонстрирует социально-экономическую обусловленность способов закрепления свидетельского иммунитета и возможность международного обмена накопленным опытом правоприменения. Главный **вывод** из проведенного исследования: правовое значение уголовно-процессуального института свидетельского иммунитета выходит далеко за рамки собственно уголовного процесса, а сам этот институт обладает значительной динамикой, отражающей изменения в социально-экономической и политической жизни общества.

Ключевые слова: свидетельский иммунитет; право отказаться свидетельствовать; свидетель в уголовном процессе; допрос свидетеля; близкие родственники; близкие лица; профессиональная тайна; носители профессиональной тайны.

Право не свидетельствовать против себя самого, против своих супругов и родственников, против других лиц, которые дороги потенциальному свидетелю по каким-то личным причинам, с давних времен, а точнее как минимум с первых буржуазных революций, относилось к числу основных прав и свобод человека и гражданина. Право носителя профессиональной тайны отказаться давать свидетельские показания на следствии и в суде по уголовным делам в целях неразглашения конфиденциальных сведений – это более позднее изобретение человечества, но все же не менее традиционное уголовно-процессуальное явление, получившее отражение в законодательстве большинства современных государств.

Свидетельский иммунитет, в который мы здесь условно включаем и привилегию против самообвинения, можно считать универсальным процессуальным институтом, действующим во всех сферах правосудия современных государств. Однако позволим себе сосредоточиться лишь на уголовном процессе как на той отрасли правосудия, в которой затрагиваются и ограничиваются наиболее значимые личные конституционные права и свободы, не умаляя при этом значимости этих же ценностей в других его отраслях.

Свидетельский иммунитет родственника или профессионала – это не просто универсальный межотраслевой процессуальный институт, это еще и средоточие многих других проблем правовой системы. То, кому именно предоставляется право отказаться свидетельствовать по уголовным делам по личным или профессиональным причинам, то, в отношении каких сведений это право действует, равно как и отдельные нюансы реализации этого права, наглядно демонстрирует уровень развития правовой системы, государства и общества. Правовая практика большинства государств наглядно демонстрирует и социально-политическую обусловленность свидетельского иммунитета, и его историческую подвижность.

В УПК РСФСР 1960 г., как известно, не был предусмотрен свидетельский иммунитет близких родственников. Автор наиболее известного учебно-научного труда о процессуальном статусе свидетеля в советском уголовном процессе В.И. Смыслов верно отмечал, что требование от близких родственников обвиняемого свидетельских показаний против него под страхом уголовной ответственности противоречит социалистической морали [1, с. 27]. Он же писал, что Верховный Суд СССР крайне осторожен в оценках таких свидетельских показаний ввиду понятности мотивов для лжи [1, с. 27]. В это время в советской юридической литературе предлагались самые разнообразные пути решения

этой проблемы: от декриминализации лжесвидетельства в отношении близких родственников до весьма специфического советского варианта – от уголовной ответственности отказаться, но передавать такие дела на суд общественности [1, с. 28]. Был и промежуточный, сугубо правоприменительный прием – не предупреждать об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний и подписку об этом при допросе родственников не отбирать, что в практике тех лет получило довольно широкое распространение [1, с. 27]. И все это на фоне уголовно-процессуального закона, который не меняется. Констатация его аморальности ситуацию тоже не меняет.

В 1989 г. профессор Л.М. Карнеева при том же действующем законе обратила внимание на необходимость закрепления в нем свидетельского иммунитета для близких родственников и апеллировала уже к современному ей особому периоду общей гуманизации советского общества [2, с. 111].

Вторая половина 1980-х годов – эпоха так называемой перестройки и гласности. Однако и далее с УПК РСФСР так ничего в этой части и не происходит. Право отказаться от дачи показаний закрепляется в Конституции России 1993 г., но изменения в УПК РСФСР так и не вносятся, несмотря на конституционную отсылку к федеральному закону, который бы и должен определить круг лиц, обладающих этим правом. Однако этого, вплоть до принятия в декабре 2001 г. УПК РФ, так и не случилось. Советская следственная и судебная практика отказа от привлечения к уголовной ответственности за лжесвидетельствование супругов и близких родственников при наличии к тому формальных оснований сохранилась и была подкреплена в декабре 1993 г. конституционной нормой прямого действия.

В ст. 56 УПК РФ 2001 г., введенного в действие с 1 июля 2002 г., было, наконец, закреплено право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и своих близких родственников, круг которых определялся в ст. 5 УПК РФ, причем с очевидной терминологической ошибкой: среди близких родственников в этой общей статье, как и в специальной ст. 56 УПК РФ, названы супруги, которые по определению близкими родственниками не являются.

Был в ст. 56 УПК РФ решен и вопрос об, условно говоря, «профессиональном свидетельском иммунитете». По закону теперь не допускается допрос в качестве свидетелей священников – об обстоятельствах, ставших известными из исповеди, адвокатов – об обстоятельствах оказания ими любой квалифицированной юридической помощи, судей и при-

сяжных заседателей – об обстоятельствах, ставших им известными при отправлении правосудия, членов и депутатов обеих палат Федерального Собрания – без их согласия. Здесь важно отметить, что перечень носителей профессиональной тайны, которых нельзя допросить об обстоятельствах, ее составляющих, по мере накопления опыта применения нового уголовно-процессуального закона дополнился сначала должностными лицами налоговых органов – об обстоятельствах, связанных с налоговыми декларациями, уполномоченными по правам человека. Не менее значимо, что отдельные положения этой нормы подвергались корректировке, отражающей накопленный опыт. Так, появилась оговорка о возможности допросить адвоката об обстоятельствах оказания им юридической помощи, если он сам выражает такое желание.

Российским законодателем, таким образом, были усвоены важные особенности свидетельского иммунитета как социально обусловленного межотраслевого правового института. Во-первых, действие свидетельского иммунитета затрагивает многие сферы общественной жизни. Во-вторых, в нем отражается специфика конкретного этапа развития государства и общества. В-третьих, будучи закрепленным в законодательстве, свидетельский иммунитет способен оказывать обратное влияние на все эти сферы жизни общества. В связи со сказанным свидетельский иммунитет – это не раз и навсегда заданный процессуальный институт. Он весьма подвижен, поскольку зависит от уровня развития правовой системы страны, от социально-экономических, политических и иных условий жизни ее населения. Очень хорошо, что такое движение в российском законодательстве началось. Однако сравнение законодательных решений проблем свидетельского иммунитета в России и в таком развитом европейском государстве, как Федеративная Республика Германия, показывает, что мы, то есть Россия и ее правовая система, пока еще в самом начале этого правильного пути.

Определяя свидетельский иммунитет близких обвиняемого в § 52 уголовно-процессуального закона ФРГ (Strafprozessordnung der Bundes Republic Deutschland¹, далее – StPOdBRD), германский законодатель распространяет право отказаться от свидетельствования не только на супругов, но и на помолвленных (Verlobte), на бывших супругов (auch wenn die Ehe nicht mehr besteht), если брак больше не существует, на свойственников, то есть родственников супругов до второй степени

¹ Здесь и далее используется оригинальный текст действующего StPOdBRD. См.: Rechtsprechung im Internet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/> (дата обращения: 11.05.2021).

родства с последними, а также на бывших свойственников, то есть родственников бывших супругов (*verschwägert ist oder war*). С позиций здравого смысла это выглядит абсолютно понятным: расторжение юридического брака не только не препятствует сохранению добрых отношений между бывшими супругами и их родными, но и оставляет в силе важную часть их совместной жизни – воспитание общих детей и внуков. Все сказанное к юридической регистрации брака вообще не имеет отношения. Эти люди дороги друг другу, и обязывать их свидетельствовать друг против друга под страхом уголовной ответственности – одновременно и безнравственно, и бесперспективно с точки зрения достоверности полученной от них информации.

Свидетельский иммунитет, закрепленный в § 52 УПК ФРГ, нельзя считать собственно «родственным», хотя в русской литературе термин *Angehörige des Beschuldigten* иногда переводят именно так. В прежних своих публикациях нами обращалось внимание на то, что существительное *Angehörige* происходит от глагола *angehören*, означающего буквально «принадлежать», и совсем не обязательно в качестве члена семьи [3, с. 90]. Речь идет о близких людях, которые дороги друг другу. Перечень этих лиц в самом германском законе близок именно к такому значению употребленных в нем слов.

Не менее впечатляет перечень носителей профессиональной тайны (*Berufsgeheimnisträger*), которым германским уголовно-процессуальным законом также предоставлено право отказаться от дачи показаний в отношении сведений, такую тайну составляющих.

В перечне § 52 StPOdBRD, посвященного свидетельскому иммунитету *Berufsgeheimnisträger*, указаны помимо известных и российскому закону священнослужителей, адвокатов и членов законодательных собраний (назовем их всех условно «депутатами») представители профессий, сам перечень которых свидетельствует и о достаточно высоком уровне рыночного развития экономики Германии, и об уровне совершенства ее правовой системы. Полагаем, что в содержании рассматриваемого параграфа отразился опыт применения самих правил о свидетельском иммунитете в уголовном процессе Германии.

Каждый пункт этого большого перечня заслуживает отдельного внимания. Для начала обозначим весьма заметную разницу в самой законодательной формулировке свидетельского иммунитета, допущенную германским законодателем в отношении всех его обладателей независимо от основания. Термин *Zeugnisverweigerungsrecht*, буквально переводящийся на русский язык как «право отказаться свидетельствовать», озна-

чает меру возможного поведения, которую избирает сам правообладатель и от которой, судя по всему, может по собственному же выбору отказаться. Российская формулировка «не может быть допрошен» германскому уголовному процессу неизвестна. В прежних публикациях нами была сформулирована идея о существенно большем оградительном потенциале именно российской законодательной формулы, делающей бесполезными попытки оказать давление на потенциального свидетеля [4, с. 126–127]. Однако это лишь гипотеза, побуждающая к изучению реальной практики использования свидетельского иммунитета обоих государств.

Священнослужитель вправе отказаться свидетельствовать об обстоятельствах, которые «стали известны или были доверены» (*erkannt oder bedauert wird*) ему как «духовному наставнику» (*als Seelsorger, Seel* – душа, дух, *Sorger* от *sorgen* – заботиться, хлопотать). Никакой привязки к конкретному церковному ритуалу в германском законе нет. Правом священника любой официально зарегистрированной конфессии отказаться свидетельствовать об обстоятельствах любого доверительного общения с верующими защищено все это общение. Такой подход видится вполне оправданным для любого многоконфессионального государства.

Свидетельским иммунитетом наделены «депутаты» (по германскому закону – *Mitglieder*), то есть члены Бундестага – федерального однопалатного парламента, Федерального собрания – специального конституционного органа, собирающегося раз в пять лет для выборов Федерального президента ФРГ, а также члены Европарламента от ФРГ. Правом отказаться свидетельствовать наделены и члены законодательных собраний субъектов Федерации (земель) – Ландтагов, что тоже довольно примечательно само по себе. Но еще более впечатляет то, о чем именно германские «депутаты» вправе отказаться свидетельствовать перед правоохранительными органами и судом – не просто об обстоятельствах реализации ими любых своих полномочий, как это обозначено в российском УПК, они вправе не разглашать сведения о людях (*Personen*), которые сообщили какие-то факты (*Tatsachen*) «депутатам» в этом их качестве (*in diesem Eigenschaft*), о лицах, которым «депутаты» в этом своем качестве какие-то факты сообщили, а также о самих этих фактах (*über diese Tatsachen selbst*). Таким образом, свидетельским иммунитетом защищаются не сами «депутаты» и их парламентская деятельность как таковая, а конфиденциальность их общения с избирателями и деловое общение с другими людьми по поводу реализации воли избирателей. Во всяком случае, из текста германского уголовно-процессуального закона вытекает именно это.

В специальном пункте, расположенном вслед за пунктом о священнослужителях, но до пункта о «депутатах», перечислены представители других профессий, которые связаны доверительными отношениями с людьми и необходимостью хранить их тайны. В этом большом перечне помимо адвокатов указаны нотариусы, аудиторы, налоговые консультанты, патентные поверенные, врачи (отдельно – зубные врачи), аптекари, психотерапевты (отдельно – юношеские психотерапевты) и т. д. Внимание законодателя к представителям этих профессий в контексте свидетельского иммунитета, а особенно внимание к охране доверительно сообщенных им сведений говорит о развитости соответствующих социальных институтов экономики в целом и системы налогообложения, медицинского обслуживания, в том числе стоматологии, фармакологии и психотерапии, охраны авторских прав и т. д. Отдельные, вводимые по мере надобности, пункты анализируемого параграфа посвящены аналогичному праву консультантов по вопросам беременности и наркозависимости. Специальный § 53a StPOdBRD, появившийся позднее основного параграфа и исключительно в связи с ним, устанавливает право отказаться от дачи свидетельских показаний так называемых *mitwirkenden Personen* (буквально – содействующих лиц) – профессионалов, перечисленных в § 53, а точнее – под номерами с 1 по 4, то есть всех, кроме представителей масс-медиа, названных под номером 5. Обладателями сведений, о которых перечисленные «сотрудники» могут отказаться свидетельствовать наравне с самими профессионалами, они становятся в силу собственного участия в этой профессиональной деятельности «в рамках» (*im Rahmen*): а) договорных обязательств, либо б) выполнения функций помощника, либо в) предварительной профессиональной подготовки. Такое решение законодателя видится оптимальным для устранения неизбежной правовой двусмысленности, возникающей при нормативно-правовом определении статуса помощника любого из профессиональных участников уголовного процесса (например, адвоката или судьи), обладающих свидетельским иммунитетом.

Как уже отмечалось, среди лиц, имеющих право отказаться свидетельствовать по мотивам профессиональной тайны, в германском законе названы журналисты и иные представители средств массовой информации в части авторства или редакционной работы в отношении материалов, связанных с «информированием или формированием мнения» (*der Unterrichtung oder Meinungsbildung*). Такое отношение к средствам массовой информации в правовом государстве, на наш взгляд, в специальных комментариях не нуждается.

Все сказанное свидетельствует о постоянном совершенствовании правовой системы ФРГ и приспособлении ее к реальным потребностям германского общества на данном этапе его развития.

Несомненный компаративистский интерес представляют исключения из общих правил о свидетельском иммунитете носителей профессиональной тайны и особенности их формулировки в германском уголовно-процессуальном законе. Большинство профессионалов, за исключением священников и условных «депутатов», во-первых, не имеют права отказаться свидетельствовать в случаях освобождения их от обязанности хранить профессиональную тайну; во-вторых, не имеют такого права в случаях раскрытия и расследования прямо названных в законе групп преступлений. Таких групп три: 1) преступления против мира и внешней безопасности Германии, демократического правового государства; 2) преступления против полового самоопределения (в § 53 StPOd-BRD названы конкретные статьи уголовного закона, их предусматривающие); 3) отмывание преступных доходов (Geldwäsche) – также с указанием конкретных статей уголовного закона.

Важно отметить, что специальный § 54 StPOdBRD содержит указание на особые правила допроса отдельных категорий официальных лиц, которые в число обладателей свидетельского иммунитета не включены. В этом перечне судьи (Richtern) и иные прямо не названные государственные служащие (Angehörige des öffentlichen Dienstens – представители публичной службы), обладающие некими сведениями в связи со своей публичной деятельностью. Отдельно это же сказано о Федеральном президенте ФРГ, который в специально оговоренных в законе случаях вправе отказаться от дачи показаний. Здесь же говорится и об особых правилах допроса уже упоминавшихся условных «депутатов», пожелавших дать свидетельские показания.

В бланкетных нормах германский уголовно-процессуальный закон указывает на особый порядок допроса (буквально – «получения высказываний» – Aussagegenehmung) отдельных категорий лиц, не распространяя на часть из них право отказаться от дачи показаний. В сравнительно-правовом плане здесь самое интересное обстоятельство – отсутствие свидетельского иммунитета у судей, а также специальное указание закона на особые правила допроса лиц, которые уже не обладают соответствующим официальным статусом, но допрашиваются об обстоятельствах, ставших им известными ранее – при исполнении служебных обязанностей.

Перечень очевидных законодательных находок в определении и гарантировании свидетельского иммунитета разных категорий лиц в

StPOdBRD позволяет выработать оптимальные пути решения многих аналогичных правовых проблем в национальных системах уголовного процесса других государств. Межгосударственный обмен опытом по вопросам свидетельского иммунитета, на наш взгляд, не ограничивается не то что проблемами собственно процессуального статуса свидетеля, но даже и сферой уголовного судопроизводства. Уровень совершенства решения проблемы свидетельского иммунитета – это еще и индикатор развития правовой системы конкретного государства.

Библиографический список

1. Смыслов В.И. Свидетель в советском уголовном процессе : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1973. 160 с.
2. Карнеева Л.М. Свидетельский иммунитет и его значение // Основания и порядок реализации уголовной ответственности : межвуз. сб. науч. ст. Куйбышев : Куйбышевский ун-т, 1989. С. 111–115.
3. Тарасов А.А. Уголовно-процессуальная компаративистика и проблема точности перевода юридических терминов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 11. С. 87–91.
4. Тарасов А.А. Очевидное и не очевидное в свидетельском иммунитете (опыт сравнительно-правового анализа) // Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 1. С. 124–129.

Дата поступления: 31.05.2021

TARASOV Alexander Alekseevich

*Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia.
E-mail: aatar@mail.ru*

WITNESS IMMUNITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS AS AN INDICATOR OF THE MATURITY OF THE LEGAL SYSTEM

Witness immunity, that is, the right of persons expressly referred to in the criminal procedure law to refuse to testify about circumstances, is considered in the special literature as one of the criminal procedure institutions, relating

to the procedural status of the witness or the rules for his or her interrogation.

Purpose: to demonstrate that the list of persons having witness immunity and the legal characteristics of the circumstances to which they are entitled not to testify, and the general rules for interrogating such persons, and exceptions to these general rules are indicators of the level of development of the national criminal procedure and legal system of a particular State. **Methods:** the author uses the methods of structural-system analysis and synthesis, comparative jurisprudence. The author's comparative analysis of Russian and German criminal procedure law clearly demonstrates the social and economic conditionality of the methods of securing witness immunity and the possibility of international exchange of law enforcement experience. The main **conclusion** from the study is the following: the legal significance of the criminal procedural institution of witness immunity goes far beyond the actual criminal procedure, and this institution has significant dynamics, reflecting changes in the socio-economic and political life of society.

Keywords: witness immunity; right to refuse to testify; witness in criminal proceedings; interrogation of a witness; close relatives; close persons; professional secrecy; holders of professional secrecy.

References

1. Smyslov V.I. *Svidetel' v sovetskom ugolovnom processe* [Witness in the Soviet criminal trial]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1973. 160 p.
2. Karneeva L.M. Witness immunity and its meaning. *Osnovaniya i poryadok realizacii ugolovnoj otvetstvennosti. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh statej* [Grounds and procedure for the implementation of criminal liability. Interuniversity collection of scientific articles]. Kuibyshev, Kuibyshev University Publ., 1989, pp. 111–115. (In Russian).
3. Tarasov A.A. Comparative criminal procedure and the problem of the accuracy of translation of legal terms. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Russian Laws: Experience, Analysis, Practice*, 2016, no. 11, pp. 87–91. (In Russian).
4. Tarasov A.A. Obvious and not obvious in witness immunity (the experience of the comparative legal analysis). *Pravovaya paradigma = Legal Concept*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 124–129. (In Russian).

Received: 31.05.2021

УДК 342.3

DOI 10.33184/pravgos-2021.2.12

ТРОФИМЕЦ Ирина Александровна*кандидат юридических наук, доцент, сотрудник Посольства России в Испании, г. Мадрид, Испания.**E-mail: kosareva-khv@mail.ru*

АКТ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ КАК ВИД ИНФОРМАЦИИ И ОБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В статье с позиции информационного права анализируется правовая категория «акт гражданского состояния». **Целью** настоящей работы – характеристика акта гражданского состояния как вида информации и объекта информационных правоотношений. Автор использует общие и специальные **методы** научного познания: исторический, сравнительный, формально-юридический, диалектический и др. **Результаты:** сделан вывод об отнесении акта гражданского состояния (в текстовом или цифровом формате) к информации ограниченного доступа. В отношении этих сведений действуют особые правила предоставления и исключена возможность их распространения.

Ключевые слова: информационные отношения; цифровизация; акт гражданского состояния; текстовый и цифровой формат; информация ограниченного доступа; семейная и частная тайна.

Последовательная работа по правовому обеспечению цифровизации¹ и непосредственно сама цифровизация в сфере ЗАГС² осуществляется на основе реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»³, Указа Президента РФ «О Стратегии раз-

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об актах гражданского состояния»: федер. закон от 23.06.2016 № 219-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 28.02.2021).

² По данным исследований Высшей школы экономики, за 5 лет были заключены контракты на создание информационных систем для ЗАГС на общую сумму более 764 млн руб.

³ Паспорт национального проекта «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/pasport-natsionalnogo-proekta-natsionalnaja-programma-tsifrovaja-ekonomika-rossiiskoi-federatsii> (дата обращения: 20.05.2021).

вития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»¹ и распоряжения Правительства РФ «Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года»², базирующихся на Конституции РФ, международно-правовых принципах построения информационного общества, определенных Окинавской хартией глобального информационного общества³, Декларацией принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии»⁴, Планом действий Тунисского обязательства⁵ и других международных договорах и нормативных правовых актах Российской Федерации, устанавливающих направления применения информационных и коммуникационных технологий в нашей стране.

Развитие информационных технологий обусловило появление особой отрасли права, состоящей из специальных нормативных правовых актов различной юридической силы, специфическими методами регулирующих отношения в информационной среде. По справедливому замечанию И.М. Рассолова, «все "удобства" информационного общества порождают многочисленные юридические проблемы» [1, с. 19].

На наш взгляд, особая сложность заключается в том, что наряду с правовым требуется нормативно-техническое регулирование (в том числе управление) отношений в информационном обществе. Впервые на синтез такого регулирования указал в 1975 г. А.Б. Венгеров [2]. Позже Ю.М. Батурин ввел термин «информационно-компьютерное право» [3]. В конце прошлого столетия И.Л. Бачило [4; 5; 6; 7], В.А. Копылов [8], М.М. Рассолов [9] писали о зарождении новой отрасли права, комплексной по своему характеру, «отпочковавшейся» от административ-

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

² Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 01.11.2013 № 2036-р // Собрание законодательства РФ. 2013. № 46, ст. 5954.

³ Окинавская хартия глобального информационного общества // Дипломатический вестник. 2000. № 8.

⁴ Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии». Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R от 12.12.2003 // Законодательство и практика масс-медиа. 2004. № 1.

⁵ План действий Тунисского обязательства. Документ WSIS-05/TUNIS/DOC/7-R от 15.11.2005 [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsisis.pdf (дата обращения 06.04.2021).

ного и гражданского права и регулирующей особые общественные отношения, предметом которых является информация и ее оборот в информационной среде, – информационного права.

С точки зрения Т.Я. Хабриевой, «в постиндустриальном обществе, по всей видимости, произойдет переоценка не только места и роли информации в жизни человека, государства, мирового сообщества, но и правовой концепции самой информации, понимаемой в настоящее время как любые сведения, сообщения, данные независимо от их оформления, а информационное право выйдет за рамки полупериферийного состояния и приобретет значение если не основной, то важнейшей отрасли законодательства и права в целом» [10, с. 18–19].

Т.А. Полякова так определяет место и роль информационного права: «...сегодня уже можно достаточно уверенно говорить о его универсальном значении, поскольку информационно-правовые нормы касаются самых разных отраслей права, да и сама система права является по сути информационной» [11, с. 54].

Информационное право получило развитие в связи с современным процессом цифровизации экономики, социальной сферы и сектора государственного и муниципального управления. Среди прочих государственных компетенций процесс цифровизации затронул и институт государственной регистрации актов гражданского состояния¹: на всей территории Российской Федерации введен Единый государственный реестр ЗАГС (ЕГР ЗАГС), который, являясь информационным ресурсом², существует в цифровом формате и в будущем будет полностью действовать по экстерриториальному принципу. ЕГР ЗАГС – это вид реестровой (списочной) информации, состоящей из отдельных актов записей. Попытаемся доказать принадлежность акта гражданского состояния к категориям «информация» и «объект информационных отношений». Полагаем, что ценность акта гражданского состояния заключа-

¹ В рамках этой работы термины «государственная регистрация акта гражданского состояния», «запись акта гражданского состояния» и «акт гражданского состояния» используются как равнозначные.

² Термин «информационный ресурс» (отдельные документы и отдельные массивы документов, документы и массивы документов в информационных системах (библиотеках, архивах, фондах, банках данных, других информационных системах), введенный уже утратившим силу Федеральным законом «Об информации, информатизации и защите информации», не нашел отражения в новом Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Но, несмотря на сложившуюся ситуацию, он прижился и широко используется юристами как синоним термина «информационная система».

ется именно в той информации, которую он содержит в себе. На важность такой информации для государства, общества и граждан указывает в своей работе Е.Е. Антонова [12]. Акт гражданского состояния – разновидность информации; государственная регистрация (запись) акта гражданского состояния – носитель информации; юридические факты в сфере гражданского состояния – источник информации (сведения о рождении, смерти, перемене имени, состоянии в браке, установлении (признании) отцовства, усыновлении).

Вообще информация – это не только самая распространенная, но и самая спорная категория в различных естественных, технических и общественных отраслях знаний (биология, химия, физика, математика, кибернетика, информатика, криптография, философия, политология, социология, экономика, право и др.). А.В. Минбалеев исследовал феномен информации с применением общетеоретических методов (семантического, синтаксического, технического и прагматического) и сделал вывод об эффективности междисциплинарного подхода в изучении для «определения сущности и свойств информации» [13, с. 15]. К аналогичному заключению пришел и Д.В. Иванов [14, с. 11].

По справедливому замечанию Л.К. Терещенко, «юридическая наука ... включила в свою сферу информацию и производные понятия, характеризующие ряд новых явлений, связанных с практическими проявлениями информации» [15, с. 3]. С точки зрения А.В. Минбалеева, «введение в правовой оборот информации осуществляется благодаря возникающему интересу к ней у субъекта права, а определяющим для правового режима является именно содержание (смысл) информации и (или) форма, способ ее предоставления, распространения» [16, с. 8]. С позиции права информация может быть юридически значимой или юридически безразличной. Юридически значимая информация определяет правовые статусы субъектов и правовые режимы объектов правоотношений, формирует доказательственную базу и т. д.

Слово «информация» происходит от латинского *informatio*, что означает «формировать разум, дисциплинировать, учить». В латинском языке оно использовалось для обозначения таких категорий, как «концепция» или «идея», но достоверно не установлено, что именно это имело влияние на становление современного понятия «информация». Этимология латинского *informatio* связана с древнегреческим *morfē* (*μορφή*). Изначально в значениях «концепция» и «идея» слово «информация» использовалось древнегреческими философами Платоном и

Аристотелем для обозначения сущности чего-либо. Позже термин «информация» стал общенаучной категорией.

Л. Флориди, основатель «Философии информации», относит информацию к фундаментальным научным понятиям, доказывая, что через информацию могут быть определены другие понятия [17], в частности установлена тесная связь с категорией «знание» (истинное представление). В широком смысле информация – это определенный набор данных, способных изменить состояние знаний. Информация как способ получения знаний должна быть в пригодном для восприятия человеком виде. Создание и получение информации необходимо в целях увеличения и улучшения знаний, уменьшения существующей неопределенности относительно предметов или явлений материального мира, разработки правил принятия адекватных решений и оптимального выбора варианта поведения.

История информации связана с ее получением, обработкой и распространением. Первый организованный сбор и хранение информации, отличающийся фрагментарностью, отмечают в Средние века (рукописные библиотеки монастырей). Уже с середины XV в. с появлением книгопечатания информация систематизируется, распространяется серийно (выпуск газет). С начала XX в. начинается современная эпоха информации, связанная с радио- и телевидением, развивающимися социальными коммуникациями. И уже с середины XX в. прогресс, ознаменованный созданием первых компьютеров, набирает «обороты»: Клод Э. Шеннон разрабатывает математические основы теории информации (1948), человечество вступает в эпоху цифровых технологий, используется двоичная нумерация для обозначения, передачи и обмена информацией. 1969 год считают датой рождения «прародителя» Интернета – появляется первое компьютерное соединение, известное как *ARPANET*, связавшее четыре университета в США. Развитие сети Интернет позволяет передавать информацию в любое время из любого места посредством обработки данных с помощью компьютерных приложений (1989).

Цифровая информация – это информация, кодирование которой сводится к двум значениям 0 и 1, то есть переводится в двоичную систему, независимо от того, что это – текст, звук, изображение и т. д. Цифровая информация передается или копируется бесконечно много раз без ущерба или потерь, восстанавливается с помощью соответствующего программного обеспечения, не занимает физического места (находится внутри устройств, способных читать ее), быстро обрабаты-

вается и передается устройствами, хранится в течение длительного времени, если не уничтожить сознательно. Несмотря на преимущества цифрового формата информации, есть один серьезный недостаток – это сложности с установлением контроля за ее распространением. Следует заметить, что до сих пор существует множество источников информации в нецифровом формате или недоступных в электронном виде по разным причинам, как технического, так и юридического характера.

Информация «включается» в нормативно-правовое регулирование, становится объектом правоотношений, однако не всякая информация находится в правовом поле. На законодательном уровне предпринята попытка представить легальные дефиниции этой категории. Так, в соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под информацией следует понимать сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления¹. Дефиниция хотя и отличается краткостью, тем не менее дает общее представление об этом явлении объективной действительности. В ранее действовавшем Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации»² под информацией понимались «сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления», что, на наш взгляд, более полно отражало сущность этого феномена. В п. 3.1.19 ГОСТ 7.0-99 СИБИД дано такое определение: информация – «сведения, воспринимаемые человеком и (или) специальными устройствами как отражение фактов материального или духовного мира в процессе коммуникации»³, универсально детерминирующее субстанцию этого феномена.

Официальные концепции информации сводятся к тому, что это «сведения» (от древнерусского «ведать», «знать»). В то же время в современных словарях информация и сведения – это слова-синонимы. Получается, что законодатель дает определение одному неизвестному через другое неизвестное, поскольку термин «сведения» тоже нуждается в разъяснении. Более того, закон приравнивает к сведениям данные и со-

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006 № 31 (ч. I), ст. 3448.

² Об информации, информатизации и защите информации : федер. закон от 20.02.1995 № 24-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 8, ст. 609 (утратил силу).

³ ГОСТ 7.0-99. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения. Введ. 2000-07-01 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200004287> (дата обращения: 20.05.2021).

общения. Соглашаемся с выводами, сделанными Г.Г. Камаловой: «современное законодательство содержит норму-дефиницию, определяющую информацию исходя из семантического подхода через неуточненные понятия: "сведения", "сообщения", "данные", и обосновывает производность понятий "сообщение" и "данные" от понятия "сведения"» [18, с. 24].

По нашему мнению, интерес представляет доктринальная дефиниция, предложенная И.Л. Бачило: «информация – это воспринимаемая и понимаемая человеком характеристика окружающего мира во всем его разнообразии, которая возникает в процессе познания последнего и позволяет на основе познания и измерения свойств предметов, явлений, процессов, фактов и отражения их в различных формах восприятия отличать их признаки, элементы, значения и устанавливать связи и зависимости всего многообразия проявления материального, духовного, идеологического мира» [4, с. 25]. Бесспорно, для правоприменения это научное определение слишком громоздко, но именно оно детально отражает характеристики правовой категории «информация».

Также полагаем, что заслуживает внимания мнение А.В. Минбаевева, который относит информацию к фундаментальным категориям и предлагает «под "информацией" ... понимать идеальный продукт отражения мира (окружающей действительности) во всей совокупности его составляющих (явления, объекты, процессы, связи и т. п.), существующий в какой-либо способной к восприятию объективной форме» [13, с. 8].

В юриспруденции информация является предметом исследования именно как объект особых общественных отношений – информационных, подлежащих правовому регулированию. На комплексный характер этой правовой категории (информационных правоотношений) указывала в своей работе Д.Д. Савенкова [19].

Как отмечалось, информационные отношения, то есть общественные отношения, предметом которых является информация, приобрели самостоятельное значение сравнительно недавно. Считаем, что эта правовая категория может быть либо самостоятельным объектом правоотношений (информационных, гражданских, уголовных и др.), либо носить субсидиарный характер (государственных, административных и др.).

Какими параметрами должна обладать информация в качестве объекта правоотношений, находим у И.Л. Бачило, считающей, что это «совокупность реально существующих материализованных результатов творчества и труда, воплощенных: 1) в информации при разнообразии форм ее проявления и формируемых на этой основе информационных

ресурсах; 2) средствах и технологиях работы с информацией (информационных технологиях – потенциал ИКТ); 3) средствах и технологиях коммуникации информации по сетям связи» [4, с. 23]. Акты гражданского состояния полностью отвечают характеристикам, называемым И.Л. Бачило в качестве предмета информационного права: являются информационной системой (ЕГР ЗАГС), данные из которой передаются посредством телекоммуникационных сетей связи, представлены в электронном формате.

Мы придерживаемся плюралистической концепции информации и разделяем мнение А.А. Тедеева о том, что «в качестве объекта информационных правоотношений выступают разнообразные материальные (например, документированная информация, архивный фонд и т. д.) и нематериальные блага (например, правопорядок в информационной среде)» [20, с. 29]. Акт записи гражданского состояния мы рассматриваем как материальное благо – документированную информацию. И в то же время определяем дихотомию этой правовой категории, предлагаем различать сведения, составляющие акт гражданского состояния, и их документальную форму. Акт гражданского состояния как объект информационных отношений – это идентифицирующая и индивидуализирующая гражданина информация межотраслевого комплексного характера.

Правовой институт информации наиболее разработан в трудах А.В. Минбалеева. Он сгруппировал существующие модели легальных дефиниций правовой категории «информация» [13]. В первую группу ученых включил государства, в законодательстве которых применяется конструкция «...информация – это информация...» (например, Великобритания, Германия, Швеция и др.). Во вторую группу отнесены государства постсоветского пространства, где под «информацией» понимаются сведения. Третья группа государств (например, Сингапур, Гонконг, США, Индия и Ирландия) на законодательном уровне дает расширительное толкование термина «информация» – «это данные, текст, образы, изображения, звуки, коды, компьютерные программы, программное обеспечение, базы данных и т. п.» [13, с. 9], но ограничивается лишь перечислением возможных форм (выражений) информации. Плюрализм концепций указывает на тот факт, что информация как правовая категория находится в стадии формирования.

Информация имеет внутреннюю структуру, отличающуюся несколькими признаками: семантика (значение) информации, исходя из значения (смысла) информации оцениваются и корректируются возможные последствия; значимость, большой поток информации необхо-

можно разделить на значимую и незначимую, в том числе с точки зрения права и юридических последствий; действительность в пространственно-временном измерении и относительно источника (носителя), на практике достоверность информации трудно оценить, поскольку обычно доступ к ней не позволяет сразу узнать, является ли указанная информация достоверной; ценность нематериального характера, которая определяется как полезность сведений для государства, общества и отдельных граждан.

Существуют различные классификации информации. Так, А.А. Чеботарева предлагает различать информацию по следующим критериям: 1) по степени организованности (упорядоченности) – документированная и иная информация; информационные ресурсы и свободная информация, не находящаяся в информационных системах; систематизированная (каталоги, энциклопедии, рубрикаторы и т. п.) и несистематизированная информация; 2) по виду носителя (форме закрепления) – на бумажном носителе, видео- и звуковая, компьютерная информация, в объемно-пространственной форме, устная, энергетическая (биологическая) при энергоинформационном обмене; 3) по степени доступа – информация с ограниченным доступом, информация без права ограничения доступа, объекты интеллектуальной собственности, «вредная информация» с ограничением по распространению, иная общедоступная информация; 4) по функциональному предназначению (по сфере применения) – массовая информация, распространяемая через СМИ, и отраслевая, профессиональная (по интересам) информация и т. д. [21, с. 12]. В соответствии с классификацией А.А. Чеботаревой информацию ЗАГС следует отнести к документированной, находящейся в информационном ресурсе, систематизированной, имеющей два вида носителя (электронный и бумажный), с ограниченным доступом, публичного и частного характера.

Существуют и другие критерии классификации массива информации. Деление информации на определенные группы позволяет правильно организовывать деятельность по правовому регулированию ее оборота и обеспечению информационной безопасности. Для государственной регистрации акта гражданского состояния в качестве информации характерны следующие черты: нематериальна, обособлена, субстанционально несамостоятельна, неотчуждаема, непотребляема, структурирована, документирована, не ограничена в тиражировании (возможность многократного дубликатирования).

С позиции О.А. Бояринцевой, «развитие информационных технологий и стремительное увеличение массивов информационных ресурсов, требующих соответствующей организации и упорядочивания, существенно изменили подходы к пониманию ... реализации национальных интересов в информационной сфере» [22, с. 3]. Справедливо это высказывание и по отношению к записям актов гражданского состояния. В современных условиях меняется формат фиксирования (записи) информации на цифровой, меняется формат ее сбора, систематизации, накопления, хранения, уточнения, в том числе обновления и изменения, извлечения, использования, передачи, а также предоставления, распространения и доступа, обезличивания, блокирования, удаления, уничтожения.

Попытаемся проанализировать государственную регистрацию акта гражданского состояния с позиции Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон).

Акты гражданского состояния – это сведения (сообщения, данные) о рождении, смерти, заключении и расторжении брака, перемене имени, установлении отцовства или усыновлении независимо от формы их представления (электронный или бумажный документ). При поиске, сборе, хранении, обработке, предоставлении и распространении информации, содержащейся в акте гражданского состояния, применяются информационные технологии (технические процессы и методы, а также способы осуществления таких процессов и методов). Акты гражданского состояния относятся к категории реестровой информации, поскольку сведены в ЕГР ЗАГС, который является информационной системой, представляющей собой совокупность сведений определенной базы данных, обеспечивающих обработку с применением информационных технологий и технических средств. Информация, содержащаяся в акте гражданского состояния, передается посредством информационно-телекоммуникационной сети, так называемой технологической системы, предназначенной для передачи данных по линиям связи, доступ к которой осуществляется с использованием средств технических устройств (вычислительной техники), в том числе государственного вневедомственного обмена.

Оператором информационной системы ЕГР ЗАГС, осуществляющим деятельность по эксплуатации информационной системы, в том числе по обработке информации, содержащейся в ее базе данных,

установлена ФНС России¹. Именно на оператора информационной системы возлагаются обязанности по поиску провайдера хостинга (лицо, оказывающее услуги по предоставлению вычислительной мощности для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к сети Интернет – п. 18 ст. 2 Закона) и заключению с ним договора, получению доменного имени, а также разработке сайта в сети Интернет (страницы сайта) с присвоением сетевого адреса (идентификатор в сети передачи данных, определяющий при оказании телематических услуг связи абонентский терминал или иные средства связи, входящие в информационную систему – п. 16 ст. 2 Закона). В соответствии с п. 17 ст. 2 Закона ФНС России считается владельцем сайта в сети Интернет, лицом, которое самостоятельно и по своему усмотрению определяет порядок использования сайта в сети Интернет, в частности порядок размещения информации на таком сайте. В связи с тем, что сведения о государственной регистрации акта гражданского состояния лица носят конфиденциальный характер и доступ к ним ограничен, разрешено лишь размещение информации исключительно общего характера и предоставление возможности дистанционного обращения за получением государственной услуги ЗАГС. В этом случае применяется единая система идентификации и аутентификации – федеральная государственная информационная система, порядок использования которой устанавливается Правительством РФ и которая обеспечивает в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, санкционированный доступ к информации, содержащейся в информационных системах (п. 19 ст. 2 Закона).

Проблемы идентификации (как совокупности мероприятий по установлению сведений о лице и их проверке, осуществляемых в соответствии с федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами, и сопоставлению данных сведений с уникальным обозначением (уникальными обозначениями) сведений о лице, необходимых для определения такого лица – п. 21 ст. 2 Закона) и аутентификации (как совокупности мероприятий по проверке лица на принадлежность ему идентификатора (идентификаторов) посредством сопоставления его (их) со сведениями о лице, которыми рас-

¹ О дополнительных мерах по укреплению платежной дисциплины при осуществлении расчетов с Пенсионным фондом Российской Федерации, Фондом социального страхования Российской Федерации и Федеральным фондом обязательного медицинского страхования : указ Президента РФ от 15.01.2016 № 13 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40406> (дата обращения: 13.03.2021).

полагает лицо, проводящее аутентификацию, и установлению правомерности владения лицом идентификатором (идентификаторами) посредством использования аутентифицирующего (аутентифицирующих) признака (признаков) в рамках процедуры аутентификации, в результате чего лицо считается установленным – п. 22 ст. 2 Закона) имеют технический, правовой и практический характер. Сложность связана с отсутствием базовых цифровых знаний, а также устройств, позволяющих подключаться к сети Интернет, у значительной части населения страны. Кроме того, не исключены случаи правонарушений, а именно несанкционированного доступа к такой информации лицами, не имеющими соответствующих прав на получение информации. «Компьютерные атаки» возможны на всех уровнях: компьютер передачи данных, инфраструктура, устройства сбора и обработки данных. Информационная безопасность должна обеспечиваться техническими и правовыми нормами.

Законом регламентируется статус «обладатель информации» в отношении акта гражданского состояния. В связи с тем, что «полномочия на государственную регистрацию актов гражданского состояния являются полномочиями Российской Федерации, которые передаются для осуществления органам государственной власти субъектов Российской Федерации (с возможностью делегирования органам местного самоуправления муниципальных районов, городских округов, городских, сельских поселений)»¹, от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования правомочия обладателя информации осуществляются соответственно государственными органами и органами местного самоуправления в пределах их полномочий, установленных соответствующими нормативными правовыми актами (п. 2 ст. 6 Закона). Кроме представителей власти в соответствии с их компетенцией и публичными функциями «обладателем информации» является физическое лицо, в отношении которого осуществлена соответствующая государственная регистрация акта гражданского состояния, или его представитель (законный или договорный). В случае смерти гражданина «обладателем информации» может быть третье лицо, в законном порядке подтвердившее свой статус в таком качестве (например, наследник или кредитор умершего).

¹ Об актах гражданского состояния : федер. закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (в ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 47, ст. 5340.

Сведения о государственной регистрации гражданского состояния лица относятся к категории информации ограниченного доступа. В отношении этих сведений действуют особые правила их предоставления, исключена возможность распространения. В связи с цифровизацией ЕГР ЗАГС в настоящее время передача и получение сведений, относящихся к гражданскому состоянию лица, производится посредством информационно-телекоммуникационной сети в виде электронного сообщения. Государственная регистрация акта гражданского состояния лица по закону является документированной информацией, то есть зафиксированной на материальных носителях. Как правило, это бумажный документ со строго установленными реквизитами, то есть определенной нормами права формы, единой на всей территории Российской Федерации. Однако в последнее время началась работа по изменению формата бумажных свидетельств ЗАГС, в перспективе они будут иметь исключительно цифровой (электронный) формат в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием устройств, с возможностью передачи по информационно-телекоммуникационным сетям (Интернет) и обработки в информационных системах, то есть выдаваться в виде электронного документа.

В заключение отметим, что зарегистрированные в установленном порядке акты гражданского состояния относятся к современной правовой категории «информация». К сведениям (данным, сообщениям) о рождении, смерти, заключении и расторжении брака, перемене имени, установлении отцовства или усыновлении законодательно установлен ограниченный доступ независимо от их формата (текстовый или цифровой) по причине гарантии конфиденциальности частной и семейной жизни граждан.

Библиографический список

1. Рассолов И.М. Информационное право. М., 2010. 352 с.
2. Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления. Теоретические проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1975. 340 с.
3. Батурин Ю.М. Проблемы компьютерного права. М., 1991. 271 с.
4. Бачило И.Л. Информационное право. М., 2017. 419 с.
5. Бачило И.Л. Информация – объект права // Научно-техническая информация. Сер.: Организация и методика информационной работы. 1999. № 8. С. 26–32.

6. Бачило И.Л. Информация как объект отношений, регулируемых Гражданским кодексом РФ // Научно-техническая информация. Сер.: Организация и методика информационной работы. 1999. № 5. С. 10–16.
7. Бачило И.Л. О праве собственности на информационные ресурсы // Вестник Московск. ун-та. Сер.: Политические науки. 2002. № 2. С. 25.
8. Копылов В.А. О теоретических проблемах становления информационного права // Информационные ресурсы России. 1998. № 3. С. 15–21.
9. Рассолов М.М. Информационное право. М., 1999. 398 с.
10. Хабриева Т.Я. Введение // Киберпространство БРИКС: правовое измерение : моногр. / И.И. Шувалов, Т.Я. Хабриева, Фэн Цзинжу и др. / отв. ред. Д. Руйпин, Т.Я. Хабриева. М., 2017. С. 18–28.
11. Полякова Т.А. Влияние цифровой трансформации на развитие информационного права: тенденции, проблемы, перспективы // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2 (35). С. 53–58.
12. Антонова Е.Е. Правовое регулирование формирования и использования реестровой информации : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. 227 с.
13. Минбалеев А.В. Система информации: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 33 с.
14. Иванов Д.В. Правовые режимы источников информации в обеспечении информационной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2012. 20 с.
15. Терещенко Л.К. Правовой режим информации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 54 с.
16. Минбалеев А.В. Теоретические основания правового регулирования массовых коммуникаций в условиях развития информационного общества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2012. 44 с.
17. Floridi L. 4-th Revolution. How the Infosphere is Reshaping Human Reality. Oxford, 2014. 272 p.
18. Камалова Г.Г. Правовое обеспечение конфиденциальности информации в условиях развития информационного общества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 52 с.
19. Савенкова Д.Д. Институт юридической ответственности в системе правового обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 25 с.
20. Информационное право / отв. ред. М.А. Федотов. М., 2019. 497 с.

21. Чеботарева А.А. Информационное право. М., 2014. 160 с.
22. Бояринцева О.А. Государственные и муниципальные (публичные) базы данных как объекты информационных правоотношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 31 с.

Дата поступления: 04.05.2021

TROFIMETS Irina Alexandrovna

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor,

Russian Embassy in Spain, Madrid, Spain.

E-mail: kosareva-khv@mail.ru

THE ACT OF CIVIL STATUS AS A TYPE OF INFORMATION AND THE OBJECT OF INFORMATION LEGAL RELATIONS

In the paper, the author analyzes the legal category «act of civil status» from the point of view of information law. The **purpose** of this work is to characterize the «act of civil status» as a type of information and the object of information legal relations. The author uses general and special **methods** of scientific knowledge (historical, comparative, formal-legal, dialectical, etc.).

Results: it is concluded that the act of civil status (in text or digital format) should be classified as restricted information. This information is subject to special rules of disclosure and cannot be disseminated.

Keywords: information relations; digitalization; act of civil status; text and digital format; restricted information; family and private secret.

References

1. Rassolov I.M. *Informacionnoe pravo* [Information law]. Moscow, 2010. 352 p.
2. Vengerov A.B. *Pravo i informaciya v usloviyah avtomatizacii upravleniya. Teoreticheskie problemy. Dokt. Diss.* [Law and information in the context of control automation. Theoretical problems. Doct. Diss.]. Moscow, 1975. 340 p.
3. Baturin YU.M. *Problemy komp'yuternogo prava* [Computer law problems]. Moscow, 1991. 271 p.

4. Bachilo I.L. *Informacionnoe pravo* [Information law]. Moscow, 2017. 419 p.
5. Bachilo I.L. Information is an object of law. *Nauchno-tehnicheskaya informaciya. Seriya: Organizaciya i metodika informacionnoj raboty* = *Scientific and Technical Information. Series: Organization and Methodology of Information Work*, 1999, no. 8, pp. 26–32. (In Russian).
6. Bachilo I.L. Information as an object of relations regulated by the Civil Code of the Russian Federation. *Nauchno-tehnicheskaya informaciya. Seriya: Organizaciya i metodika informacionnoj raboty* = *Scientific and Technical Information. Series: Organization and Methodology of Information Work*, 1999, no. 5, pp. 10–16. (In Russian).
7. Bachilo I.L. On the ownership of information resources. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Politicheskie nauki* = *Moscow University Bulletin. Series: Political Science*, 2002, no. 2, p. 25. (In Russian).
8. Kopylov V.A. On the theoretical problems of the formation of information law. *Informacionnye resursy Rossii* = *Information Resources of Russia*, 1998, no. 3, pp. 15–21. (In Russian).
9. Rassolov M.M. *Informacionnoe pravo* [Information law]. Moscow, 1999. 398 p.
10. Khabrieva T.YA. Introduction. In Shuvalov I.I., Khabrieva T.YA., Feng Jingzhu and oth.; Ruipin D., Khabrieva T.YA. (eds.). *Kiberprostranstvo BRIKS: pravovoe izmerenie* [BRICS Cyberspace: Legal Dimension]. Moscow, 2017, pp. 18–28. (In Russian).
11. Polyakova T.A. Impact of digital transformation on the development of information technology law: trends, problems, prospects. *Monitoring pravoprimeneniya* = *Monitoring of Law Enforcement*, 2020, no. 2 (35), pp. 53–58. (In Russian).
12. Antonova E.E. *Pravovoe regulirovanie formirovaniya i ispol'zovaniya reestrovoy informacii. Kand. Diss.* [Legal regulation of the formation and use of register information. Cand. Diss.]. Yekaterinburg, 2012. 227 p.
13. Minbaleev A.V. *Sistema informacii: teoretiko-pravovoj analiz. Avtoref. Kand. Diss.* [Information system: theoretical and legal analysis. Cand. Diss. Thesis]. Chelyabinsk, 2006. 33 p.
14. Ivanov D.V. *Pravovye rezhimy istochnikov informacii v obespechenii informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. Avtoref. Kand. Diss.* [Legal regimes of information sources in ensuring information security of the Russian Federation. Cand. Diss. Thesis]. St. Petersburg, 2012. 20 p.
15. Tereshchenko L.K. *Pravovoj rezhim informacii. Avtoref. Dokt. Diss.* [Legal regime of information. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 2011. 54 p.

16. Minbaleev A.V. *Teoreticheskie osnovaniya pravovogo regulirovaniya massovykh kommunikacij v usloviyah razvitiya informacionnogo obshchestva. Avtoref. Dokt. Diss.* [Theoretical foundations of legal regulation of mass communications in the context of the development of the information society. Doct. Diss. Thesis]. Chelyabinsk, 2012. 44 p.

17. Floridi L. 4-th Revolution. How the Infosphere is Reshaping Human Reality. Oxford, 2014. 272 p.

18. Kamalova G.G. *Pravovoe obespechenie konfidencial'nosti informacii v usloviyah razvitiya informacionnogo obshchestva. Avtoref. Dokt. Diss.* [Legal support of information confidentiality in the conditions of the development of the information society. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 2020. 52 p.

19. Savenkova D.D. *Institut yuridicheskoy otvetstvennosti v sisteme pravovogo obespecheniya informacionnoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii. Kand. Diss.* [Institute of legal responsibility in the system of legal support of information security in the Russian Federation. Cand. Diss.]. Moscow, 2019. 25 p.

20. Fedotov M.A. (ed.). *Informacionnoe pravo* [Information law]. Moscow, 2019. 497 c.

21. Chebotareva A.A. *Informacionnoe pravo* [Information law]. Moscow, 2014. 160 p.

22. Boyarinceva O.A. *Gosudarstvennye i municipal'nye (publichnye) bazy dannykh kak ob"ekty informacionnykh pravootnoshenij. Avtoref. Kand. Diss.* [State and municipal (public) databases as objects of information legal relations. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2019. 31 p.

Received: 04.05.2021

**ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

**LAW OF FOREIGN COUNTRIES:
PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE**

УДК 341

DOI 10.33184/pravgos-2021.2.13

ABADIKHAN Mostafa

Ph.D Candidate and researcher of international investment law and law of the sea. Department of public international law, School of law, Qom university, Iran. Lecturer at Azad university, Yazd, Iran and Rasam University, Karaj, Iran.

Email: abadikhahmostafa@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-3520-9309

LATYPOVA Natalia Sergeevna

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law, Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia.

E-mail: marchrose@yandex.ru

**THE INVESTMENT PROTECTION AT SEA UNDER
THE INVESTMENT TREATIES: TACKLING
THE PROBLEM OF TRANSNATIONAL INVESTMENTS**

According to the provisions of investment agreements, one of the terms of investment at sea is the nexus between the investment and the maritime zones of the host state. Therefore, an investment is under treaty protection when it is under the geographical realm of states. Hence, the protection status beyond the state maritime boundaries is facing problems. Today, lack of clear rules in this filed can create challenges for the future investments as well. **Purpose:** to show how investment protection of international investment agreements beyond the states jurisdiction at sea can be created. **Methods:** general scientific methods of theoretical knowledge, as well as general logical methods and research techniques are used in ana-

lyzing existing investment agreements and ICSID awards. **Results:** the paper proposes a solution for extending the investment protection of treaties to the high sea that it is the cross-border nature of some investments that can find in the Energy Charter Treaty (1994) and the ICSID decision on *Deutsche Bank AG v. Democratic Socialist Republic of Sri Lanka*. Ultimately, the article shows what is the cross-border nature and how it resolves the problem of investment at high sea.

Keywords: Sea; Investment protection; territorial nexus; Energy Charter Treaty; Deutsche Bank.

Introduction. The Sea is an important area for investment [1, p. 719]. Many investments and economic activities associated with investments including exploitation, offshore energy exploration, artificial islands construction, pipelines, cables, transportation, etc. are happening today in the seas. International investment agreements (IIAs)¹, as outlined in many of their preambles, pay attention to the realm and territorial nexus of investment. As, the preamble to *the Iran, Islamic Republic of – Russian Federation BIT (2015)* states: «the Contracting Parties, desiring to intensify economic co-operation to the mutual benefit of nationals of the States of both Contracting Parties, intending to utilize their economic resources and potential facilities in the area of investments as well as to create and maintain favorable conditions for investments of the investors of the Contracting Parties in "each other's territory", and recognizing the need to promote and protect investments of the investors of the Contracting Parties in "each other's territory"»². The preamble to the *EU – SADC EPA Group Agreement (2016)*: «this Agreement ... encourage economic and trade relations between the Parties; to ... attract investment and improve living standards "in the territories

¹ Today, international investment agreements, as UNCTAD has stated, include the both of the bilateral investment treaties (BITs) and the Treaties with Investment Provisions (TIPs). A BIT is an agreement between two countries regarding promotion and protection of investments made by investors from respective countries in each other's territory. The great majority of IIAs are BITs. Also, The TIPs brings together the various types of investment treaties that are not BITs. Three main types of TIPs can be distinguished: 1) broad economic treaties that include obligations commonly found in BITs (e.g. a free trade agreement with an investment chapter); 2) treaties with limited investment-related provisions (e.g. only those concerning establishment of investments or free transfer of investment-related funds); and 3) treaties that only contain «framework» clauses such as the ones on cooperation in the area of investment and/or for a mandate for future negotiations on investment issues. Available at: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/countries/98/iran-islamic-republic-of> (accessed: 03.03.2020).

² Iran, Islamic Republic of – Russian Federation BIT (2015), signed in 23.12.2015, in forced in 06.04.2017.

of the Parties"...»¹. The *Canada – EU CETA agreement (2016)* preamble states, «the provisions of this Agreement protect investments and investors with respect to their investments... within their territories». The IIAs are important backups for investments and investors, because many of their rules such as definitions, protections and dispute settlement are for protecting the investors [2, p. 213]. In *Wintershall Aktiengesellschaft v. Argentine Republic*, the tribunal mentioned that, today dispute settlement arrangements are inextricably related to the protection of foreign investors, as they are also related to the protection of rights of traders under treaties of commerce². By the way, a territorial nexus to protect the investment and investors is a requirement of the investment protection [3, p. 112]. In all IIAs, there is a territorial nexus requirement, since this is needed for a tribunal's jurisdiction and investment protection under the IIAs³. Hence, the determination of the territorial scope is important for the purposes of the investment at sea and many of the IIAs for determining the investment realm at sea pay attention to the Law of the sea. In accordance with *the United Nation Convention on the Law of the Sea 1982 (UNCLOS)*⁴, the maritime zones contain the internal water, territorial sea⁵, contiguous zone, exclusive economic zones, con-

¹ Economic partnership agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and the SADC EPA States (including Botswana, Lesotho, Mozambique, Namibia, South Africa, Eswatini), of the other part. Signed at 10.06.2016.

² *Wintershall Aktiengesellschaft (Claimant) V. Argentine Republic (Respondent)*, (ICSID Case No. ARB/04/14), para 180.

³ Many of awards have indicated to the territorial nexus in connection with the investment. See, *Blusun S.A., Jean-Pierre Lecorcier and Michael Stein v. Italian Republic*, ICSID Case № ARB/14/3), *Jürgen Wirtgen, Stefan Wirtgen, Gisela Wirtgen and JSW Solar (zwei) GmbH & Co. KG v. Czech Republic*, PCA Case № 2014-03), *Fraport AG Frankfurt Airport Services Worldwide v. The Republic of the Philippines*, ICSID Case № ARB/03/25), *InterTrade Holding GmbH v. The Czech Republic*, UNCITRAL, PCA Case № 2009-12), *Gustav F W Hamster GmbH & Co KG v. Republic of Ghana*, ICSID Case № ARB/07/24, 2007), *Tradex Hellas SA v. Republic of Albania («Tradex»)* (ICSID Case № ARB/94/2, Award, 29 April 1999, RLEX-11), *Bernhard von Pezold and Others v. Republic of Zimbabwe*, ICSID Case № ARB/10/15), *Oko Pankki Oyj, VTB Bank (Deutschland) AG and Sampo Bank Plc v. The Republic of Estonia*, (ICSID Case № ARB/04/6)

⁴ UNCLOS: 1833 U.N.T.S. 397 (entered into force Nov. 1, 1994).

⁵ Sometimes may be used the other words in the investment scope instead. In *The Inmaris Perestroika Sailing Maritime Services GmbH and Others v. Ukraine*, the Tribunal got that, «the Ministry's instruction that prevents the ship from leaving the "territorial waters" of Ukraine was an arbitrary measure that impeded the management, maintenance, use or enjoyment of Claimants' investment and, therefore, was a breach of Article 2(3) of the BIT». See, *Inmaris Perestroika Sailing Maritime Services GmbH and Others v. Ukraine* (ICSID Case № ARB/08/8) Excerpts of Award dated March 1, 2012 made pursuant to Rule 48(4) of the ICSID Arbitration Rules of 2006, para 282. the same goes for the art 1(m) of the Bosnia-EC Stabilization Agreement (2008) as state, «"territories" includes territorial waters».

tinental shelf, high sea and seabed¹. Generally, an IIA covers only investments that are in the territory of one of the agreement State parties [4, p. 797]². Every investment deal with the continuous relevance of territoriality as a condition that limits the reach of the international regime for the protection of foreign investments [4, p. 1]. Maritime zones are remarkable in connection with investment in two aspects. The Zones under the sovereignty and jurisdiction of states that investment protection of the IIAs is applying easily here on the one hand. As Kleiner said, «only agreements made in the territory of the host state fall within the scope of their agreements» [5, p. 1]. The zones beyond the jurisdiction of states like high sea that the investment protection of the IIAs can't apply there, on the other. In line with, the problem in within the second aspect. The literature so far has paid no attention to solution [4; 6; 7; 8; 9; 10]. So, resolving the problem is the new issue in investment law and finding the solution is so important, since non-application of protection leads to decreasing the future investment, specially the investments in the host state that extends to the high sea. Hence, there are two hypotheses in the paper. First, today the investment protection under the IIAs is applied to the geographical realm of states at sea. But beyond the territorial of state, it depends on the special nature of the investment or economic activity. In some cases, such as cables and pipelines, we see trans-border nature of investment as special one. Second, for resolving the main problem of non-application the investment protection under IIAs beyond the national jurisdiction at sea, we need both IIAs and Awards. On the one hand, finding the solution in IIAs and on the other hand, how the solution can extends the investment protection of IIAs beyond the territory of states in accordance with awards. Although the question of transnational investment at sea has not been adjudicated yet in investment tribunals, the awards exist on other issues and their reasoning is applicable.

¹ Mom, Ravin, Law of the sea: maritime boundaries and dispute settlement mechanisms, United Nations-The Nippon Foundation Fellow Germany, March-December 2005, p. 5.

² For instance, ECO Investment Agreement art 2 reads as follows: Promotion and Protection of Investments: 1) the Contracting Parties shall encourage and create favorable conditions for their investors to invest in the territories of the other Contracting Parties; 2) the Contracting Parties shall encourage and create favorable conditions for investors of the other Contracting Parties to invest in their territories; 3) Investments of investors of the Contracting Parties shall at all times be accorded fair and equitable treatment and shall enjoy full protection in the territories of the other Contracting Parties. Agreement on promotion and protection of investments among eco member states. Available at: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/countries/98/iran-islamic-republic-of/#tips> (accessed: 01.04.2020).

In order to answer the paper question, namely how can investment protection of IIAs be extended beyond the states jurisdiction at sea, it uses the quantitative and qualitative methods and in line with the methods, not only analyzes the IIAs but also examines the ICSID and UNCITRAL awards for finding the solution. The paper proceeds in three steps: Part 1 focuses on the statement and evaluate investment protection under agreements in maritime zones. In other words, the challenging issue is the investment protection under the IIAs in high sea and ocean. Second, provide an effective solution that depends on the nature of investment or economic activity at sea and is inferred from the Energy Charter Treaty and the ICSID award in the *Deutsche Bank v. Sri Lanka* case. The last part concludes.

The problem of extending the investment protection of IIAs to high sea. The purpose of defining the territory in investment treaties is not only to describe the territory, but also to determine the scope of the treaty in the maritime zones where the coastal State exercises its jurisdiction under international law of the sea [4, p. 799]. Today, the only projects in maritime zones [of states] that have been established according to the law of the sea [and were agreed by negotiations of contracting parties] are then protected [4, p. 800] under the IIAs. Hence, applying the treaty beyond the territory of states is facing ambiguity [11, p. 170]. This usually shows no difference between a definition of territory covering a wide range of maritime zones or a definition that covers a little wide, as some awards in this regard only have paid attention to the territory under jurisdiction of states, not the wide range of the territory. As in the *Tradex v. Albania* case. The Tribunal notes that, according to Art. 1(3) of the 1993 Law, only those investments qualify to be covered by that Law that are made ‘in the territory of the Republic of Albania’¹. The question of the extent of state territory was touched upon in discussions leading to the final adoption of the Vienna Convention on the Law of Treaties. In article 58 of *Waldock's Third Report* to the International Law Commission in 1964 it was noted that state practice did not justify the conclusion that a treaty applied to overseas territories only if specifically mentioned in the treaty. On the contrary, a treaty automatically embraced all the territories of the contracting parties unless a contrary intention had been expressly stated or could be inferred [12, p. 89]. As, the Decision on Jurisdiction in *SGS v Philippines* states «[t]he language is clear in requiring that investments be made ‘in the territory of’ the host State, and this requirement is

¹ ICSID Case № ARB/94/2, Award, 29 April 1999, RLEX-11, para 118. See also *Bernhard von Pezold and Others v. Republic of Zimbabwe*, ICSID Case № ARB/10/15, para 269.

underlined by other references to the territory of the host State in the BIT (see Preamble, para. 2, Articles II (1), (2), IV(1), (2), (3), VIII(2) and X(2)). In accordance with normal principles of treaty interpretation, investments made outside the territory of the Respondent State, however beneficial to it, would not be covered by the BIT»¹. In addition, in the same *Tradex case* was stated, «In principle, therefore, investments made by Tradex outside Albania do not qualify»². But such a belief can be adjusted according to the nature and type of investment.

The solution. A state law (or the investment agreement) of extra-territorial operation will be valid if there is sufficient nexus between the object and state [13, p. 107]. This nexus in zones beyond the national jurisdiction depends on the nature of the investment and the economic activities³ associated with the investment which makes investment protection effective. In general, *Canada – EU CETA TIP* under the «reservations applicable in Canada» states, an investment for implementing in Canada should consider some factors like the effect of «the investment on the level and nature of economic activity» in Canada⁴. This treaty only mentions the nature of economic activity and points out that the nature of an activity can be very influential in the investment. But in order to gain the treaties protection on the high seas, we must look for an instance of this nature. Therefore, the example can be considered in Article 1 of the «*Energy Charter Treaty (1994)*» in particular. According to the art 1(6), the Investment refers to any «investment associated with an Economic Activity» in the Energy Sector». According to the art 1(5) the «Economic Activity in the Energy Sector» means an economic activity concerning the exploration, extraction, refining, production, storage, land transport, transmission, distribution, trade, marketing, or sale of Energy Materials⁵ and art 1(5)(b)(iii) states, land transportation, distribution ... by way of transmission and distribution grids and pipelines or dedicated rail lines, and construction of facilities for such, including the laying of oil, gas, and coal-slurry pipelines [4, p 796]. It is ob-

¹ *SGS Société Générale de Surveillance SA v Republic of the Philippines*, ICSID Case No ARB/02/6, Decision on Jurisdiction (29 January 2004), para 99.

² Op. cit., para 19.

³ «Economic activity» includes any activities of an economic nature except activities carried out in the exercise of governmental authority, i.e., activities not carried out on a commercial basis or in competition with one or more economic operators. See, art 1.2(11) of the EU – Singapore Investment Protection Agreement (2018)

⁴ Part 4(a) of Canada – EU CETA TIP.

⁵ Available at: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/2427/download>.

vious, in gathering both treaties words (*Canada – EU CETA TIP* and *Energy Charter Treaty*), as the paper found, the only investment and economic activity at sea that goes beyond the territory of states (including high sea) and gains the protection of treaties at high sea or ocean is the investment /or economic activity on cables and pipelines.

Today, the pipelines are employed in the transit of energy materials, whereas submarine cables are predominantly used for the transmission of data [4, p. 863]. Since the «fibre-optic submarine cables transmit most of the world's data and communications, they are vitally important to the global economy...»¹. Besides, the growth of energy consumption, and correspondingly of cross-border trade of fossil fuels, has resulted in an increase in the laying both onshore and offshore pipelines [7, p. 862]. Emphasis on the «world economy» and «cross-border trade» states implicitly the nature of investment /or economic activity on submarine cables and pipelines are trans-boundary or sometimes trans-continental. Because the nature leads to traversing from high sea or oceans. Then it becomes clear that the laying of cables and pipelines across various maritime zones, and – what is more – across the seabed beyond national jurisdiction, raises significant questions from the perspective of investment law². But such a nature, how leads to investment protection extension beyond the national Jurisdiction, it can be found in *Deutsche bank AG V. Republic of Sri Lanka* case. Because on the one hand, the claimant, as was accepted by *ICSID*, emphasizes the transnational nature of the investment. On the other hand, the case indicates, the «territorial nexus» requirement is either a precondition for jurisdiction or conditions the scope of application of the various substantive requirements of the BIT³. In accordance with the «territorial nexus», Sri Lanka points out that the Preamble to the Germany-Sri Lanka BIT expresses the State parties' intention «to create favorable conditions for investment by nationals and companies of either State *in the territory of the other State...*»⁴. So, tribunal is re-

¹ UNGA Res 71/257 (23 December 2016) UN Doc A/RES/71/257.

² Ibid., p. 881.

³ *DEUTSCHE BANK AG V. DEMOCRATIC SOCIALIST REPUBLIC OF SRI LANKA* ICSID CASE NO. ARB/09/02, para 222.

⁴ Ibid., para 221.

quired to decide the issue whether the Hedging Agreement¹ constitutes an investment «within the territory» to find that it has jurisdiction over the present dispute and as a precondition to any consideration of the merits², since there isn't any territorial nexus here. According to Respondent, the Agreement was explicitly entered into by Deutsche Bank London and the Central Bank of Sri Lanka has no regulatory authority over Deutsche Bank London and its investigation was limited to Deutsche Bank Colombo's intermediary role and did not purport to investigate the conduct of Deutsche Bank London³. Therefore, since the Central Bank did not and cannot regulate the seller of the product, Deutsche Bank London, it cannot be the case that financial products emanating from Deutsche Bank London are located «within the territory» of Sri Lanka for the purposes of the BIT⁴. Also, Deutsche Bank Colombo did not provide the financial product in question and the payments made by CPC to Deutsche Bank were remitted to Deutsche Bank London and not Deutsche Bank Colombo⁵. London was the locus of the Agreement and Deutsche Bank handled it throughout from London. The benefits Deutsche Bank suggests «accrued in Sri Lanka» do not serve to locate the Hedging Agreement in Sri Lanka⁶. In this sense, Sri Lanka say there isn't isn't any territorial nexus with Sri Lanka because the banking operation took place in Deutsche bank of London and not in Sri Lanka, so the Arbitral Tribunal does not have jurisdiction under the BIT⁷. The same goes for the cables cables and pipelines. As mentioned about the nature of them, they aren't in the territory of the state completely and some of their segments are outside the territory, like submarine cables networks *SEA-ME-WE 3* and *SEA-ME-WE 4* that connect the countries over the world⁸.

¹ The Hedging Agreement was concluded to protect Sri Lanka against the impact of rising oil prices. Para 14 of the *DEUTSCHE BANK AG V. DEMOCRATIC SOCIALIST REPUBLIC OF SRI LANKA ICSID*, and the dispute has its origins in the Hedging Agreement concluded on 8 July 2008 between Deutsche Bank and CPC. he para 12. And CPC is a 100 % State-owned petroleum company established by an Act of the Sri Lankan Parliament, namely Act № 28 of 1961 (the «CPC Act»), the para 13.

² For example, is there any investment protection beyond the territory. *Ibid.*, para 222.

³ *Ibid.*, para 223.

⁴ *Ibid.*, para 224.

⁵ *Ibid.*, para 225.

⁶ *Ibid.*, para 229.

⁷ *Ibid.*, para 128. the BIT between Germany and Sri Lanka.

⁸ Carter L., Burnett D. Drew S, Marle G., Hagadorn L, Bartlett-McNeil D, and Irvine N. Submarine Cables and the Oceans – Connecting the World .UNEP-WCMC Biodiversity Series № 31. ICPC/UNEP/UNEP-WCMC. 2009, p. 3.

According to the respondent there isn't any territorial nexus for jurisdiction of tribunal at first glance [5, p. 5]¹. But the conditions can be changed by deep sight, as the claimant declined the claims of Sri Lanka and asserted that the legal parties to *the Hedging Agreement* were CPC and Deutsche Bank AG and not Deutsche Bank London². But more than the other reasons, the Claimant insisted on the «global nature of Deutsche Bank's operations» which can match to the investment on cables and pipelines with cross-border nature. Therefore, in line with using the criterion of some of ICSID awards, as well as to refer to UNCLOS and jurists opinions, the necessity of IIAs protection extension to the high sea or ocean is proved as follows:

First, the global nature is reflected in the presence of many branches of the Deutsche bank. In other words, the accounts are prepared for Deutsche Bank AG as a whole and not for separate branches³. It means, although some operation took place in branches outside of Sri Lanka, it is not the reason for denying the territorial nexus because the Deutsche bank operation must be considered as a whole and the branches aren't separate from mother bank. So in respect of the cables and pipelines investment, we have to see the investment as a whole; it means the sending and receiving state boundaries and the maritime zones (e.g. high sea and ocean) between the borders are in the investment territory scope. Hence, although there is the high sea or ocean as the maritime zone in investment on cables or pipelines, this isn't the reason for denying the investment protection under the IIAs. And the investment protection under the BIT includes the investment maritime zones all completely.

The **second** reason for the global nature of the bank operation is the centralization of some of the functions in certain centers, such as Singapore where all credit decisions are made with regard to Sri Lankan clients.

¹ The existence of a link with the territory of the host State is an element that contributes to identifying what investments are protected under the majority of IIAs and, thus, to determine the scope of the application *ratione materiae* of their provisions. Interestingly, Santiago Torres Bern'ardez, in his dissenting opinion in *Ambiente Ufficio*, observes that the issue of territoriality may also concern the definition of the notion of 'investor' and thus affect the jurisdiction *ratione personae* of the arbitral tribunal. This is the case of Article 1(2) Argentina-Italy BIT, where 'being a holder of a protected investment in the territory of the Argentine Republic at the relevant dates' is one of the requirements to be considered as a protected investor (*Ambiente Ufficio SPA and others v the Argentine Republic*, ICSID Case No ARB/08/9, Dissenting Opinion of Santiago Torres Bern'ardez (2 May 2013), para 132).

² The *DEUTSCHE BANK AG V. DEMOCRATIC SOCIALIST REPUBLIC OF SRI LANKA*, para 139.

³ *Ibid.*, para 142.

It means although the credit decisions on Sri Lankan investors take place in Singapore Deutsche Bank, the whole of operation is important, not the special function or special branch of bank. Therefore, although the high sea or ocean are not the territory of the state, part of the investment goes through them, for this reason, there is the link between the territory and the investment. In other words, the investment territory must be considered a single and integrated territory in terms of investment protection.

Third, the claimant said the territorial nexus exists where the purpose of the transaction is achieved in the host State. As the rationale of the territorial limitation is to ensure that the host State benefits from the investments made within its territory [14]. Sometimes the investment may be located in other territory but the benefits belong to the host state. As *Abaclat and others. V. Argentine Republic case*, confirmed this approach, holding that in the case of financial instruments: «the relevant criteria should be where and/or to the benefit of whom the funds are ultimately used, and not the place where the funds were paid out or transferred»¹. Certainly, the main purpose of investment is gaining the benefit by the contracting parties. As ICSID in *Bernhard von Pezold and Others V. Republic of Zimbabwe*, states,» that there is similarly no requirement in the BITs that, in order for investments to benefit from protection, the investments must have been acquired through the use of capital that originates from outside Zimbabwe»². It means there isn't any difference between the origin of capital, either domestic or foreign, in the terms of benefit from protection. Hence, gaining the benefit is important. So in *Deutsche bank case* the Claimant asserts the all other benefits of the Agreement such as the improvement of CPC's cash flow, also occurred in Sri Lanka and all payments by Deutsche Bank to CPC ...were required to be made in Sri Lanka»³. ICSID created a new attitude in *Deutsche Bank v. Sri Lanka case*(2012) by accepting the claimant's idea on benefit, because ICSID in *SGS v. Philippines case*(2004) believed, «investments made outside the territory of the Respondent State, however beneficial to it, would not be covered by the BIT»⁴. Hence, it is obvious in *SGS case*,

¹ *Abaclat and others. v. Argentine Republic* (ICSID Case No. ARB/07/5), Decision on Jurisdiction and Admissibility, 4 August 2011, para. 374.

² *Bernhard von Pezold and Others V. Republic of Zimbabwe*, ICSID Case № ARB/10/15, para 269.

³ So, it is obvious, there is the territorial nexus as the claimant asserted and The Tribunal has jurisdiction to hear *Deutsche Bank's* claims. see, *Deutsche bank v. Sri Lanka*, para 142.

⁴ See, *SGS Société Générale de Surveillance SA v Republic of the Philippines*, ICSID Case № ARB/02/6, Decision on Jurisdiction (29 January 2004), para 99.

the main point is the territory and investment is considered on the base of territory. But in the *Deutsche Bank* case, the main point is benefit. And although the investment takes place beyond territory of states, there is territorial nexus. Because the benefit belongs to the investment all. So the protection should extend beyond the territory of states. Because, if it would not be possible to exists investment protection in maritime zones beyond the territory of state, the investment may damage without any compensation¹. Hence, it doesn't have main benefit for the parties. As, each year sees more than 100 cable faults on average, usually due to fishing trawlers or anchors². So, a high number of cable failures will decrease the likelihood that a future cable will be deployed in the area³. In other words, a lack of protection against other users of the sea decreases the likelihood of future investments [15, p. 88] in maritime zones. Therefore, although, UNCLOS considers some regulations about the submarine cables and pipelines beyond the territory of states in arts 113, 114 and 115, the investment protection under the IIAs is important because UNCLOS states the regulations in general, but the investment need special attention on protection.

Forth, investment coherence. In «*the Blusun S.A. Jean-Pierre Lecorcier and Michael Stein v. Italian Republic*» case that was accepted by ICSID, the respondent mentioned, 'the presence of economic activity ... in the territory of the host State shall be evaluated in the concrete case and in light of the specific context'⁴. It means every investment or economic activity must be considered in its specific aspects, like the nature of it. As the claimant reasoning in *Deutsche bank v. Sri Lanka* considers the nature of operations as a special aspect of the investment⁵. Because the nature of investment on cables and pipelines needs to territorial cohesion to extend protection to high sea or

¹ As GA resolution states, «these cables are susceptible to intentional and accidental damage from shipping and other activities and ... the maintenance, including the repair, of these cables is important». UNGA Res 71/257 (23 December 2016) UN Doc A/RES/71/257.

² DOUG BRAKE, Submarine Cables: Critical Infrastructure for Global Communications, INFORMATION TECHNOLOGY & INNOVATION FOUNDATION, APRIL 2019, p. 2.

³ Palmer-Felgate A., Booi P. How resilient is the global submarine cable network? How resilient is the global submarine cable network? Conference of Emerging Subsea Networks – The World's Expanding Treasure, Dubai from the 18th–21st April 2016, pp. 1–7. Available at: <http://www.suboptic2016.com/> (accessed: 03.06.2021).

⁴ Blusun S.A., Jean-Pierre Lecorcier and Michael Stein v. Italian Republic, ICSID Case No. ARB/14/3 para 129.(Counter-Memorial, para. 284) (ICSID).

⁵ Also, the Claimant finally submits in *Deutsche Bank* case that the nature of any territoriality requirement must depend on the investment at issue.

ocean. This is because the nature of investment in pipelines or cables also requires this coherence, and in a global cables project which connects several continents the segments in the high seas or oceans should be considered.

Fifth, one may argue that the mere presence of a cable on the seabed amounts to control over that part of the seabed on behalf of the State of nationality, and thus would bring it within its 'territory' for purposes of investment protection [7, p. 884]. But the words are not correct. Although there is jurisdiction, it is jurisdiction on cables and pipelines, not on the high sea or ocean territory. Or on the other words the «transnational jurisdiction» term is wrong and because of the nature of the investment on the cables and pipelines, the «transnational protection» term must be used instead and it can extend protection to high sea or ocean.

Sixth, some commentators have suggested that UNCLOS rules be interpreted in light of the investment protection standards contained in investment treaties [16, p. 890–929]¹. Such comment could extend the protection under the IIA to investment beyond the state's jurisdiction. So, it should be noted, according to the UNCLOS the states have freedom to lay submarine cables and pipelines², and it can be considered as a protective act by UNCLOS, that leads to prolongation of the investment protection to high sea. Of course, the freedom isn't absolute, but it is conditional. Namely Freedom of the high seas is exercised under the conditions laid down by UNCLOS and by other rules of international law³. Also, today no states as parties to the investment on the cables or pipelines apply jurisdiction or sovereignty on the high sea and all countries have accepted the law of the sea rules about the high sea⁴. Besides, there is a difference between the claim to the maritime zones beyond the state territory and the claim on investment protection, because when an area is a state territory, the state has jurisdiction or sovereignty, there is no difference whether the cables or pipelines there exist or not. But when there is an area like high sea, a state only has right to the investment protection on cables and pipelines, not to the territory. Hence it means if the investment in high sea is destroyed, on the contrary of state territory, the state has no rights any more. And since the good function of investment is

¹ Lorenzo Cotula, Thierry Berger (2020). Blue Economy': Why we should talk about Investment Law, International Institute for Environment and Development, 1-4, p. 3. Available at: <https://pubs.iied.org/pdfs/17746IIED.pdf>.

² Art 87(1)(C) of UNCLOS.

³ Ibid.

⁴ Art 89 of UNCLOS, «no state may validly purport to subject any part of the high seas to its sovereignty».

important, the investor is in force for protecting the investment beyond the territory of states.

Conclusion. Today, the seas play an important role in international investment and many of the investments happen at sea, especially in maritime countries. That's why many investment agreements pay attention to the territory, including geographical scope at sea. To date, 3292 investment agreements have been concluded in the world¹. One important element in IIAs is the territorial nexus. It means, to qualify for investment protection under the Agreements, it must be placed in the territory defined by the Agreements on the basis of the international law. Iran, Russia, EU and many of countries have paid attention to territory and territorial nexus, especially at sea in their IIAs. Today, the countries are united in the fact that the rules of the investment agreements govern on the investments made in the maritime zones of the states of the investment parties and not the zones outside the sovereignty and jurisdiction of the states such as high sea. So it means, to protect the investment under IIAs, there must exist a territorial nexus between investment and territory of the host state. In other words, the protection needs to nexus between the investment and territory. The perspicuity of some awards indicates this. As ICSID in the *Tradex V. Albania* case, states», only the investment within the territory of Albania will be qualified for investment protection under IIA». The Geographical scope of states at sea in accordance with UNCLOS contains the investment in internal water, territorial sea, contiguous zone, exclusive economic zone and continental shelf. But the investment protection doesn't extend beyond the jurisdiction of states. However, we can find the solution of mentioned problem in some IIAs like the treaty between Canada – EU and Energy Charter Treaty with explicit language. The solution is nature of investment, specially the nature of investment and economic activity on cable and pipelines. The nature of investment /or economic activity on submarine cables and pipelines is trans-boundary or sometimes trans-continental. And this nature leads to traversing the high sea or oceans. So we have to see the investment as a whole, on the cables and pipelines investment, it means the sending and receiving state boundaries and the maritime zones (e.g. high sea and ocean) between the borders are in investment territory scope. Hence, although there may be the high sea or ocean as the maritime zone in investment realm on cables or pipelines, this isn't the reason for denying the investment protection under the IIA when the investment

¹ UNCTAD, International Investment Agreements Navigator, Investment policy Hub, 12 February, 2020. Available at: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements>.

places on the high sea or ocean. Because on the one hand, the interest of investment needs that the investment protection under the IIA contains the geographical scope of the investment as a whole. On the other hand, there is jurisdiction on the located cables and pipelines on the high sea, not on the high sea territory. It means, someone states the investment beyond the territory of state leads to «transnational jurisdiction», but we believe in accordance with the nature of the investment or the economic activity, it leads to «the transnational protection» as the new term. Because the intention of state is the investment protection of cables and pipelines in the maritime zones, including the territory of states or beyond it, and not applying the sovereign rights or jurisdiction on high sea or ocean. In addition, this is in compliance with the UNCLOS about the high sea. Since the convention in arts 87 and 112 considers the freedom for laying cables and pipelines on the high sea, applying the investment protection of cables and pipelines under the IIAs shouldn't be challenged. So the nature of the cables and pipelines can convince the international community that protection under the investment agreements must go beyond the maritime zones of the Contracting parties in order for the investment to be meaningfully protected.

Received: 31.05.2021

References

1. Brown Ch. (ed.). Commentaries on Selected Model Investment Treaties. Oxford University Press, 2013. 1024 p.
2. Freeman N., Bartels F. (eds.). The Future Foreign Investment in Southern Asia. London, New York, 2004. 288 p.
3. Clare M. Is there a «nationality» of investment? Origin of funds and territorial link to the host state. *Jurisdiction in Investment Treaty Arbitration*, 2018, no 8, pp. 97–126.
4. Trevisanut S., Giannopoulos N. Investment Protection in Offshore Energy Production: Bright Sides of Regime Interaction. *Journal of World Investment & Trade*, 2018, vol. 19, iss. 5-6, pp. 789–827.
5. Kleiner C., Costamagna F., Territoriality in Investment Arbitration: The Case of Financial Instruments. *Journal of International Dispute Settlement*, 2018, iss. 9, pp. 315–338.
6. Tzeng P. Investment protection in maritime disputed areas. *Journal of world investment & Trade*, 2018, vol. 19, iss. 5, pp. 828–859.

7. Karavias M. Submarine Cables and Pipelines: The Protection of Investors Under International Law. *Journal of World Investment & Trade*, 2018, vol. 19 iss. 5, pp. 860–889.

8. Dingwall J. International Investment Protection in Deep Seabed Mining Beyond National Jurisdiction. *Journal of World Investment & Trade*, 2018, vol. 19, iss. 5, pp. 890–929.

9. Atai A. Iranian Bilateral Investment Treaties: Substantive Principles and Standards. *Journal of World Investment & Trade*, 2013, vol. 14, iss. 3, pp. 397–433.

10. The Dilemma of Applying Bilateral Investment Treaties of China to Hong Kong and Macao: Challenge Raised by Sanum Investments to China. *ICSID Review*, 2018, vol. 33, no 1, pp. 125–155.

11. Repousis O. The Application of Investment Treaties to Overseas Territories and the Uncertain Provisional Application of the Energy Charter Treaty to Gibraltar. *ICSID Foreign Investment Law Journal*, 2017, vol. 32, iss. 1, pp. 170–192.

12. Shaw M.N. Territory in international law. *Netherlands Yearbook of International Law*, 1982, vol. 13, pp. 61–91.

13. Kumar D. Doctrine of territorial nexus. *International Journal of Research in Social Sciences and Humanities*. 2017, Vol. 7, iss 2, pp. 101–108.

14. Knahr C. Investments «in the Territory» of the Host State. In Binder C. and others (eds.). *International Investment Law for the 21st Century. Essays in Honour of Christoph Schreuer*. Oxford, New York, Oxford University Press Publ., 2009, pp. 42–53.

15. Kamerling R. Developing an explanatory model for the firm investments in submarine optic telecommunication cables. Master of Science Thesis in Complex Systems Engineering and Management. Delft University of Technology, 2018. 198 p.

16. Dingwall J. International investment protection in deep seabed mining beyond national jurisdiction. *Journal of world investment & Trade*, 2018, vol. 19, iss. 5, pp. 890–929.

Received: 29.05.2021

АБАДИХА Мостафа

*соискатель степени доктора наук, исследователь в области международного инвестиционного права и морского права, кафедра международного публичного права юридического факультета Университета Кум, Иран. Преподаватель университета Азад, Йезд, Иран, и Университета Расам, Карадж, Иран.
Email: abadikhahmostafa@gmail.com.
ORCID: 0000-0003-3520-9309*

ЛАТЫПОВА Наталия Сергеевна

*кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия.
E-mail: marchrose@yandex.ru*

**ЗАЩИТА ИНВЕСТИЦИЙ НА МОРЕ
В СООТВЕТСТВИИ С ИНВЕСТИЦИОННЫМИ
ДОГОВОРАМИ: РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ**

В соответствии с положениями инвестиционных соглашений одним из ключевых условий инвестирования в морскую сферу является связь между инвестиционным и морским национальным законодательством. Таким образом, инвестиционный договор имеет правовую защиту только в пределах морских границ государства, на территории которого он заключен. При защите инвестиций за пределами государственных морских границ возникают проблемные правовые ситуации. На сегодняшний день отсутствие четких юридических норм в этой области создает экономические риски для будущих инвестиций. **Цель:** показать возможности обеспечения защиты инвестиций в рамках международных инвестиционных соглашений за пределами юрисдикции государств в морской сфере. **Методы:** при анализе существующих инвестиционных соглашений и решений Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) использовались общенаучные методы теоретического познания, а также общелогические методы и исследовательские приемы. **Результаты:** в статье предлагаются правовые способы распространения принципа защиты инвестиций по договорам на сферу морских инвестиций, поскольку трансграничный характер некоторых из них подтверждается в Договоре к Энергетической Хартии

(1994) и решении МЦУИС по делу Дойче Банк АГ против Демократической Социалистической Республики Шри-Ланка. Раскрывается сущность трансграничного характера инвестиционных договоров и его влияние на решение проблемы инвестиций в открытом море.

Ключевые слова: море; защита инвестиций; территориальная связь; Договор к Энергетической хартии; Дойче Банк.

Дата поступления: 29.05.2021

УДК 347.471

DOI 10.33184/pravgos-2021.2.14

РУДЕНКО Валентина Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: emikh.valentina@gmail.com

УЧАСТИЕ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ В ПОЛЬШЕ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

Из всех постсоциалистических стран достаточно эффективный и системный подход к борьбе с коррупцией выработан в Польше. Взаимодействие между властями и неправительственными организациями – важная часть борьбы с коррупцией в этой стране. **Цель:** показать роль неправительственных организаций в Польше, определить их основные функции, цели и формы их деятельности; показать опыт и проблемы взаимодействия власти и негосударственных организаций. **Методы:** в основе статьи лежит сочетание общенаучных методов (системного анализа, восхождения от абстрактного к конкретному, синтеза, типологического и др.) и специальных методов исследования права и политологии (сравнительного, контент-анализа и др.). **Результаты:** показана роль неправительственных организаций в формировании антикоррупционной стратегии Польши. Анализируются цели, функции, формы деятельности и источники их финансирования. Автор выделяет следующие позитивные формы взаимодействия государства и неправительственных организаций: участие властей в дебатах и конференциях, проводимых неправительственными организациями, выделение грантов на финансирование их деятельности, учет предложений неправительственных организаций в деятельности властей. Среди негативных форм автор выделяет: сокращение внешнего финансирования в связи с государственной политикой, нарушение прав человека государственными органами, нарушение обязанности неправительственных организаций по подготовке годового отчета о своей деятельности. Делается вывод о возможности применения положительного опыта Польши в странах постсоветского пространства.

Ключевые слова: гражданское общество; негосударственные организации; Польша; антикоррупционная деятельность; конституция; Фонд Стефана Батория.

За последние 20 лет Польше удалось достичь значительных успехов в противодействии коррупции, однако эти показатели нестабильны. Если в 2005 г. по рассчитываемому Трансперенси Интернешнл¹ Индексу восприятия коррупции Польша занимала 70-е место из 159 стран², то в 2014 г. стала занимать 35-е место из 175 стран³. В последующий период существенных изменений Индекса не было. В 2019 г. Польша заняла 41-е место из 180 стран⁴.

Разработка антикоррупционной стратегии в Польше началась в конце 1990-х годов, когда были сформулированы основные антикоррупционные конституционные положения. Вступление в 2004 г. в Европейский союз стало ключевым фактором ее кардинального изменения в связи с адаптацией польского законодательства к законодательству Европейского союза и институциональными изменениями в системе государственных органов, противодействующих коррупции [1, с. 160–162].

Польша использует демократическую многоуровневую антикоррупционную модель, реализуемую на пяти основных уровнях: конституционном, стратегическом, институциональном, законодательном и поведенческом. Первый уровень направлен на формирование таких условий, в которых коррупционное поведение недопустимо. Эти условия включают создание демократической конкурентной политической системы, реальной конкурентной экономической среды, независимых СМИ и сильного гражданского общества. На втором уровне государство определяет основные направления антикоррупционной стратегии. На третьем уровне в Польше действует система органов по борьбе с коррупцией, расширенная в 2003 г. специализированным органом – Центральным антикоррупционным бюро.

Польша уделяет значительное внимание развитию уголовного и уголовно-процессуального законодательства в сфере коррупции с ак-

¹ На территории России Трансперенси Интернешнл признана некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента.

² Corruption Perception Index 2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2005> (дата обращения: 30.08.2020).

³ Там же.

⁴ Corruption Perception Index 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.transparency.org/whatwedo/publication/corruption_perceptions_index_2019 (дата обращения: 30.08.2020).

центом на коррупцию в бизнесе, что коррелирует с задачей создания эффективной правовой базы противодействия коррупции и обеспечения права на справедливое судебное разбирательство. Целями воздействия на поведенческие установки являются формирование нетерпимого отношения общества к коррупции и сокращение бюрократических проявлений в случае принятия решений по усмотрению чиновников.

Весомую роль в формировании достаточно успешной антикоррупционной политики в Польше сыграли негосударственные организации. Представляется, что отличительная особенность Польши заключается в отсутствии открытой конфронтации власти и негосударственного сектора в сфере противодействия коррупции, что позволяет достаточно эффективно реализовывать совместные проекты.

Основы деятельности негосударственных организаций, а также принципы их взаимодействия с властью закладывает Конституция Польши. Свобода объединений закреплена в ст. 58 Основного закона¹. Хотя Конституция напрямую не определяет направления антикоррупционной политики, имплицитно она направлена на противодействие коррупции и имеет стратегическую антикоррупционную направленность для политической и правовой системы Польши [2, с. 215–217]. Конституционные ценности составляют основу антикоррупционной политики и основу взаимодействия негосударственных организаций с властью. Среди них: демократия (ст. 2), верховенство права (ст. 2, 8), принцип социальной справедливости (ст. 2), верховная власть народа (ст. 4), разделение и баланс властей (ст. 10), децентрализация публичной власти (ст. 15), участие местных органов в осуществлении публичной власти (ст. 16), обязанность органов публичной власти уважать и обеспечивать достоинство личности (ст. 30) и др. Конституция ориентирует на демократизацию и конституционализацию многих сфер (в том числе уголовного права и уголовного процесса).

Стратегические документы антикоррупционной направленности также исходят из необходимости взаимодействия органов публичной власти и негосударственных организаций в деле борьбы с коррупцией. Программа противодействия коррупции на 2018–2020 гг.² включала, например, значимую превентивную составляющую, предполагающую

¹ Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r. // Dziennik Ustaw. 1997. № 78.

² Uchwała Nr 207 Rady Ministrów z dnia 19 grudnia 2017 r. w sprawie Rządowego Programu Przeciwdziałania Korupcji na lata 2018–2020 // Dziennik Ustaw. 2017. Poz. 1376, 1475.

образовательные и информационные мероприятия с активным взаимодействием с негосударственным сектором в лице негосударственных организаций и средств массовой информации. В План реализации задач данной программы в разделы «Повышение информированности общества посредством антикоррупционного образования» и «Координация деятельности» были включены мероприятия с участием негосударственных организаций: проведение конференций и налаживание контактов с негосударственными организациями и др.

Огромное значение деятельность негосударственных организаций имела на этапе формирования антикоррупционной стратегии. В Польше коррупция начала восприниматься как проблема, угрожающая реализации конституционных демократических ценностей, только с конца 1990-х годов. В советское время проблема коррупции не рассматривалась как социальная и была встроена в обычную управленческую деятельность [3, с. 134]. С конца 1990-х годов начинается процесс «диффузии социальной проблемы коррупции» [4, с. 175]. Коррупция как социальная проблема появилась и в медийном дискурсе: с 1998 по 2004 г. рост публикационной активности в двух ведущих газетах по теме коррупции составил 140 % [5, с. 130–131]. Изначально антикоррупционные лозунги становятся инструментом политической борьбы и средством повышения инвестиционной привлекательности.

В это время были сделаны первые существенные шаги по формированию антикоррупционной политики, в том числе за счет активного участия средств массовой информации и негосударственных организаций. Активизировали свою деятельность негосударственные организации, включающие антикоррупционную деятельность в свою повестку: в 1998 г. появилось отделение Трансперенси Интернешнл, в 2000 г. началась Программа против коррупции Хельсинского фонда по правам человека, в 2001 г. создана Антикоррупционная коалиция негосударственных организаций, целью которой изначально был контроль за исполнением антикоррупционных предвыборных обещаний, и др. В это время перед негосударственными организациями стояли две основные задачи: мобилизовать гражданское общество ввиду его слабости и пассивности и распространить информацию о явлениях коррупции, nepотизма, конфликта интересов, инструментах противодействия коррупции [6, с. 18].

Постепенно формируется так называемая «ситуация моральной паники» [5, с. 328–330], усугубляемая стремлением Польши войти в Европейский союз. В этой ситуации власти были вынуждены активно формировать антикоррупционную политику. В 2002 г. принят первый

документ стратегической направленности – правительственная Программа борьбы с коррупцией Антикоррупционная стратегия на 2002–2004 гг. С 2001 по 2004 г. было принято 70 новых законов, внесено огромное количество изменений в законодательство.

Перечень реально действующих негосударственных организаций в сфере противодействия коррупции в Польше достаточно обширен. Большинство из них функционируют в форме фондов. Как правило, это так называемые «сторожевые» организации. Основными их задачами являются обеспечение подконтрольности власти гражданскому обществу, прозрачности и открытости деятельности публичных органов. Реализация данных задач осуществляется посредством следующих методов: повышение профессиональных навыков гражданских лидеров, контроль публичной администрации, давление на власть посредством публичных компаний [6, с. 19]. Противодействие коррупции рассматривается такими организациями как одно из направлений деятельности.

Негосударственные организации в сфере противодействия коррупции в Польше можно разделить на две группы: крупные организации международного или национального уровня (Трансперенси Интернешнл, Фонд Стефана Батория, Хельсинский фонд по правам человека, Институт по связям с общественностью, Институт Костушко) и организации регионального или локального значения (Движение «Нормальное государство», Институт публичных дел, Центр гражданского образования) [7, с. 12]. Специализирующиеся исключительно на сфере противодействия коррупции организации единичны (например, Ассоциация «Стоп коррупция»). При этом лидирующую роль играет не Трансперенси Интернешнл, а Фонд Стефана Батория [8, с. 35]. Он был создан в 1988 г. Д. Соросом при поддержке польской демократической оппозиции в целях построения открытого демократического общества. Приоритеты Фонда: улучшение качества демократии в Польше, повышение роли гражданских институтов в публичной жизни, развитие международного сотрудничества.

Ключевыми целями негосударственных организаций в деле противодействия коррупции являются обеспечение населения информацией о способах противодействия коррупции, обеспечение открытости, прозрачности и подконтрольности власти обществу, влияние на разработку антикоррупционной политики и антикоррупционного законодательства, способствование восстановлению прав человека, нарушенных коррупционными действиями власти, подготовка гражданских лидеров. К числу их основных функций можно также отнести: формирование негатив-

ного отношения общества к проблеме коррупции и снижение социальной толерантности к ней, реализацию общественного контроля, определение сфер жизни, где риск коррупции наиболее высок, реализацию законотворческих проектов с воплощением эффективных антикоррупционных мер [9, с. 180–181].

Можно выделить следующие основные формы деятельности негосударственных организаций в сфере противодействия коррупции.

1. Реализация проектов и программ. Проектный метод активно используется негосударственными организациями. Антикоррупционную направленность имеют в основном проекты, направленные на обеспечение подконтрольности власти, открытости и прозрачности деятельности публичных органов (например, «Муниципальные молодежные советы: диалог между властями и молодыми гражданами» (Фонд «Civis Polonos», Варшава), «Гражданский бюджет для Закопане: давайте выбирать вместе» (Футбольный клуб Закопане), «Партисипаторный бюджет в Кутно» (Социальный фонд г. Кутно, программы Фонда Стефана Батория «Дебаты», «Твой голос», «Открытая Европа»).

Активную антикоррупционную составляющую содержала программа Фонда Стефана Батория «Публичная интеграция», целями которой были обеспечение прозрачности в законотворческом процессе, разрешение конфликтов интересов в публичной жизни, снижение рисков коррупции, мониторинг деятельности избранных государственных органов. Был организован ряд мероприятий по профилактике коррупции в сфере государственных закупок, создан барометр коррупционных рисков совместно с порталом Zamowienia 2.0 и Коррупционным исследовательским центром по вопросам коррупции (Будапешт, Венгрия), осуществлен мониторинг конфликтов интересов в деятельности публичных органов, разработаны инструменты для выявления конфликтов интересов, проведены обучающие семинары. Опыт использования проектного метода в деятельности негосударственных организаций представляется весьма удачным, поскольку он позволяет реализовывать мероприятия в рамках единой целевой направленности.

2. Финансирование проектов и программ других негосударственных организаций. В рамках грантовой программы, финансируемой Финансовым Механизмом Европейской экономической зоны (EEA Grants) «Граждане для демократии» (бюджет программы составил 150 млн злотых), Фонд Стефана Батория стал крупнейшим спонсором для огромного количества других негосударственных организаций (Федерация негосударственных организаций Лодзи, ассоциация «Города в Интернете»

(Тарнув), Ассоциация развития общественного транспорта в Быдгоще¹, Ассоциация «Гражданская лаборатория» (Краков), Ассоциация «Центр системных решений» (Вроцлав) и др.).

3. Организация публичных дискуссий и конференций. Так, в 2015 г. Фондом Стефана Батория организованы дебаты с участием представителей власти, политиков, журналистов «Вещи имеют начало и конец: польское общество в глобальном мире», «Что случилось? Что случится? Диагнозы уходящего электорального года».

4. Мониторинг деятельности государственных органов, электоральных процессов и законодательства. К примеру, в рамках проекта Фонда Стефана Батория «Публичная интеграция», направленного на повышение прозрачности деятельности публичных органов и подотчетности власти, был организован Гражданский законодательный форум, по результатам которого в Канцелярию премьер-министра были направлены разработки по обеспечению диалога между властью и негосударственным сектором, совместно с органами власти была создана платформа по участию в нормотворческой деятельности.

5. Юридическое сопровождение организаций и физических лиц.

6. Исследовательская и публикационная активность. Статьи и монографии сотрудника Фонда Стефана Батория Г. Маковского по антикоррупционной тематике известны во всем мире. В рамках программы «Твой голос – твой выбор» Фонда Стефана Батория среди местных гражданских лидеров распространялись подготовленные Фондом брошюры «Партисипаторное бюджетирование» и «Инструкция для активистов».

7. Запросы в публичные органы о предоставлении информации. Так, под воздействием Антикоррупционной коалиции негосударственных организаций была обнародована информация о программе «Антикоррупционный щит». В 2013 г. Гражданская сеть «Вотчдог» (до 2013 г. – Сообщество лидеров локальных гражданских групп) выиграла судебный спор с Конституционным трибуналом по вопросу об обнародовании проекта закона о Конституционном трибунале². Указанная организация также активно занимается вопросами обнародования информации о предоставлении субсидий государственными фондами.

¹ Stefan Batory Foundation. Annual Report 2015. Warsaw : Fundacja Batorego, 2016. P. 22–30.

² Sieć Obywatelska Watchdog Polska. Raport na piętnastolecie. 2003–2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://siecobywatelska.pl/wp-content/uploads/2019/02/raport-15lat.pdf> (дата обращения: 22.09.2020).

8. Создание коалиций с другими негосударственными организациями. С 2001 г. функционирует Антикоррупционная коалиция некоммерческих организаций (Фонд Стефана Батория, Фонд социальной коммуникации и Хельсинский фонд). В 2012 г. в рамках проекта «Публичная интеграция» Фонда Стефана Батория была создана коалиция «Открытое общество». В 2015 г. коалиция осуществила мониторинг открытости и прозрачности деятельности Канцелярии премьер-министра и 17 министерств.

9. Международное сотрудничество. Негосударственные организации являются членами международных организаций, таких как Фонд «Европейский форум», Европейский гражданский форум, Европейский Фонд в Брюсселе, Польские негосударственные организации за рубежом, Гражданский форум ЕС – Россия, участвуют в международных мероприятиях и самостоятельно их организуют (Фондом Стефана Батория в 2015 г. был организован Восточный форум для обсуждения проблем по сотрудничеству с восточными партнерами из стран – участников Европейского союза и России), осуществляют международную кооперацию с негосударственными организациями в зарубежных странах (так, в рамках проекта Фонда Стефана Батория «Граждане для демократии» активно развивалась кооперация со странами Европейского союза, которые являлись спонсорами проекта (Норвегия, Лихтенштейн, Исландия).

Одним из наиболее проблемных вопросов деятельности негосударственных организаций в Польше является обеспечение их достаточного финансирования. Финансирование осуществляется из следующих источников: польские, зарубежные, совместные фонды (например, Польско-американский фонд свободы, Фонд «Открытое общество», Центр российско-польского диалога и согласия, Фонд «Агора», Фонд Малгожаты Шейнерт), дотации из бюджетов разного уровня, средства Европейского союза, средства частных лиц. Доля финансирования частными лицами невысока, поскольку они предпочитают жертвовать благотворительным организациям. Средства Европейского союза составили хорошее подспорье для деятельности крупных негосударственных организаций. В Фонде Стефана Батория действует программа «Фонд активных граждан на 2014–2021 гг.», которая финансируется по соглашению между польским правительством, Механизмом европейской экономической зоны (EEA Grants) и Норвежским финансовым механизмом в размере 30 млн евро (национальный уровень реализации Программы) и 23 млн евро (региональный уровень реализации Программы). В то же время после вступления Польши в Европейский союз значительно со-

кратилась доля финансирования из внешних источников, в том числе зарубежных фондов. Возможности локальных организаций ограничены, так как они финансируются преимущественно местными властями. Достаточное финансирование имеют лишь около 10 % организаций, другие имеют не более трех спонсоров [10, с. 63].

Также среди проблем деятельности негосударственных организаций в Польше называется отсутствие культуры подотчетности и саморегулирования [10, с. 63–64]. В Законе «Об инвестиционных фондах»¹ (большинство негосударственных организаций функционируют в качестве фондов) установлена обязанность представлять ежегодный отчет о деятельности и источниках финансирования способом, который бы позволил довести эту информацию до широкой общественности, но данная обязанность далеко не всегда соблюдается. Кроме того, нарушаются положения Закона от 6 сентября 2001 г. «О доступе к публичной информации»², согласно которому информация о деятельности негосударственных организаций публикуется в «Бюллетене публичной информации».

Среди постсоциалистических государств Польша показывает весьма достойные результаты в деле борьбы с коррупцией. Антикоррупционная политика Польши основана на мировом опыте в области противодействия коррупции, в ее основе лежит системный подход, предполагающий, прежде всего, формирование таких условий, при которых коррупция сама по себе недопустима, а не совокупность отдельных мероприятий и не точечная концентрация на проблемных областях.

Особой положительной оценки заслуживает то, что важность участия негосударственных организаций в противодействии коррупции признается не только самим третьим сектором и исследователями [1; 6; 7], но и находит отражение в стратегических антикоррупционных документах на государственном уровне. Отношения власти и третьего сектора выстроены на основе взаимодействия. Власти делают определенные шаги, направленные на взаимодействие с негосударственными организациями: участвуют в дебатах и конференциях, проводимых негосударственными организациями, выделяют гранты на финансирование их деятельности, стараются учитывать предложения негосударственных организаций в своей деятельности. Вместе с тем не все гладко в этом взаимодействии: несмотря на предоставление бюджетных средств на финансирование дея-

¹ Ustawa z dnia 27 maja 2004 r. O funduszach inwestycyjnych // Dziennik Ustaw. 2004. № 146. P. 1546.

² Ustawa z dnia 6 września 2001 r. O dostępie do informacji publicznej // Dziennik Ustaw. 2001. № 182. P. 1228.

тельности негосударственных организаций, политика государства направлена на сокращение внешнего финансирования, особенно за счет средств зарубежных фондов; негосударственные организации нередко нарушают обязанности по предоставлению отчетов о деятельности в регистрирующий орган и обнародованию информации о своей деятельности широкой общественности; негосударственные организации отстаивают нарушенные государственными органами права человека и в этом смысле противостоят им; нередко власти прислушиваются к негосударственным организациям только под давлением с их стороны; сохраняется пассивность негосударственных организаций.

Несмотря на подобного рода сложности, представляется, что в Польше накоплен достаточно удачный опыт взаимодействия власти и негосударственных организаций в области противодействия коррупции, который может быть использован в государствах постсоветского пространства, в том числе и в России.

Библиографический список

1. Шпренгель М. Противодействие коррупции в Польше: экономические и правовые аспекты // Антиномии. 2020. № 2. С. 156–179. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10206.
2. Chodak P. Wybrane Uregulowania Prawne dotyczące Zwalczania Korupcji // Journal of Modern Science. 2019. Т. 1, № 40. Р. 213–234. DOI 10/13166/JMS/105597.
3. Poland's transformation: a work in progress / Ed. by M.J. Chodakiewicz, J. Radzilowski, D. Tolczyk. Charlottesville : LeopolisPress, 2003. 149 p.
4. The Social Construction of Corruption in Europe (Law, Crime, Culture) / ed. by D. Tanzler, K. Maras, A. Giannokopolous. Routledge, 2007. 352 p.
5. Krajewska A., Makowski G. Corruption, anti-corruption and human rights: the case of Poland's Integrity System // Crime Law Soc Change. 2017. № 68. Р. 325–339. DOI 10.1007/s10611-017-9710-6.
6. Kalikh A. The Role of Civil Society in Fighting Corruption. Warsaw : Institute of Public Affairs, 2017. 32 p.
7. Wolszczak G. (Anti-)Corruption in Poland since Early 2000 to 2010 // ERCAS Working Paper. 2010. № 11. Р. 7–18.
8. Макарова М.Н. Антикоррупционная деятельность негосударственных организаций в странах Европейского союза (на примере Фонда Стефана Батория) // Вестник Удмуртск. ун-та. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2014. № 1. С. 34–39.

9. Gadowska K. National and International anti-corruption efforts: the case of Poland // *Global Crime*. 2010. № 11 (2). P. 178–209. DOI 10.1080/17440571003669191.

10. *Corruption Risks in the Vyshegrad Countries*. Transparency International, 2012. 74 p.

Дата поступления: 28.02.2021

RUDENKO Valentina Victorovna

*Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Chair of Constitutional Law, Ural Law State University, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: emikh.valentina@gmail.com*

**PARTICIPATION OF NON-GOVERNMENTAL
ORGANIZATIONS IN COUNTERING CORRUPTION
IN POLAND: LEGAL FRAMEWORK
AND IMPLEMENTATION PRACTICES**

Poland has developed a sufficiently effective and systematic approach to combating corruption among post-socialist countries. Cooperation between the authorities and non-governmental organizations is an important part of the fight against corruption in Poland. **Purpose:** to show the role of non-governmental organizations in Poland, to determine their main functions, goals and forms of their activities; to show the experience and challenges of interaction between the government and non-governmental organizations. **Methods:** the paper is based on a combination of general scientific methods (system analysis, ascent from the abstract to the concrete, synthesis, typological method, etc.) and special methods of law and political science research (comparative, content analysis, etc.). **Results:** The paper shows the role of non-governmental organizations in shaping the anti-corruption strategy of Poland. Their goals, functions and forms of activity, sources of their financing are analyzed. The author highlights the following positive forms of interaction between the state and non-governmental organizations: involvement of the authorities in debates and conferences held by non-governmental organizations, allocation of grants to finance their activities, taking into account the proposals of non-governmental organizations in the activities of the authorities. The author distinguishes among the negative forms: reduction of external funding in connection with state policy, violations of human rights by state bodies, violation of the obliga-

tion of non-governmental organizations to prepare an annual report on their activities. The paper concludes that it is possible to apply the positive experience of Poland in the post-Soviet countries.

Keywords: civil society; non-government organizations; Poland; anticorruption; constitution; Stefan Batory Foundation.

References

1. Sprengel M. Anti-corruption in Poland: legal and economic aspects. *Antinomii = Antinomies*, 2020, no. 2, pp. 156–179. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10206. (In Russian).
2. Chodak P. Wybrane Uregulowania Prawne dotyczące Zwalczenia Korupcji. *Journal of Modern Science*, 2019, vol. 1, no. 40, pp. 213–234. DOI 10/13166/JMS/105597.
3. Chodakiewicz M.J., Radzilowski J., Tolczyk D. (eds.). Charlottesville Poland's transformation: a work in progress. Leopold Press Publ., 2003. 149 p.
4. Tanzler D., Maras K., Giannokopoulos A. (eds.). The Social Construction of Corruption in Europe (Law, Crime, Culture). Routledge, 2007. 352 p.
5. Krajewska A., Makowski G. Corruption, anti-corruption and human rights: the case of Poland's Integrity System. *Crime Law Soc Change*, 2017, no. 68, pp. 325–339. DOI 10.1007/s10611-017-9710-6.
6. Kalikh A. The Role of Civil Society in Fighting Corruption. Warsaw, Institute of Public Affairs Publ., 2017. 32 p.
7. Wolszczak G. (Anti-)Corruption in Poland since Early 2000 to 2010. *ERCAS Working Paper*, 2010, no. 11, pp. 7–18.
8. Makarova M.N. Anticorruption activity of non-government organizations in eu countries (the case of Stefan Batory foundation). *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika = Bulletin of Udmurt University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2014, no. 1, pp. 34–39. (In Russian).
9. Gadowska K. National and International anti-corruption efforts: the case of Poland. *Global Crime*, 2010, no. 11 (2), pp. 178–209. DOI 10.1080/17440571003669191.
10. Corruption Risks in the Vyshegrad Countries. Transparency International Publ., 2012. 74 p.

Received: 28.02.2021

УДК 349.6 (476) (075.8)
DOI 10.33184/pravgos-2021.2.15

ХОТЬКО Ольга Александровна

кандидат юридических наук, доцент Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь.

E-mail: o.a.khatsko@gmail.com

**ИНСТРУМЕНТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ТРАНСПОРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В МОДЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И АКТАХ
ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА
НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**

В статье исследуется сущность законодательного обеспечения и основные элементы правового механизма охраны окружающей среды и экологической безопасности при осуществлении транспортной деятельности на территории Содружества Независимых Государств. Автор отражает различные подходы государств – членов интеграционного объединения по вопросу регулирования данной сферы и общие тенденции законодательства с целью определения правовых инструментов, позволяющих снизить вредное воздействие транспорта на окружающую среду. **Цель:** анализ модельного законодательства Содружества Независимых Государств, регулирующего охрану окружающей среды и обеспечение экологической безопасности, и актов, принятых в странах – участницах данного Содружества, с учетом негативного влияния транспортной деятельности на состояние защищенности окружающей среды в условиях развития интеграционных процессов. **Методы:** применялись методы анализа, сравнения, систематизации, толкования правовых норм, формально-логический, прогностический и др. **Результаты:** сформулированы задачи обеспечения экологической безопасности транспортной деятельности, позволяющие показать потребность в установлении инструментов правового регулирования в данной сфере и способствующие их выявлению. Автор приходит к выводу о необходимости разработки специальных документов, касающихся сотрудничества в сфере обеспечения экологической безопасности стран – участниц Содружества, что позволит определить общие направления в создании и реализации правовых инструментов для снижения вредного воздействия транспорта на

окружающую среду. Обосновывается необходимость сближения правовых положений и углубления позиций по правовому обеспечению в исследуемой области с учетом ряда задач, обусловливающих интегрированные подходы.

Ключевые слова: правовое регулирование; эколого-правовая наука; охрана окружающей среды; обеспечение экологической безопасности; транспортная деятельность; Содружество Независимых Государств; интеграционные процессы.

В эколого-правовой науке есть ряд исследований, посвященных сущности обеспечения экологической безопасности, соотношению его с охраной окружающей среды, рассмотрению в качестве составляющей реализации экологической функции государства. Вместе с тем научные исследования еще отстают в определении необходимых механизмов снижения вредного воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду. Анализ нормативных правовых актов показывает, что они направлены на уменьшение негативного влияния антропогенной деятельности на окружающую среду [1], эколого-правовое сопровождение хозяйственной деятельности [2], экологизацию правового регулирования [3] и др., а исследований, посвященных анализу законодательства стран – членов Содружества Независимых Государств (СНГ), касающихся обеспечения экологической безопасности в транспортной деятельности – наиболее опасной для окружающей среды и осуществляемой непрерывно на довольно протяженных территориях, до сих пор нет.

Тщательное исследование, посвященное сравнительному анализу обеспечения экологической безопасности по законодательству стран – участниц СНГ, проведено Е.Н. Абаниной [4]. Отметим подход Е.А. Суховой при рассмотрении данного вопроса, которая справедливо указывает, что модельные законы являются действенным инструментом интеграции и гармонизации законодательства государств – членов СНГ, а «совместная деятельность государств – участников СНГ в сфере обеспечения экологической безопасности преследует своей целью более эффективную защиту их законных интересов» [5, с. 217]. О необходимости разработки единого документа, касающегося координации взаимодействия в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности на пространстве Евразийского экономического союза, обоснованные доводы приводит профессор Т.И. Макарова: поскольку при формировании и развитии единого пространства в сфере энергетики, транспорта и иных областей оказывается воздействие на

окружающую среду, актуальной как на национальном, так и на наднациональном уровне является проблема обеспечения экологической безопасности отдельных видов хозяйственной деятельности [6].

В современных условиях транспортный комплекс расширяется, наблюдается тенденция к развитию интеллектуальных транспортных систем, активной электромобилизации, что в определенной степени влияет на изменение подходов к эколого-правовому регулированию данной отрасли. Вместе с тем до настоящего времени это одна из тех сфер деятельности, регулирование которой рассредоточено по различным нормативным правовым актам, в том числе в рамках СНГ, относительно различных видов функционирования транспорта и мер обеспечения экологической безопасности.

Концепция председательства Республики Беларусь в СНГ на 2021 г. включает совершенствование правового обеспечения сотрудничества в области транспорта, формирование некоторых условий «для создания единого рынка транспортных услуг государств – участников СНГ»¹. Скоординированная транспортная политика и сотрудничество в данной сфере предусмотрено как определенное направление деятельности государств – участников СНГ. Кроме того, разрабатывается проект заявления Глав государств СНГ, касающийся биологической безопасности. Отметим, что в Российской Федерации принят Закон от 20 декабря 2020 г. «О биологической безопасности», в Республике Таджикистан – Закон от 29 января 2021 г. «Об обеспечении биологической безопасности и биологической защиты». Считаем, что для укрепления развития СНГ и углубления партнерского взаимодействия необходимо разработать системные меры правового характера в целях совершенствования положений об экологической безопасности. Стоит заметить, что на фоне новых явлений в науке, связанных с геномными исследованиями, о безопасности экологической в законодательстве не упоминается. Возможно, и исследователи сознательно не обращаются к этому вопросу в силу, как нам представляется, достаточности организационно-правового и экономического механизмов охраны окружающей среды либо сомнений правоведов-экологов, высказанных в литературе, о том, имеется ли потребность обеспечивать экологическую безопасность. Однако, полагаем, страны – участницы Содружества должны сконцентрировать свои

¹ Концепция председательства Республики Беларусь в Содружестве Независимых Государств в 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://cis.minsk.by/page/19314> (дата обращения: 11.01.2021).

усилия и «более глубоко осуществить совместную работу в рамках функционирования Межгосударственного экологического совета СНГ» [7, с. 41], учитывая цели создания СНГ, указанные в его Уставе, в частности обеспечение прав и свобод человека, мира и безопасности, взаимная правовая помощь и др.

В Модельном законе государств – членов СНГ «О транспортной деятельности» не предусматривается цель обеспечения экологической безопасности, однако в ст. 16 этого документа закреплена обязанность производителей транспортных работ и (или) услуг обеспечивать меры охраны окружающей среды при осуществлении транспортной деятельности¹. Подобная норма предусмотрена и в белорусском Законе «Об основах транспортной деятельности»². Стоит заметить, что в нем обеспечение экологической безопасности соединено с безопасностью транспортной деятельности и отдельно как направление не выделяется, что нам представляется неверным.

В Российской Федерации действует Закон «О транспортной безопасности», в котором также не упоминается об экологической безопасности, однако Закон РФ «Об охране окружающей среды» содержит понятия «передвижной источник загрязнения окружающей среды» и «стационарный источник загрязнения окружающей среды»³, которые относятся к объектам транспортной деятельности. При этом одноименный белорусский закон данных понятий не раскрывает и нормы, касающейся требований в области охраны окружающей среды, предъявляемых при производстве и эксплуатации автомобильных и иных транспортных средств (ст. 45), не содержит. Он лишь называет такие требования по отношению к мобильным источникам в ст. 44, но при этом системно они не отражены, поскольку установлены и в ст. 51, и в других нормах данного закона.

Экологический кодекс Республики Казахстан устанавливает экологические требования к эксплуатации автомобильных и иных транс-

¹ О транспортной деятельности : модельный закон от 31.10.2007 № 29-8 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2021).

² Об основах транспортной деятельности : закон Республики Беларусь от 05.05.1998 № 140-З [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2021).

³ Об охране окружающей среды : федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2021).

портных средств (ст. 24), а также в ст. 1 определяет понятия «передвижной источник выбросов», «экологически опасная техника и оборудование», «стойкие органические загрязнители», «экологически опасные технологии»¹. Представленная в нем терминология, безусловно, связана с транспортной деятельностью. В законах других государств СНГ такая терминология не содержится.

В Республике Туркменистан действует Закон от 3 июня 2017 г. № 569-V «Об обеспечении экологической безопасности»², которым регулируются отношения, возникающие при осуществлении хозяйственной деятельности, направленные на обеспечение состояния защищенности окружающей среды. Стоит заметить, что многие государства СНГ не поддерживают принятие закона, направленного на регулирование экологической безопасности, полагая достаточным закрепление правовых норм в законах об охране окружающей среды. В научных исследованиях приводятся точки зрения о необходимости отдельного закона, однако такой разрыв в регулировании охраны окружающей среды и обеспечении экологической безопасности полагается избыточным, поскольку непосредственно процесс охраны и результат (состояние защищенности окружающей среды) взаимосвязаны.

Так, Закон Республики Узбекистан «Об охране природы» закрепляет, что одной из целей такой охраны является обеспечение экологической безопасности (ст. 3)³. При этом в гл. X указанного закона не содержится правовых норм, касающихся требований к осуществлению транспортной деятельности. В Республике Кыргызстан в отличие от других стран – участниц СНГ действует Общий технический регламент по обеспечению экологической безопасности, устанавливающий принципы и требования к обеспечению экологической безопасности при осуществлении хозяйственной деятельности, в том числе требования к

¹ Экологический кодекс Республики Казахстан. Алматы : ЮРИСТ, 2017. 196 с.

² Об обеспечении экологической безопасности : закон Республики Туркменистан от 03.06.2017 № 569-V (в ред. от 02.03.2019) [Электронный ресурс]. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=98114 (дата обращения: 17.04.2021).

³ Об охране природы : закон Республики Узбекистан от 09.12.1992 № 754-XII [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs/7065> (дата обращения: 26.04.2021).

субъектам, имеющим стационарные и передвижные источники выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов (п. 5 ст. 10)¹.

Требования экологической безопасности, закрепленные в законодательстве, являются одним из эффективных инструментов ее обеспечения, действенность которых заключается в их неукоснительном выполнении субъектами. Техническое регулирование в транспортной деятельности следует относить к правовым средствам, направленным на обеспечение защищенности окружающей среды и реализацию прав граждан.

Стоит обратить внимание на то, что законодательство о различных видах транспорта (автомобильном, железнодорожном, воздушном, водном и трубопроводном) включает нормы об обеспечении экологической безопасности. Например, Закон Республики Армения от 15 марта 2007 г. № ЗР-81 «Об авиации» содержит норму об охране атмосферного воздуха (ст. 27), Воздушный кодекс Республики Беларусь от 16 мая 2006 г. № 313-З устанавливает требования по защите граждан и охране окружающей среды от вредного воздействия, а именно к уровню шумов на местности, связанных с эксплуатацией воздушного судна, и выбросам авиационными двигателями загрязняющих веществ (ст. 67).

Правовое обеспечение экологической безопасности при эксплуатации железнодорожного транспорта также регулируется специальным законодательством, поскольку оказывается вредное воздействие на окружающую среду в результате загрязнения почв тяжелыми металлами, влияния шума, что негативно отражается на состоянии защищенности окружающей среды и здоровье человека. Однако, например, в белорусском Законе от 6 января 1999 г. № 237-З «О железнодорожном транспорте» не закреплено системное регулирование мер экологической безопасности и не установлены требования к охране природных компонентов, что не обеспечивает необходимые правовые условия для охраны окружающей среды при функционировании железнодорожного транспорта и коммуникаций.

В Модельном законе государств – членов СНГ «О железнодорожном транспорте» назван такой принцип его функционирования, как обеспечение безопасности данного транспорта и «процессов его жиз-

¹ Общий технический регламент по обеспечению экологической безопасности Кыргызской Республики : закон Республики Кыргызстан от 08.05.2009 № 151 (в ред. от 08.07.2019 № 83) [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202693> (дата обращения: 26.04.2021).

ненного цикла для жизни, здоровья и окружающей среды» (п. 3 ст. 1)¹. Вместе с тем единообразных норм об обеспечении экологической безопасности при эксплуатации железнодорожного транспорта, в отличие от автомобильного, в рамках СНГ не разработано.

Необходимо указать, что модельное законодательство СНГ включает Закон «Об обеспечении экологической безопасности автомобильного транспорта»². Однако в настоящее время ни в одном из государств Содружества такой закон не действует. В Российской Федерации подготовлен лишь проект одноименного закона, который достаточно четко определяет основные направления предотвращения вредного влияния данного вида транспорта на окружающую среду. С теоретической позиции можно в качестве положительного фактора выделить сформулированные в указанном модельном законе принципы обеспечения экологической безопасности, в числе которых и принцип научной обоснованности принимаемых решений в данной сфере (ст. 3). Анализ правовых норм позволяет установить, что указанный закон включает организационно-правовой (ст. 8–21), экономический (ст. 22–24) и идеологический механизм (ст. 25) обеспечения экологической безопасности при эксплуатации автомобильного транспорта. Обращено внимание на ответственность за нарушение законодательства в данной сфере и международное сотрудничество в соответствии с принципами, закрепленными в международных договорах. Вместе с тем таких принципов конкретно в отношении автомобильного транспорта, да и в целом принципов обеспечения экологической безопасности в международных соглашениях не предусматривается. Однако в перспективе такие направления могут быть рассмотрены для развития сотрудничества государств с выявлением основных начал обеспечения экологической безопасности. Стоит заметить также, что рассматриваемым законом определены экологические классы автомобилей. Такой подход в законодательстве Республики Беларусь предусматривается лишь в технических нормативных правовых актах.

¹ О железнодорожном транспорте : модельный закон, принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 23.11.2012 № 38-15 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2021).

² Об обеспечении экологической безопасности автомобильного транспорта : модельный закон, принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 29.11.2013 № 39-5 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2021).

Модельный закон «Об экологической безопасности» закрепляет ряд элементов организационного и экономического механизмов обеспечения экологической безопасности, предусмотренных в гл. 4–6¹. Однако он не касается конкретных видов хозяйственной деятельности, что не позволяет выделить конкретные правовые инструменты обеспечения экологической безопасности при осуществлении транспортной деятельности.

Анализ актов государств – членов СНГ и модельных законов показывает, что правовое регулирование экологической безопасности при эксплуатации различных видов транспорта и общие нормы на пространстве Содружества закрепляют базовые положения, которые трудно применить в силу отсутствия достаточно четкого механизма реализации правовых инструментов.

С одной стороны, на данный аргумент можно возразить, что нет необходимости в определении особых средств регулирования обеспечения экологической безопасности транспортной деятельности, инструменты в данном случае те же, что и определенные в доктрине экологического права в рамках правового механизма охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. В действительности абсолютно новые инструменты как способ решения проблемы обеспечения экологической безопасности в свете функционирования вредного для окружающей среды транспорта создать сложно. В основном они будут совпадать с дополненными новыми или преимущественным использованием некоторых из них в силу специфики деятельности и влияния на окружающую среду. Тем не менее, полагаем, необходимы правовые инструменты, регулирующие развитие экологичного производства и утилизацию аккумуляторных батарей в связи с расширением эксплуатации электротранспорта, экологизацией правового регулирования организации дорожного движения, применения эффективных инструментов снижения шумового загрязнения и т. д. К таким инструментам правового регулирования в сфере обеспечения экологической безопасности при осуществлении транспортной деятельности следует отнести элементы механизмов организационно-правового, экономического и идеологического характера, подробно отраженные применительно к автомобильному транспорту в Модельном законе стран – участниц СНГ «Об обеспечении экологической безопасно-

¹ Об экологической безопасности : модельный закон, принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 15.11.2003 № 22-18 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2021).

сти автомобильного транспорта». И поскольку по отношению к другим видам транспортной деятельности специальное законодательство в сфере обеспечения экологической безопасности не разработано, необходим концептуальный подход для систематизации всех необходимых инструментов правового регулирования не только в рамках одного государства, но и всех стран Содружества.

Сложившаяся потребность решения проблемы снижения вредного воздействия транспорта на окружающую среду правовыми средствами объясняется, как отмечает Р.Х. Гиззатуллин, необходимостью создания «собственного организационно-правового механизма обеспечения экологической безопасности» [8, с. 80]. Это дает основание говорить о формировании правовой модели обеспечения экологической безопасности транспортной деятельности, условий и факторов ее реализации, что не отменяет, а, наоборот, придает особый вес в определении ключевых направлений при формировании эколого-безопасного пространства в целях минимизации вреда окружающей среде в процессе транспортной деятельности. Такой механизм и включающая ряд составляющих элементов (критерии обеспечения экологической безопасности, правовые средства и инструменты и др.) правовая модель объективно необходимы для соблюдения прав человека на благоприятную окружающую среду [9], достижения целей устойчивого развития общества и государства [10], недопущения глобального экологического кризиса, главным фактором которого является, по мнению М.М. Бринчука, кризис духовный [11].

С другой стороны, механизм обеспечения экологической безопасности транспортной деятельности, включающий в себя элементы, способствующие достижению состояния защищенности окружающей среды при эксплуатации объектов транспортного комплекса, должен быть эффективно функционирующим, что позволит минимизировать вред, наносимый окружающей среде, компонентам природной среды и природным ресурсам. Для этого целесообразно с точки зрения теоретико-правовых подходов определить задачи обеспечения экологической безопасности транспортной деятельности, на основе которых возможно определение ряда инструментов правового регулирования – конкретных мер снижения вредного воздействия транспорта на окружающую среду. По нашему глубокому убеждению, такими задачами являются: а) выявление основных направлений государственной экологической политики, связанной с безопасным для окружающей среды функционированием объектов транспортной деятельности; б) прогнозирование, анализ и оценка угроз экологической безопасности при осуществлении транс-

портной деятельности, а также разработка мер по их предотвращению; в) организация научных теоретико-правовых и прикладных исследований в данной сфере с учетом комплексности и междисциплинарности применяемых подходов; г) координация управленческой деятельности в сфере обеспечения экологической безопасности при осуществлении транспортных процессов; д) сотрудничество в рамках государств – членов СНГ и с другими государствами в целях снижения вредного воздействия транспорта на окружающую среду.

Полагаем, задачи обеспечения экологической безопасности касаются всех стран, входящих в СНГ, и непосредственно от совместных усилий и скоординированных действий каждого государства зависит разработка общих подходов и единообразной экологической политики в отношении транспортной деятельности, которая связывает все страны Содружества. Данные задачи целесообразно отразить в Модельном законе «О транспортной деятельности» и тем самым модернизировать и «экологизировать» законодательство, регулирующее деятельность объектов транспортной сферы, оказывающих воздействие на окружающую среду.

Кроме того, значительным и необходимым шагом в развитии общих правовых подходов в деятельности СНГ следует признать разработку Стратегии развития сотрудничества государств СНГ в области обеспечения экологической безопасности на краткосрочный и долгосрочный периоды и Плана мероприятий по реализации основных направлений в данной сфере с целью уменьшения вреда, причиняемого хозяйственной деятельностью, в том числе транспортной, как деятельности, связанной с трансграничным причинением вреда окружающей среде. Так, Соглашением о сотрудничестве в области охраны окружающей среды государств – участников СНГ от 31 мая 2013 г. определяются сферы сотрудничества, связанные с охраной компонентов природной среды (ст. 1), предусматриваются меры обеспечения сотрудничества, среди которых совместная разработка межгосударственных программ в области охраны окружающей среды и экологической безопасности, а также взаимодействие в области природоохранных технологий, концентрация совместных усилий в области предотвращения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (ст. 3)¹. На 50-м пленарном заседании

¹ Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды государств – участников СНГ от 31.05.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=3874> (дата обращения: 10.03.2021).

Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 22 ноября 2019 г. приняты Рекомендации по организации национальных центров экологической безопасности на основе защиты национальных экологических интересов как стратегической сферы деятельности государства¹. Согласно этому документу практическими мерами обеспечения экологической безопасности на правовом уровне называются принятие государствами-участниками экологических доктрин, концепций, стратегий, в связи с чем, полагаем, требуется разработка концепции, касающейся обеспечения экологической безопасности в отношении транспортной деятельности на уровне государства, и общей стратегии в рамках Содружества.

Таким образом, решение каждым государством задач по обеспечению экологической безопасности транспортной деятельности и в то же время выработка концептуальной единой правовой стратегии будут способствовать сближению законодательства и определению инструментов правового регулирования в данной сфере, углублению интегрированного подхода, позволяющего эффективно использовать данные инструменты.

Библиографический список

1. Хотько О.А. Анализ законодательства в области защиты прав граждан в условиях негативного воздействия транспортной деятельности // Тенденции развития юридической науки на современном этапе : сб. ст. IV Всерос. науч. конф. с междунар. участием (18 окт. 2019 г.) / отв. ред. Е.С. Трезубов. М. : Проспект, 2020. С. 282–291.
2. Мороз О.В. Правовое обеспечение экологического сопровождения хозяйственной и иной деятельности // Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности / под ред. Т.И. Макаровой. Минск : БГУ, 2016. С. 85–124.
3. Шахрай И.С. Экологизация правового регулирования на пути к устойчивому развитию // Оценка регулирующего воздействия законода-

¹ Рекомендации по организации национальных центров экологической безопасности : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 22.11.2019 № 50-11 [Электронный ресурс]. URL: https://iacis.ru/upload/iblock/066/Prilozhenie-k-postanovleniyu-50_11.pdf (дата обращения: 11.04.2021).

тельства в сфере экономической деятельности / под ред. В.К. Ладутько, М.Н. Сатолиной. Минск : Беларуская навука, 2020. С. 207–222.

4. Абанина Е.Н. Правовое обеспечение экологической безопасности на территории государств – участников СНГ: сравнительно-правовой анализ // Дискуссионные проблемы теории экологического права : моногр. / под общ. ред. А.П. Анисимова. М., 2020. С. 404–423.

5. Сухова Е.А. Правовое обеспечение экологической безопасности на территории государств – участников СНГ // Приоритетные направления развития экологического, природоресурсного и аграрного права : матер. Республиканск. круглого стола, посвящ. 60-летию д-ра юрид. наук, проф. Т.И. Макаровой. Минск : БГУ, 2017. С. 216–219.

6. Макарова Т.И. Проблемы правового обеспечения экологической безопасности в контексте интеграционных процессов Республики Беларусь и Российской Федерации // Правовое обеспечение экологической безопасности в сфере природопользования и энергетики : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Году экологии в Российской Федерации, Казань, 8–9 дек. 2017 г. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2018. С. 33–38.

7. Хотько О.А., Чеботарева А.А. Правовые вопросы международного сотрудничества в сфере обеспечения экологической безопасности транспортной деятельности // Транспортное право и безопасность. 2021. № 1. С. 33–45.

8. Гиззатуллин Р.Х. Экологическая функция государства и обеспечения экологической безопасности // Труды Ин-та государства и права РАН. 2010. № 2. С. 70–80.

9. Макарова Т.И., Хотько О.А. Внедрение аспектов прав человека в преподавание дисциплины «Экологическое право» // Права человека в контексте преподавания юридических дисциплин в высшей школе / под ред. Е.В. Конновой, Е.В. Кузнецовой. Минск : Юнипак, 2020. С. 32–39.

10. Боклан Д.С. «Экологизация» международных экономических отношений в контексте эволюции концепции устойчивого развития // Московск. журнал международного права. 2015. № 1. С. 117–134.

11. Бринчук М.М. Законы природы и общества : моногр. : в 2 ч. М. : Юрлитинформ, 2015. Ч. 2. 408 с.

Дата поступления: 05.07.2021

KHATSKO Volha Aleksandrovna

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.

E-mail: o.a.khatsko@gmail.com

**LEGAL INSTRUMENTS IN THE FIELD
OF ENSURING THE ENVIRONMENTAL SAFETY
OF TRANSPORT ACTIVITIES IN THE MODEL
LEGISLATION AND ACTS OF STATES – PARTICIPANTS
OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES**

The paper examines the essence of legislative support and the main elements of the legal mechanism for environmental protection and environmental safety in the implementation of transport activities in the territory of the Commonwealth of Independent States. The author reflects the different approaches of the member States of the integration association to the regulation of this sphere and the general trends of legislation with a view to identifying legal instruments to reduce the harmful effects of transport on the environment.

Purpose: to analyze the model legislation of the Commonwealth of Independent States governing environmental protection and ensuring environmental safety and the acts adopted in the member states of the Commonwealth, taking into account the negative impact of transport activities on environmental protection in the context of the development of integration processes. **Methods:** the author uses the methods of analysis, comparison, systematization, interpretation of legal norms, formal-logical and prognostic, etc. **Results:** the tasks of ensuring the environmental safety of transport activities are formulated, which make it possible to demonstrate the need for the establishment of legal regulatory instruments in this area and contributing to their identification. The author concludes that there is a need to develop special documents on cooperation in the environmental safety of the Commonwealth member states, which will make it possible to define general guidelines for the creation and implementation of legal instruments to reduce transport harmful effects on the environment. It is argued that there is a need to bring the legal provisions closer together and to deepen positions on legal support in the area under study, taking into account a number of tasks that lead to integrated approaches.

Keywords: legal regulation; environmental and legal science; environmental protection; ensuring environmental safety; transport activities; Commonwealth of Independent States; integration processes.

References

1. Khotko O.A. Analysis of legislation in the field of protecting the rights of citizens under the negative impact of transport activities. In Trezubov E.S. (ed.). *Tendencii razvitiya yuridicheskoy nauki na sovremennom etape. Sbornik statej Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Trends in the development of legal science at the present stage. Collection of articles of the All-Russian scientific conference with international participation]. Moscow, Prospekt Publ., 2020, pp. 282–291. (In Russian).
2. Moroz O.V. Legal provision of environmental support for economic and other activities. In Makarova T.I. (ed.). *Pravovye mekhanizmy ohrany okruzhayushchej sredy i obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti* [Legal mechanisms for environmental protection and environmental safety]. Minsk, Belarusian State University Publ., 2016, pp. 85–124. (In Russian).
3. Shakhrai I.S. Greening legal regulation towards sustainable development. In Ladutko V.C., Satolina M.N. (eds.). *Ocenka reguliruyushchego vozdejstviya zakonodatel'stva v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti* [Assessment of the regulatory impact of legislation in the field of economic activity]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2020, pp. 207–222. (In Russian).
4. Abanina E.N. Legal support of environmental safety in the territory of the CIS member states: comparative legal analysis. In Anisimov A.P. (ed.). *Diskussionnye problemy teorii ekologicheskogo prava* [Discussion problems of the theory of environmental law]. Moscow, 2020, pp. 404–423. (In Russian).
5. Sukhova E.A. Legal support of environmental safety in the territory of the CIS member states. *Prioritetnye napravleniya razvitiya ekologicheskogo, prirodoresurnogo i agrarnogo prava. Materialy Respublikanskogo kruglogo stola* [Priority directions for the development of environmental, natural resource and agricultural law. Proceedings of the Republican round table]. Minsk, Belarusian State University Publ., 2017, pp. 216–219. (In Russian).
6. Makarova T.I. Problems of legal support of environmental security in the context of integration processes of the Republic of Belarus and the Russian Federation. *Pravovoe obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti v sfere prirodopol'zovaniya i energetiki. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj Godu ekologii v Rossijskoj Federacii* [Legal support of environmental safety in the field of natural resources and energy. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the Year of Ecology in the Russian Federation]. Kazan, Kazan University Publ., 2018, pp. 33–38. (In Russian).

7. Khotko O.A., Chebotareva A.A. Legal issues of international cooperation in the field of environmental safety of transport activities. *Transportnoe pravo i bezopasnost' = Transport Law and Security*, 2021, no. 1, pp. 33–45. (In Russian).

8. Gizzatullin R.Kh. Environmental function of the state and ensuring environmental safety. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2010, no. 2, pp. 70–80. (In Russian).

9. Makarova T.I., Khotko O.A. Introduction of aspects of human rights in the teaching of the discipline «Environmental law». In Konnova E.V., Kuznetsova E.V. (eds.). *Prava cheloveka v kontekste prepodavaniya yuridicheskikh disciplin v vysshej shkole* [Human rights in the context of teaching legal disciplines in higher education]. Minsk, Unipack Publ., 2020, pp. 32–39. (In Russian).

10. Boklan D.S. «Greening» of international economic relations in the context of evolution of concept of sustainable development. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2015, no. 1, pp. 117–134. (In Russian).

11. Brinchuk M.M. *Zakony prirody i obshchestva* [The laws of nature and society]. Moscow, YUrlitinform Publ., 2015, pt. 2. 408 p.

Received: 05.07.2021

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

LEGAL ASPECTS OF PROTECTING THE RIGHTS OF MINORS

УДК 343.13

DOI 10.33184/pravgos-2021.2.16

ЗАЙНУЛЛИН Руслан Ильдарович

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
криминалистики Института права Башкирского
государственного университета, г. Уфа, Россия.*

E-mail: zaynullin083@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-8571-5555

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В статье указывается роль криминалистики в обеспечении уголовного судопроизводства познавательными средствами, позволяющими решать одну из ключевых задач правосудия – осуществление защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и прежде всего несовершеннолетних, а также позволяющими проводить расследование, учитывая психические и физические особенности участников уголовного судопроизводства. **Цель** статьи – выявить и обосновать актуальность проблемы криминалистического обеспечения участия несовершеннолетнего потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Для этого использовались следующие **методы**: эмпирические методы сравнения и описания, теоретические методы формальной и диалектической логики. **Результаты**: выявлен целый ряд проблем, связанных с участием несовершеннолетнего потерпевшего в уголовном судопроизводстве. В этой связи дано теоретическое обоснование необходимости дальнейшего исследования указанной проблематики и создания на этой основе частного криминалистического учения.

Ключевые слова: личность несовершеннолетнего потерпевшего; личность несовершеннолетнего свидетеля; криминалистическое обеспечение участия несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля; криминалистика; криминалистическое учение; криминалистическое изучение личности несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля.

Разрабатывая технический, тактический и методический инструментарий для участников уголовного судопроизводства, ориентированных на достижение истины по уголовным делам, криминалистическая наука стремится тем самым обеспечить их познавательными средствами, позволяющими повысить эффективность работы по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. Решая главные задачи правосудия, отвечающие его назначению, криминалистическая наука помогает с максимальной полнотой и пользой выполнять и возложенные на них законом функции. Среди таких задач первой в УПК РФ названа «защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений» (п. 1 ч. 1 ст. 6).

Вместе с тем, как выясняется, в особой защите нуждаются те группы участников уголовного процесса, возможности которых самостоятельно осуществлять такую защиту, используя предоставленные законом права, существенно ограничены. Такие ограничения могут быть вызваны особенностями психического и физического развития, возрастом участника судопроизводства и иными причинами, преодоление которых без научного обеспечения реализации предоставленных законом прав зачастую оказывается невозможным. К этой группе нуждающихся в помощи, прежде всего, должны быть отнесены несовершеннолетние, ставшие жертвами преступлений, и несовершеннолетние свидетели.

Если сравнивать уровень внимания, с которым на протяжении долгих лет велись в нашей стране научные исследования, имеющие целью обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса, то нетрудно заметить, что подавляющее большинство таких исследований отечественные ученые посвящали преимущественно защите прав несовершеннолетних подозреваемых в совершении преступлений, обвиняемых и подсудимых [1; 2; 3; 4]. Не только уголовно-процессуальные и криминалистические исследования, но и исследования криминологов и специалистов в области уголовного права были в большинстве своем ориентированы на исследование преступности несовершеннолетних, а не на защиту потерпевших от преступ-

плений [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11]. Лишь очень немногочисленные работы были направлены на разработку мер защиты потерпевших от преступлений, причем защиты любых категорий жертв, независимо от возраста и интеллектуально-психического развития, к тому же часто без концентрации внимания и без выделения в особую группу несовершеннолетних участников уголовного процесса, что было особо важно с учетом специфики работы с ними. Криминалистика, во многом зависящая от развития уголовно-процессуальной науки, тоже особо не стремилась уделять внимание научным разработкам, ориентированным на обеспечение деятельности правоохранительных органов соответствующими рекомендациями, в которой так или иначе оказываются задействованы несовершеннолетние потерпевшие или свидетели. И только с принятием УПК РФ 2001 г., а с ним и с провозглашением защиты прав потерпевших в качестве приоритетного направления отечественной уголовно-процессуальной политики ориентация научных исследований на эту сферу деятельности заметно изменилась. Однако число ориентированных на исследование проблем потерпевших рекомендаций, которые касались бы криминалистического обеспечения их участия в расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел, и сегодня остается весьма незначительным. Еще меньше криминалистических работ, посвященных участию в расследовании и судебном разбирательстве несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.

Вместе с тем нельзя не заметить, что даже среди тех научных и методических разработок, которые проводились, преобладали исследования уголовно-процессуальных аспектов участия потерпевших и свидетелей в расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел. Из наиболее известных работ по данной проблематике можно назвать лишь уголовно-процессуальные, и то весьма немногочисленные, исследования [12; 13; 14; 15; 16]. Поэтому мы вынуждены признать, что в исследовании данной проблемы криминалистика заметно отстает и от криминологии, и от уголовного права, и от уголовного процесса. И это несмотря на то, что, по мнению некоторых криминологов, исследование, например, проблем виктимологии начинали именно криминалисты. «До середины XX века, – пишут Д.В. Ривман и Д.В. Устинов, – основным предметом научных исследований в области предупреждения преступлений являлось само преступление, преступность как социальное явление и преступник, что вполне закономерно. Но для практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений этого оказалось недостаточно. Именно потребности практики заставили специа-

листов сыска обратиться к фигуре потерпевшего (жертвы) как к источнику информации о преступлении и необходимому элементу реконструкции события преступления. А это уже область криминалистики, и именно эта наука первой серьезно заинтересовалась феноменом жертвы» [17, с. 4].

Однако до сих пор освещение криминалистических вопросов участия потерпевших и свидетелей в уголовном процессе ограничивается в основном рамками опубликованных учебников по криминалистике [18; 19; 20; 21]. Очевидно, назрела необходимость, осознав актуальность и важность решения данной проблемы, приложить максимум усилий, чтобы криминалистические разработки стали не только привлекательными для ученых, не только активизировались, но и принесли свои плоды как средства научно-криминалистического обеспечения деятельности органов дознания, следствия, прокуратуры, суда и правосудия в целом, вынужденного привлекать несовершеннолетних потерпевших и свидетелей к реализации своих функций и решению собственных задач, имея в виду, что их информированность об обстоятельствах имевшего место преступного события может оказаться уникальной, если не единственно доступной для правоохранительных органов, призванных бороться с преступностью.

Как уже отмечалось, основная масса исследований проблем участия несовершеннолетних в отправлении правосудия была сосредоточена вокруг несовершеннолетних преступников, обвиняемых и подсудимых. Однако не только проблема несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, но и вообще проблема потерпевших (жертв преступлений) в течение многих лет оставалась нерешенной, и прежде всего в практическом плане. «До недавнего времени, – замечает В.Н. Новиков, – в уголовно-процессуальном законодательстве и тем более в правоприменительной деятельности должного внимания обеспечению прав и законных интересов потерпевших не уделялось» [22, с. 177].

Впрочем, этот недостаток научных разработок не был присущ исключительно российской и советской юридической науке и правоохранительной практике. В ряде государств Европы, например в Германии и Франции, также можно было наблюдать «противоестественное отношение к потерпевшему», которое оказалось распространено во многих частях уголовного судопроизводства, где «потерпевший был забытым элементом» [23, с. 157]. И это при том, что количество жертв, только физически пострадавших от посягательств преступников, исчислялось десятками и сотнями тысяч [24, с. 12].

Те же издержки в исследовании феномена потерпевших констатировали и многие практические работники. «Долгое время, – пишет, в частности, известный адвокат В.Ю. Резник, – единственной фигурой на предварительном следствии являлся следователь, и в основном именно на регламентацию его деятельности было направлено уголовно-процессуальное законодательство. В последние годы наметилась тенденция к расширению прав иных участников уголовно-процессуальной деятельности. Происходит расширение, с одной стороны, прав подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений, а с другой стороны – потерпевших» [25, с. 81]. И если «большая часть научных работ, – пишет далее автор, – касающихся предварительного следствия», была посвящена следователю, подозреваемому, обвиняемому, а деятельность адвоката ограничивалась рассмотрением проблем защиты их прав, то естественно, что малоисследованной оставалась при этом «такая функция адвоката, как представление потерпевшего в ходе предварительного следствия» [25, с. 81].

Прошло совсем немного времени, и малоисследованная проблема адвокатской защиты потерпевшего приобрела характер дискуссионной, сохранив на многие годы свою привлекательность для научного анализа. «Проблема участия адвоката в качестве представителя потерпевшего в уголовном судопроизводстве, – справедливо отмечает, в частности, В.В. Горский, – остается остро дискуссионной уже многие годы» [26, с. 100].

В итоге и эта проблема, казавшаяся на первый взгляд сугубо уголовно-процессуальной, постепенно стала привлекать внимание криминалистов. По крайней мере, к проблеме правового регулирования взаимоотношений следователя с несовершеннолетним потерпевшим добавилась не менее серьезная проблема тактики общения с адвокатом, представляющим его интересы при производстве различных следственных действий. В частности, многие следователи вскоре убедились, что трудностей с установлением психологического контакта с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями при появлении фигуры адвоката не стало меньше. Более того, эти трудности приобрели новые оттенки, и не только при производстве допросов несовершеннолетних с участием адвоката, но и иных следственных действий, к которым следователь был вынужден привлекать несовершеннолетнего вместе с его представителем. А это и очная ставка, и следственный эксперимент, и проверка показаний на месте, и предъявление для опознания. Все они неизбежно требовали не только внимательного изучения личности несовершеннолетних потерпевших

и свидетелей, но и грамотного использования полученных данных о личности при определении тактики производства соответствующих процессуальных действий и выборе соответствующих тактических приемов, включая тактику наиболее эффективного применения технико-криминалистических средств, приемов и методов. Криминалистические разработки и решение этих новых проблем, вне всякого сомнения, могли бы создать условия для появления и новых возможностей для следователя, стремящегося с максимальной эффективностью реализовать свои функции и в конечном счете решить общие задачи правосудия. Поэтому такие исследования в криминалистической науке должны стать наиболее важными и перспективными, способными обеспечить решение многих проблем современного уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Галимханов А.Б. Проблемы обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых на предварительном следствии // Проблемы предупреждения и пресечения преступности и иных правонарушений молодежи, защиты их прав : матер. республиканск. науч.-практ. конф. Уфа, 2000. С. 99–102.
2. Рыбальская В.А. Особенности производства по делам о преступлениях несовершеннолетних. Иркутск, 1972. 119 с.
3. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. Красноярск : Изд-во Красноярск. ун-та, 1991. 111 с.
4. Макаренко И.А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования. М. : Юрлитинформ, 2006. 347 с.
5. Долгова А.И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М. : Юрид. лит., 1981. 159 с.
6. Долгова А.И., Ермаков В.Д., Беляева Н.В. Проблемы типологии несовершеннолетних преступников // Вопросы борьбы с преступностью. М. : Юрид. лит., 1976. Вып. 24. С. 12–27.
7. Дремова Н.А. Вопросы мотивации преступлений несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью. М. : Юрид. лит., 1971. Вып. 14. С. 106–114.
8. Миньковский Г.М. Основные направления и этапы борьбы с преступностью несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью. М. : Юрид. лит., 1974. Вып. 20. С. 33–48.

9. Тихонов Ю.С. Особенности возбуждения уголовного дела о преступлениях несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью. М. : Юрид. лит., 1978. Вып. 29. С. 92–100.
10. Панкратов В.В. Преступность несовершеннолетних: изучение и профилактика // Вопросы борьбы с преступностью. М. : Юрид. лит., 1983. Вып. 38. С. 17–23.
11. Литвинов В.И. Причины и условия формирования групп несовершеннолетних, совершающих преступления с корыстной мотивацией // Вопросы борьбы с преступностью. М. : Юрид. лит., 1987. Вып. 45. С. 118–126.
12. Кокорев Л.Д. Потерпевший от преступления. Воронеж : Изд-во Воронежск. ун-та, 1964. 138 с.
13. Савицкий В.М., Потеружа И.И. Потерпевший в советском уголовном процессе. М. : Госюриздат, 1963. 171 с.
14. Якуб М.Л. Показания свидетелей и потерпевших (оценка показаний свидетелей и потерпевших на предварительном следствии и в суде первой инстанции). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. 128 с.
15. Танцеров М.В., Стойко Н.Г. Потерпевший и его функции в уголовном процессе Российской Федерации. Красноярск, 2003. 101 с.
16. Новиков В.Н. Понятие потерпевшего в российском уголовно-процессуальном праве // Воронежские криминалистические чтения. 2004. Вып. 5. С. 177–190.
17. Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2000. 332 с.
18. Порубов Н.И. Особенности допроса несовершеннолетних // Криминалистика / под ред. Р.С. Белкина и Г.Г. Зуйкова. М. : Юрид. лит., 1968. С. 413–415.
19. Особенности тактики допроса несовершеннолетних // Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика. 3-е изд. перераб. и доп. М. : Норма, 2008. С. 593–594.
20. Крылов И.Ф., Гуняев В.А. Тактика допроса несовершеннолетних // Криминалистика / под ред. проф. И.Ф. Крылова. Л. : ЛГУ, 1976. С. 377–379.
21. Тактика допроса несовершеннолетних // Криминалистика : учебник / под ред. Т.А. Седовой и А.А. Эксархопуло. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургск. гос. ун-та, 1995. С. 313–323.
22. Новиков В.Н. Потерпевший в российском уголовно-процессуальном праве // Воронежские криминалистические чтения. 2004. Вып. 5. С. 177.

23. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000. 232 с.

24. Сидоренко Э.Л. Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2000. 308 с.

25. Резник В.Ю. Актуальные проблемы участия адвоката, представляющего потерпевшего, в предварительном следствии // Тактика, методика и стратегия профессиональной защиты : сб. ст. / сост.: В.Н. Карагодин, Л.А. Зашляпин. Екатеринбург : Чароид, 2002. С. 81–84.

26. Горский В.В. Адвокат – представитель потерпевшего: обвинитель или защитник? // Воронежские криминалистические чтения. 2008. Вып. 9. С. 100–108.

Дата поступления: 04.05.2021

ZAINULLIN Ruslan Ildarovich

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia.

E-mail: zaynullin083@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-8571-5555

CRIMINALISTIC PROTECTION OF THE RIGHTS OF MINOR VICTIMS AND WITNESSES. PROBLEM STATEMENT

The paper points out the role of criminalistics in providing criminal proceedings with cognitive tools that allow solving one of the key tasks of justice – protecting the rights and legitimate interests of persons and organizations who have been victims of crimes, and above all, minors who have become victims of crimes and the possibility of conducting investigations taking into account the mental and physical characteristics of participants in criminal proceedings. The **purpose** of the paper is to identify and substantiate the topicality of the problem of criminalistic support for the participation of a minor victim in criminal proceedings. The following **methods** are used: empirical comparison and description methods, theoretical methods of formal and dialectical logic. **Results:** a number of problems are identified regarding the participation of minor victims in criminal proceedings. In that connection, a theoretical justification is provided for the need for further research of the problem and for the establishment of a special criminalistic doctrine on that basis.

Keywords: identity of a minor victim; identity of a minor witness; criminalistic support for the participation of a minor victim and witness; criminalistics; criminalistic doctrine; criminalistic examination of the identity of a minor victim and witness.

References

1. Galimkhanov A.B. Problems of ensuring the rights and legitimate interests of juvenile suspects and accused during the preliminary investigation. *Problemy preduprezhdeniya i presecheniya prestupnosti i inyh pravonarushenij molodezhi, zashchity ih prav. Materialy respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Problems of prevention and suppression of crime and other offenses of young people, protection of their rights. Proceedings of the Republican scientific and practical conference]. Ufa, 2000, pp. 99–102. (In Russian).
2. Rybalskaya V.A. *Osobennosti proizvodstva po delam o prestupleniyah nesovershennoletnih* [Features of the juvenile justice system]. Irkutsk, 1972. 119 p.
3. Kanevsky L.L. *Kriminalisticheskie problemy rassledovaniya i profilaktiki prestuplenij nesovershennoletnih* [Forensic problems of investigation and prevention of juvenile crimes]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Publ., 1991. 111 p.
4. Makarenko I.A. *Lichnost' nesovershennoletnego obvinyaemogo kak ob"ekt kriminalisticheskogo issledovaniya* [The identity of a minor accused as an object of forensic research]. Moscow, YUritinform Publ., 2006. 347 p.
5. Dolgova A.I. *Sotsial'no-psihologicheskie aspekty prestupnosti nesovershennoletnih* [Socio-psychological aspects of juvenile delinquency]. Moscow, YUridicheskaya literatura Publ., 1981. 159 p.
6. Dolgova A.I., Ermakov V.D., Belyaeva N.V. Problems of the typology of juvenile offenders. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu = Anti-Crime Issues*. Moscow, YUridicheskaya literatura Publ., 1976, iss. 24, pp. 12–27. (In Russian).
7. Dremova N.A. Issues of relating to the motivation of juvenile crimes. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu = Anti-Crime Issues*. Moscow, YUridicheskaya literatura Publ., 1971, iss. 14, pp. 106–114. (In Russian).
8. Minkovsky G.M. The main directions and stages of the fight against juvenile delinquency. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu = Anti-Crime Issues*. Moscow, YUridicheskaya literatura Publ., 1974, iss. 20, pp. 33–48. (In Russian).

9. Tikhonov YU.S. Characteristics of initiating criminal proceedings for offences committed by minors. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu = Anti-Crime Issues*. Moscow, YUridicheskaya literatura Publ., 1978, iss. 29, pp. 92–100. (In Russian).

10. Pankratov V.V. Juvenile delinquency: study and prevention. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu = Anti-Crime Issues*. Moscow, YUridicheskaya literatura Publ., 1983, iss. 38, pp. 17–23. (In Russian).

11. Litvinov V.I. Reasons and conditions for the formation of groups of minors who commit crimes with mercenary motives. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu = Anti-Crime Issues*. Moscow, YUridicheskaya literatura Publ., 1987, iss. 45, pp. 118–126. (In Russian).

12. Kokorev L.D. *Poterpevshij ot prestupleniya* [Victim of the crime]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1964. 138 p.

13. Savitsky V.M., Poteruzha I.I. *Poterpevshij v sovetskom ugolovnom processe* [Victim in the Soviet criminal proceedings]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1963. 171 p.

14. YAkub M.L. *Pokazaniya svidetelej i poterpevshih (ocenka pokazanij svidetelej i poterpevshih na predvaritel'nom sledstvii i v sude pervoj instancii)* [Testimony of witnesses and victims (assessment of the testimony of witnesses and victims at the preliminary investigation and in the court of first instance)]. Moscow, Moscow State University Publ., 1969. 128 p.

15. Tancerev M.V., Stojko N.G. *Poterpevshij i ego funkcii v ugolovnom processe Rossijskoj Federacii* [The victim and his functions in the criminal procedure of the Russian Federation]. Krasnoyarsk, 2003. 101 p.

16. Novikov M.A. The victim in criminal procedure. *Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya = Voronezh Criminalistics Readings*, 2004, iss. 5, pp. 177–190. (In Russian).

17. Rivman D.V., Ustinov V.S. *Viktimologiya* [Victimology]. St. Petersburg, YUridicheskij centr Press Publ., 2000. 332 p.

18. Porubov N.I. *Osobennosti doprosa nesovershennoletnih* [Features of interrogation of minors]. In Belkin R.S., Zuikov G.G. (eds.). *Kriminalistika* [Forensics]. Moscow, YUridicheskaya literatura Publ., 1968, pp. 413–415. (In Russian).

19. *Osobennosti taktiki doprosa nesovershennoletnih* [Features of the tactics of interrogating minors]. In Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov YU.G., Rossinskaya E.R. *Kriminalistika* [Forensics]. 3rd ed. Moscow, Norma Publ., 2008, pp. 593–594. (In Russian).

20. Krylov I.F., Gunyaev V.A. *Taktika doprosa nesovershennoletnih* [Interrogation tactics for minors]. In Krylov I.F. (ed.). *Kriminalistika* [Forensics]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1976, pp. 377–379. (In Russian).

21. *Taktika doprosa nesovershennoletnih* [Interrogation tactics for minors]. In Sedova T.A., Exarhopulo A.A. (eds.). *Kriminalistika* [Forensics]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 1995, pp. 313–323. (In Russian).

22. Novikov V.N. Victim in Russian Criminal Procedure Law. *Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya* = *Voronezh Criminalistics Readings*, 2004, iss. 5, pp. 177. (In Russian).

23. SHadrin V.S. *Obespechenie prav lichnosti pri rassledovanii prestuplenij* [Ensuring individual rights in the investigation of crimes]. Moscow, 2000. 232 p.

24. Sidorenko E.L. *Otricatel'noe povedenie poterpevshego i ugovnyj zakon* [Negative victim behavior and criminal law]. St. Petersburg, YUridicheskij centr Press Publ., 2000. 308 p.

25. Reznik V.YU. Actual problems of the participation of a lawyer representing the victim in the preliminary investigation. *Taktika, metodika i strategiya professional'noj zashchity. Sbornik statej* [Tactics, methods and strategy of professional defense. Digest of articles]. Yekaterinburg, Charoid Publ., 2002. pp. 81–84. (In Russian).

26. Gorskiy V.V. Victim advocate: prosecutor or defense counsel? / *Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya* = *Voronezh Criminalistics Readings*, 2008, iss. 9, pp. 100–108. (In Russian).

Received: 04.05.2021

УДК 343.433

DOI 10.33184/pravgos-2021.2.17

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович

*доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
международного права и международных отношений Института
права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия.
E-mail: nigm2004@mail.ru*

БИСЯРИНА Алина Нарисовна

*начальник редакционно-издательского отдела Уфимского
юридического института МВД России, г. Уфа, Россия.
E-mail: alina-bisyarina@mail.ru*

**МИГРАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Пандемия COVID-19 и меры, принятые для ее сдерживания, привели к снижению темпов экономического роста и увеличению безработицы во всем мире. Сложившаяся ситуация не только повысит потоки трудовых мигрантов, но и уязвимость несовершеннолетних перед эксплуатацией и торговлей. **Цель:** раскрыть значение миграционной безопасности в контексте противодействия торговле несовершеннолетними. **Методы:** общетеоретические – формальной и диалектической логики; частнонаучные – юридико-догматический, правового моделирования, сравнительно-правовой. **Результаты:** констатируется, что в целях эффективного противодействия торговле несовершеннолетними следует внедрять и активно реализовывать всеобъемлющие междисциплинарные стратегии, затрагивающие все уровни: от индивидуальной работы с отдельными лицами, в том числе мигрантами, до международного сотрудничества. Указывается, что эффективная миграционная деятельность государства способствует снижению преступности в целом и торговли людьми всех возрастов в частности. Подчеркивается, что в целях обеспечения безопасности детей-мигрантов необходимо повышать степень их управляемости путем решения вопросов внутриведомственного и межведомственного взаимодействия, развития информационного общества и циф-

ровых технологий, активных и качественных действий в сфере воспитания и образования таких детей.

Ключевые слова: несовершеннолетние; миграция; дети-мигранты; торговля несовершеннолетними; миграционная безопасность; противодействие торговле несовершеннолетними.

В настоящее время проблема торговли несовершеннолетними приобрела особую актуальность. Экономические и социальные последствия пандемии COVID-19 существенно увеличили уязвимость несовершеннолетних перед эксплуатацией и торговлей. Известно, что различные кризисы, включая военные конфликты, стихийные бедствия, значительно усугубляют обычные факторы риска торговли людьми всех возрастов¹. Однако в такие периоды преступные деяния часто упускаются из виду по причине необходимости реагирования на кризис.

Пандемия COVID-19 и меры, принятые для ее сдерживания (карантин, ограничения на передвижения, режим самоизоляции и др.), привели к снижению темпов экономического роста и увеличению безработицы во всем мире. В результате потери рабочих мест и доходов множество семей оказались в трудном материальном положении. По данным Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), более 100 млн детей в мире не смогли научиться читать². О последствиях, вызванных пандемией и больше всего ударивших по бедным слоям населения, свидетельствуют выступления на 45-й сессии Совета ООН по правам человека. Так, Специальный докладчик по вопросу о современных формах рабства, включая его причины и последствия, Т. Обоката отметил: «в первом квартале 2020 года во всем мире безработных стало на 135 млн человек больше, а во втором квартале этот показатель увеличился до 305 млн, из них лишь 20 % получают пособие по безработице»³.

Сложившаяся ситуация приведет не только к росту неравенства и бедности, но и к потокам трудовых мигрантов и, как следствие, к новым жертвам торговли людьми всех возрастов. Как справедливо отметила

¹ International Organization for Migration (IOM), Addressing Human Trafficking and Exploitation in Time of Crisis: Evidence and Recommendations for Further Action to Protect Vulnerable and Mobile Populations (December 2015) [Электронный ресурс]. URL : <http://www.undocs.org> (дата обращения: 14.04.2021).

² ООН : офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/03/1399692> (дата обращения: 14.04.2021).

³ Там же.

Специальный представитель ОБСЕ и Координатор по борьбе с торговлей людьми М. Джарбусынова, «в мире, где быстрыми темпами идет процесс глобализации, противодействие торговле людьми будет эффективным только в том случае, если мы осознаем ее взаимосвязь с пестрыми потоками мигрантов и постоянно изменяющимся международным социально-политическим контекстом, в котором происходит этот процесс... На фоне недавнего ужесточения иммиграционных правил пути миграции зачастую становятся более длительными, дорогостоящими и сопряженными с угрозой для жизни. Это ужесточение, ограничивая возможности для легальной миграции, невольно помогает преступникам, промышляющим контрабандой и торговлей людьми»¹.

Вопросы формирования миграционной политики злободневны для всего мира. Сегодня США серьезно озабочены проблемой нелегальной миграции из Латинской Америки, активизировавшейся после отмены Президентом Дж. Байденом миграционных ограничений, действовавших в годы президентства Д. Трампа. Послабление миграционных мер спровоцировало поток несовершеннолетних мигрантов, прибывающих в страну без сопровождения взрослых, с записками на руках, в которых указаны телефоны или адреса родственников, живущих в США. В отличие от взрослых, которых выдворяют обратно, несовершеннолетним разрешают остаться в стране. Стоит отметить, что несовершеннолетние, оставшиеся в чужой стране без внимания родителей, подвергают свою жизнь и здоровье опасности, рискуя попасть в поле зрения различных преступных группировок, в том числе торговцев людьми. На сегодняшний день в центрах временного содержания США находятся более 15,5 тыс. таких несовершеннолетних (только в феврале 2021 г. на границу прибыло более 9,4 тыс. несовершеннолетних – в три раза больше, чем в прошлом году)².

Наряду с этим нередки случаи торговли детьми легальных мигрантов. В 2020 г. на общероссийском телеканале «НТВ» вышел документальный фильм «Похищение русских детей (основано на реальных событиях)». В центре журналистского расследования оказались русские семьи, переехавшие жить за границу, у которых по разным причинам уполномоченные органы страны проживания забрали детей для последующего усыновления/удочерения. Как утверждают мигранты, многих из

¹ ОБСЕ : офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.osce.org/ru/magazine/315236> (дата обращения: 11.03.2021).

² Новости : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/politics/45826123/?frommail=1&exp_id=913 (дата обращения: 06.04.2021).

них по выдуманным причинам лишили родительских прав. Они считают, что страна проживания рассматривает их детей как свою собственность (многие дети вообще не имеют гражданства страны проживания), а изъятие детей социальными службами и передача их в новые семьи напоминает хорошо налаженный бизнес. Вместо оказания помощи в трудоустройстве, поиске жилья, определении детей в детские сады и школы социальные службы рассматривают вопрос об изъятии детей из семьи.

Причины, по которым забирают детей у мигрантов, оказавшихся в состоянии нужды, разные. Так, в Швеции выплачиваются большие пособия на содержание детей, в Италии низкий естественный прирост населения и большая его часть – пожилые люди, в других странах, где разрешены однополые браки, – отсутствие возможности иметь своих детей и т. п. По итогам журналистского расследования заключается, что коррумпированные должностные лица забирают детей у мигрантов и за вознаграждение передают их в приемные семьи, преследуя только материальную выгоду, превращая тем самым детей в предмет торговли. Ювенальная юстиция, предназначенная для обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, из-за коррумпированности отдельных должностных лиц превращается в площадку для торговли детьми¹.

З.П. Хайдарзода, сфокусировав внимание на не менее актуальной проблеме для Республики Таджикистан – трудовой миграции, констатировал, что она негативно влияет на семейные отношения, становясь причиной их распада. В большинстве таких случаев психологический и моральный вред причиняется детям и женщинам, что ведет к увеличению количества суицидов среди женщин, совершению ими преступлений, занятию проституцией и вербовке таких женщин и их детей наркоторговцами, торговцами людьми, террористическими и экстремистскими группами [1, с. 31–32].

Проблема миграции важна и для Российской Федерации. По данным ООН, по числу мигрантов, находящихся на территории нашей страны, Россия занимает четвертое место в мире после США, Германии и Саудовской Аравии².

¹ Похищение русских детей (основано на реальных событиях): проект НТВ, 2020 [Электронный ресурс]. URL: http://documentalfilms.ucoz.ru/load/raznoe/osnovano_na_realnykh_sobytiyakh_cikl_peredach/osnovano_na_realnykh_sobytiyakh_pokhishhenie_russkikh_detej/197-1-0-44528 (дата обращения: 01.07.2020).

² ООН : офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1394392> (дата обращения: 14.04.2021).

Правовую основу миграционной политики Российской Федерации составляет ряд различных по статусу документов, среди них федеральные законы от 19 февраля 1993 г. № 4528-І «О беженцах», от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», постановления Правительства РФ от 9 апреля 2001 г. № 274 «О предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации», от 15 января 2007 г. № 9 «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», от 17 января 2007 г. № 21 «Об утверждении Правил подачи иностранным гражданином или лицом без гражданства уведомления о подтверждении своего проживания в Российской Федерации», от 13 ноября 2012 г. № 1162 «Об утверждении Положения об осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции» и др.

А.Ф. Малый, отмечая жесткое правовое регулирование миграционных отношений, в то же время обращает внимание на определенную гибкость российского миграционного законодательства [2, с. 74]. Примером доброжелательной миграционной политики является инициатива, озвученная 16 апреля 2021 г. на очередном заседании Межпарламентской Ассамблеи СНГ Председателем Совета руководителей миграционных органов государств – участников СНГ, первым заместителем министра внутренних дел РФ А.В. Горовым, который призвал страны СНГ усилить профилактическую работу среди своих граждан, находящихся на территории России, чтобы дело не дошло до их принудительного выдворения¹.

Понимая значимость проблемы миграции для национальной безопасности, 31 октября 2018 г. Президент РФ В.В. Путин подписал Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы»². Во исполнение данного указа был подготовлен и утвержден План мероприятий по реализации в 2020–2022 гг. Кон-

¹ Газета.ru : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/04/16/n_15869390.shtml (дата обращения: 19.04.2021).

² О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.04.2021).

цепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы¹. Концепцией предполагается совершенствование миграционного законодательства, установление простых, понятных для граждан и исполнимых правил [3, с. 370–373]. Это особенно важно, если учесть, что сегодня насчитывается более 240 нормативно-правовых актов, регулирующих эту сферу. Неслучайно некоторые ученые высказались за создание миграционного кодекса [4, с. 29–30].

К сожалению, определенная часть миграции происходит по нелегальным каналам, что делает мигрантов всех возрастов еще более уязвимыми перед эксплуатацией и торговлей. Правоохранительным органам выявить и изобличить преступников, специализирующихся на торговле нелегальными мигрантами всех возрастов, довольно сложно, так как потерпевшие, как правило, не обращаются за помощью. О масштабах нелегальной миграции и торговли мигрантами и их детьми можно только догадываться, так как эти данные нигде не отражаются. К примеру, в специальной литературе сообщается, что число нелегальных мигрантов только в России составляет 1,2 млн человек [5, с. 7].

Вполне обоснованно С.Р. Абрамова и И.В. Усманов указывают, что сложности, с которыми сталкиваются правоохранительные органы при выявлении торговли несовершеннолетними, обусловлены рядом причин, таких как повышенная латентность торговли несовершеннолетними; возраст потерпевшего; организованная преступная деятельность в этой сфере; недостаточно контролируемые государственными органами процессы миграции; возможность маскировки преступлений под законную деятельность (усыновление купленного ребенка, открытие туристических фирм, благотворительных фондов и др.); нежелание потерпевших сотрудничать со следствием; отсутствие опыта и квалификации сотрудников правоохранительных органов [6, с. 75–79]. Вместе с тем существенно усложняет противодействие торговле несовершеннолетними то обстоятельство, что Россия – это страна происхождения жертв торговли несовершеннолетними, торгующая и покупающая, а также страна транзита [5, с. 16–19].

Негативно сказывается на безопасности, социализации и будущей профессиональной успешности детей-мигрантов в Российской Федерации отсутствие у уполномоченных органов достоверных сведений

¹ О плане мероприятий по реализации в 2019–2021 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : распоряжение Правительства РФ от 22.02.2019 № 265-р [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.04.2021).

о фактическом их количестве в стране. Незнание масштаба проблемы не позволяет ответственным лицам, ориентированным на работу с детьми, достаточно эффективно решать задачи по определению детей-мигрантов в дошкольные и образовательные организации, оказанию медицинской и социальной помощи, устранению различных угроз и др.

Как отметила Председатель Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре Л.С. Гумерова на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, состоявшемся 30 марта 2021 г., сегодня в российских школах учится около 140 тыс. детей-мигрантов, однако цифры, предоставленные разными ведомствами, иногда отличаются. «В этой связи предлагаем создать единую систему учета детей мигрантов, единую базу данных, чтобы мы четко видели, сколько в Россию въехало детей, сколько осталось, чем они заняты, какие необходимы меры социальной заботы государства, поскольку речь идет о будущих гражданах нашей великой страны», – подчеркнула Л.С. Гумерова, заметив, что в России никогда не было «чужих детей»¹.

На наш взгляд, для успешной работы единой системы учета детей-мигрантов на каждого ребенка необходимо создать запись, которая будет содержать: фамилию, имя, отчество; пол; дату и место рождения; адрес регистрации и проживания; данные акта о рождении и паспорта (после его получения); сведения о родителях; сведения о месте и периоде обучения; информацию о прикреплении к медицинской организации и др. Ежегодный анализ имеющейся информации позволит выявлять, например, детей-мигрантов, не посещающих дошкольные и школьные организации, медицинские учреждения, и своевременно реагировать на эти факты.

Еще одна проблема – поддержание данной системы в актуальном состоянии, что требует разработки правил размещения информации и работы в системе. Внедрение цифровых технологий открывает новые возможности по обработке, поиску, хранению, передаче и представлению данных, в том числе и о детях-мигрантах. В результате цифровизации упростится механизм внутриведомственного и межведомственного взаимодействия, значительно сэкономится время и в конечном итоге повысится эффективность работы. О понимании важности вопросов развития информационного общества, внедрения цифровых технологий, повышения информированности и цифровой грамотности населения

¹ Президент России : офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/councils/65252> (дата обращения: 31.03.2021).

свидетельствует принятие ряда документов, среди них указы Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», и др.

Нельзя оставить в стороне и вопросы внутриведомственного и межведомственного взаимодействия, которые также требуют четкой регламентации. Данная работа должна проводиться в тесном взаимодействии органов миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства Российской Федерации с Уполномоченным при Президенте РФ по правам ребенка, уполномоченными по правам ребенка в субъектах Российской Федерации, Министерством просвещения РФ, Министерством здравоохранения РФ, Прокуратурой РФ и другими заинтересованными службами.

Обеспечение прав и законных интересов детей-мигрантов в настоящее время невозможно без учета максимально широкого спектра мнений, сложившихся в обществе. Важное место в обеспечении информацией как официального, так и неофициального характера сегодня занимают социальные сети [7, с. 127]. Именно социальные сети являются фактором, обеспечивающим дополнительную защиту детям-мигрантам от преступных посягательств.

В целях быстрой адаптации детей-мигрантов к новым условиям, обеспечения их безопасности также необходимо повышать качество воспитательных и образовательных мер. Так, формирование активной и правильной системы обучения и взаимоотношений между педагогом и ребенком из семьи мигрантов поможет не только безопасно интегрировать детей мигрантов в общество, но и подготовить молодых специалистов. При этом нельзя допускать сегрегацию. В научных исследованиях по данной проблеме справедливо указывается: «Ни в коем случае нельзя создавать отдельные учебные заведения для обучения иноэтничных детей мигрантов, даже на ступени начальной школы... Уровень концентрации детей-мигрантов в одной школе должен быть не более 50 % контингента, и школы при этом должны быть полиэтничными» [8, с. 125]. Т.Ф. Ушева и Н.А. Мункоева среди важных условий гармоничной адаптации детей из семей мигрантов выделяют: активное включение их в

социокультурную среду образовательной организации и на ее базе позитивное межкультурное общение [9, с. 47–57].

Подводя итог, отметим, что эффективная миграционная политика государства способствует снижению как преступности в целом, так и торговли людьми всех возрастов в частности. Нами уже подчеркивалось, что торговля людьми всех возрастов – сложное явление, требующее комплексного подхода к вопросам противодействия ей. В современном мире проблема торговли людьми всех возрастов и выработки эффективных стратегий противодействия является межотраслевой. Соответственно, следует внедрять и активно реализовывать всеобъемлющие междисциплинарные стратегии, затрагивающие все уровни: от индивидуальной работы с отдельными лицами, в том числе мигрантами, до международного сотрудничества [10, с. 67]. В частности, важную роль в обеспечении безопасности детей-мигрантов могут сыграть развитие информационного общества и цифровых технологий, создание отлаженного механизма внутриведомственного и межведомственного взаимодействия, активные действия в сфере воспитания и образования таких детей.

Библиографический список

1. Хайдарзода З.П. Правовые и организационные основы деятельности органов внутренних дел Республики Таджикистан по противодействию торговле людьми : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 276 с.
2. Малый А.Ф. Миграционная политика: законодательное воплощение и правореализация в России // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 3 (61). С. 73–82.
3. Нигматуллин Р.В., Сулейманова Р.Р. Миграционная политика государства как фактор его стабильности в современном мире // Евразийский юридический журнал. 2018. № 12 (127). С. 370–373.
4. Матвиенко А.В. Региональные социально-экономические аспекты торговли людьми в современном мире : дис. ... канд. геогр. наук. Краснодар, 2011. 180 с.
5. Карпович О.Г. Управление миграционными процессами в США и России: сравнительный анализ. М. : Наука, 2015. 194 с.
6. Абрамова С.Р., Усманов И.В. Особенности обнаружения признаков преступления и возбуждения уголовного дела о торговле несовершеннолетними // Вестник криминалистики. 2007. № 3. С. 75–79.
7. Сулейманова Р.Р. Социальные сети и их роль в формировании имиджа региона (на примере Республики Башкортостан) // Актуальные

проблемы коммуникации: теория и практика : матер. X Всерос. науч.-практ. конф. Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. С. 127–131.

8. Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге. М. : Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), 2012. 168 с.

9. Ушева Т.Ф., Мункоева Н.А. Социальная адаптация детей-мигрантов в общеобразовательной школе // Russian Journal of Education and Psychology. 2019. Т. 10, № 8. С. 47–57.

10. Торговля людьми: международно-правовые и внутригосударственные проблемы противодействия : моногр. / Р.В. Нигматуллин, Р.Р. Каримов, А.А. Романов, А.И. Казамиров ; под ред. Р.В. Нигматуллина. Уфа : УЮИ МВД России, 2013. 136 с.

Дата поступления: 31.05.2021

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of International Law and International Relations of the Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia.

E-mail: nigm2004@mail.ru

BISYARINA Alina Narisovna

Head of the Editorial and Publishing Department of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia.

E-mail: alina-bisyarina@mail.ru

**MIGRATION SECURITY IN THE CONTEXT
OF COUNTERACTING TRAFFICKING IN MINORS
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

The COVID-19 pandemic and the measures taken to contain it have led to lower economic growth and increased unemployment worldwide. The current situation will not only increase the flow of migrant workers, but also the vulnerability of minors to exploitation and trafficking. **Purpose:** to reveal the importance of migration security in the context of counteracting trafficking in minors. **Methods:** the authors use general theoretical methods of formal and dialectical logic and such special scientific methods as legal-dogmatic, legal modeling, comparative legal. **Results:** it is stated that in order to effectively counteract trafficking in minors, comprehensive interdisciplinary strategies

should be adopted and actively implemented, affecting all levels ranging from face-to-face work with individuals, including migrants, to international cooperation. It is pointed out that effective migration by the state contributes to reducing crime in general and trafficking in persons of all ages in particular. It is emphasized that in order to ensure the safety of migrant children, there is a need to improve their governance by addressing issues of intra- and inter-agency interaction; the development of the information society and digital technologies; active and high-quality actions in the field of upbringing and education of such children.

Keywords: minors; migration; migrant children; trafficking in minors; migration security; counteracting trafficking in minors.

References

1. Khaidarzoda Z.P. *Pravovye i organizacionnye osnovy deyatel'nosti organov vnutrennih del Respubliki Tadjikistan po protivodejstviyu trgovle lyud'mi* Kand. Diss. [Legal and organizational framework for the activities of the internal affairs bodies of the Republic of Tajikistan in combating trafficking in persons. Cand. Diss.]. Moscow, 2019. 276 p.
2. Malyi A.F. Migration policy: legislative embodiment and legal implementation in Russia. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2020, no. 3 (61), pp. 73–82. (In Russian).
3. Nigmatullin R.V., Suleimanova R.R. State migration policy as a factor of its stability in the modern world. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2018, no. 12 (127), pp. 370–373. (In Russian).
4. Matvienko A.V. *Regional'nye social'no-ekonomicheskie aspekty trgovli lyud'mi v sovremennom mire*. Kand. Diss. [Regional socio-economic aspects of human trafficking in the modern world. Cand. Diss.]. Krasnodar, 2011. 180 p.
5. Karpovich O.G. *Upravlenie migracionnymi processami v SSHA i Rossii: sravnitel'nyj analiz* [Migration Management in the United States and Russia: A Comparative Analysis]. Moscow, Nauka Publ., 2015. 194 p.
6. Abramova S.R., Usmanov I.V. Features of detecting signs of a crime and initiating a criminal case on trafficking in minors. *Vestnik kriminalistiki = Bulletin of Criminalistics*, 2007, no. 3, pp. 75–79. (In Russian).
7. Suleimanova R.R. Social networks and their role in shaping the image of the region (on the example of the Republic of Bashkortostan). *Aktual'nye problemy kommunikacii: teoriya i praktika. Materialy X Vserossijs-*

koj nauchno-prakticheskoy konferencii [Actual problems of communication: theory and practice. Proceedings of the X All-Russian Scientific and Practical Conference]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2018, pp. 127–131. (In Russian).

8. *Polozhenie detej migrantov v Sankt-Peterburge* [Situation of migrant children in St. Petersburg]. Moscow, United Nations Children's Fund (UNICEF) Publ., 2012. 168 p.

9. Usheva T.F., Munkoeva N.A. Social adaptation of migrant children in a comprehensive school. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2019, vol. 10, no. 8, pp. 47–57. (In Russian).

10. Nigmatullin R.V., Karimov R.R., Romanov A.A., Kazamirov A.I.; Nigmatullin R.V. (ed.). *Torgovlya lyud'mi: mezhdunarodno-pravovye i vnutrigosudarstvennye problemy protivodejstviya* [Trafficking in human beings: international legal and domestic problems of counteraction]. Ufa, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2013. 136 p.

Received: 31.05.2021

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

УДК 340.111

DOI 10.33184/pravgos-2021.2.18

ГАЛИЕВ Фарит Хатипович

доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия.

E-mail: galievfarkhat@mail.ru

ИСМАГИЛОВ Рашид Фаатович

доктор юридических наук, профессор, профессор Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: filippova@lotpp.ru

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович

доктор юридических наук, профессор, президент Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ О ПРАВЕ

Рецензия-размышления на монографию С.И. Захарцева

«Право: новые идеи и прочтения. – М. :

Юрлитинформ, 2021. – 440 с.»

В рецензии анализируется книга С.И. Захарцева «Право: новые идеи и прочтения». **Цель:** проанализировать взгляды С.И. Захарцева на предлагаемую им в монографии компрехендную теорию права и выдвинутые науковедческие вопросы. **Методы:** при анализе данного исследования были использованы эмпирические методы описания, сравнения, интерпретации, толкования, а также формальной и диалектической логики. **Результаты:** рецензенты пришли к выводу об актуальности данной

работы и ее полезности широкому кругу специалистов: профессорско-преподавательскому составу, ученым, практикам, соискателям.

Ключевые слова: юридическая наука; право; научные проблемы; идеи; предложения; компрехендный подход.

С.И. Захарцев относится к числу ученых, которые непрерывно стремятся размышлять о праве и юридической науке. Размышления проверяются научными исследованиями, что затем отражается в интересных статьях и монографиях. Мы, как, собственно, и все юристы, тепло приветствуем новые работы таких специалистов. Они наполняют юридическую науку свежестью взглядов и идей.

В марте 2021 г. С.И. Захарцев выпустил очередную монографию, которая так и называется: «Право: новые идеи и прочтения» [1]. Книга состоит из семи глав, каждая из которых по-своему разносторонне отражает право. Собственно, познание права С.И. Захарцев и видит в разностороннем, объективном, деидеализированном, деидеологизированном подходе, без господства какой-либо концепции. Как пишет автор, чем объективней будет оцениваться право как сложное, противоречивое, многогранное социальное явление, чем четче будут вскрываться все его противоречия и изъяны, сильные и слабые стороны, возможности и пределы этих возможностей и т. д., тем скорее получится прийти к познанию права [1, с. 30–31]. Такой подход он назвал компрехендным (от лат. *comprehen* – всеохватываемость, *comprehdo* – всеохватывающий).

Предметом разработанной С.И. Захарцевым теории компрехендного изучения права является само право как сложное, противоречивое, многоаспектное, динамично меняющееся социальное явление, оцениваемое без господства какой-либо правовой концепции [2; 3; 4; 5; 6]. Эта теория получила много положительных откликов российских и зарубежных специалистов, переведена на несколько иностранных языков и достаточно популярна среди философов права [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23]. При этом С.И. Захарцев не забыл написать, что значительное число положений своей теории он продумал вместе с известным петербургским юристом и философом В.П. Сальниковым [24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31], который выступил рецензентом изданной книги. Мы приветствуем уважительное и отменно корректное отношение ученых друг к другу.

В книге нам особенно понравилась четвертая глава. Ее С.И. Захарцев полностью посвятил актуальным проблемам современной юридической науки. Мы хотим поблагодарить С.И. Захарцева за столь ин-

интересное и содержательное исследование и обратить особое внимание на поднятую им проблему невостребованности многих научных работ в законодательной практической деятельности.

Увы, как верно заметил С.И. Захарцев, научные выводы монографических и диссертационных исследований реализуются медленно или вообще не реализуются законодателем. Результаты научных исследований, сформулированные в виде конкретных предложений по внесению изменений в законодательство, в своем абсолютном большинстве остаются лишь «на бумаге». Это объясняется отсутствием должной связи между учеными-правоведами и законодательными органами. Множество интересных и дельных предложений вообще не изучаются [1, с. 192].

При этом в аппаратах законодательных органов отсутствуют подразделения, в задачу которых входило бы изучение результатов научных исследований. Равно как в научных советах и учреждениях нет подразделений по доведению выводов и предложений ученых до логического конца. В итоге выводы специалистов остаются в монографиях, научных статьях, диссертациях, где подчас и «умирают». Необходимость при подготовке диссертаций апробации результатов исследований тоже не дает большого эффекта.

Автором сформулировано интересное предложение: создать научный центр, в задачу которого входило бы доведение предложений ученых до законодателей. С.И. Захарцев понимает проблемы создания такого центра. Во-первых, он не сможет «переварить» все предложения специалистов. Во-вторых, этими предложениями можно «завалить» на многие годы вперед как сам центр, так и законодательные структуры. В-третьих, нельзя все предложения специалистов сразу передавать парламенту, в особенности, в-четвертых, с учетом полярности взглядов на отдельные проблемы [1, с. 192–194]. Есть и другие объективные проблемы.

Однако мы согласны с С.И. Захарцевым в том, что функция реализации научных предложений в области права нужна. Соответственно, нужен и орган, претворяющий эту функцию в жизнь. В качестве рабочего варианта функционирования системы реализации научных предложений можно предложить такой. Представляется, что должна существовать определенная и разноуровневая система оценки предложений. Например, если специалист проанализировал практику применения законодательства, пришел к выводу, что необходимо внести коррективы в закон, апробировал результаты, то он должен получить по этому поводу заключение научного учреждения. Это научное учреждение (им может

выступать вуз, НИИ, диссертационный совет) должно направить предложения ученого в научный центр, где их должны изучить специалисты и после их экспертной оценки направить в соответствующую парламентскую комиссию или аппарат для проработки, а затем для внесения на рассмотрение парламентом или законодательным органом субъекта Российской Федерации.

По большому счету, ничего оригинального в такой схеме нет. Она схожа с существующим порядком оценки диссертационных исследований. Но при рассмотрении диссертаций экспертный совет ВАК оценивает, достойна ли работа присуждения искомой ученой степени. Однако экспертный совет не отвечал за «продвижение» результатов исследований, а потому часто получалось так: автор актуальной работы, содержащей важные предложения, получал искомую ученую степень, но его идеи и предложения нигде не реализовывались. Бывало и так, что идеи реализовывались спустя какое-то время, когда необходимость внесения изменений, что называется, «перезрела». А депутаты потом высказывали недоумение: а где были ученые раньше, хотя важность и срочность изменений давно сформулированы в диссертациях, в которых имелись и соответствующие законопроекты.

Применительно к диссертациям, если в них содержатся конкретные предложения по совершенствованию законодательства, то по ходатайству диссертационного совета их тоже нужно направлять в научный центр для оценки и реализации [32].

Нам представляется, что предложенный С.И. Захарцевым путь, с одной стороны, должен повысить статус научно-правовых учреждений, с другой стороны, усилить ответственность этих учреждений. Ученые и законодатели должны двигаться навстречу друг другу, поэтому должна быть больше распространена практика экспертных правовых оценок законопроектов, при необходимости – их широкое обсуждение в научной среде.

Надо учитывать и то, что далеко не все парламентарии по образованию юристы. Это естественно и нормально. История показывает, что политическая деятельность нередко связана не столько с юридическим, сколько с экономическим, политологическим, социологическим и даже военным образованием. Поэтому парламентарии всегда были заинтересованы в помощи ученых-юристов.

Сейчас, объективно говоря, имеется разрыв между практикой, законом и наукой. Например, принятый закон декларирует одно, в практической деятельности требования закона подчас коверкаются, изменяются, извращаются или просто не выполняются в силу разных причин.

Иногда эти причины объективны, иногда нет. Такие процессы выявляются наукой. Она выявляет несоблюдение закона, вскрывает причины этого, формулирует предложения, которые отражаются в научных (в первую очередь монографических и диссертационных) работах. И далее эти предложения остаются невостребованными. Затем появляется новый исследователь, который вскрывает те же самые, уже известные проблемы, добавляет в них авторские уточнения, подчас не носящие принципиального характера, и защищается новая диссертация. Но на этом движение по кругу не заканчивается, и спустя незначительное время появляется новый специалист, «вскрывающий» те же проблемы, формулирующий схожие выводы, справедливо настаивающий на том, что необходимость внесения поправок в закон уже перезрела. Но, как в старой поговорке, воз нередко и ныне там.

А ведь значительная часть предложений по совершенствованию законодательства носит технический характер. Во многих законах не хватает четкого понятия, уточнения, дополнения нескольких слов, а подчас даже запятой. Эти предложения при реализации только улучшат и упростят закон, совершенно не меняя его духа и не требуя значительных временных, финансовых и прочих затрат. Однако и подобные законопроекты редко реализуются.

Кроме того, С.И. Захарцев обосновал целесообразность перед обсуждением того или иного закона публикации пояснительной записки к нему. Это тоже важный шаг к сближению парламентариев и ученых [1, с. 195–198].

В пояснительной записке обычно указываются: актуальность принятия закона, его приоритеты и основные моменты, подлежащие изменению. Поскольку многие депутаты не юристы (а если и юристы, то необязательно специалисты по отрасли принимаемого законопроекта), они, чтобы понять смысл предлагаемых изменений, в первую очередь читают этот пояснительный документ, исходя из которого нередко и голосуют. Именно прочитав эту записку, можно понять, что особенно важно в предлагаемом законе, о чем именно думали депутаты, принимая его, и, наконец, почему закон приняли именно в конкретный момент, ни раньше, ни позже.

В монографии предлагается установить практику, что пояснительные записки (равно как и объемные законопроекты, например, кодексы) должны публиковаться в момент их поступления на рассмотрение Государственной Думой. Это позволит ученым быстрее включаться в процесс обсуждения и не допускать ошибок и неточностей в праве [1, с. 196].

С.И. Захарцев отметил и другой серьезный дефект современных монографических и диссертационных исследований по юриспруденции: в них практически никогда не учитывается и не прогнозируется экономический эффект от полученных результатов и сформулированных предложений [1, с. 198].

Многие ученые популярно показывали, что наука начинается с вычислений. Подсчеты очень нужны, ведь предложения и выводы при реализации в законе могут иметь серьезнейшие последствия как политического, так и экономического характера. Высказываемые в конституционном праве идеи о возвращении прямых выборов губернаторов требуют серьезных экономических затрат. В таможенном праве изменения ТК РФ могут значительно увеличить либо также значительно снизить доходность бюджета России. В земельном праве некоторые предлагаемые изменения требуют колоссальных экономических вложений, которые диссертантами просто не рассматриваются, и т. д.

В результате законодательной реализации тех или иных предложений государство потратит огромные деньги. Окупятся ли они? И так ли уж принципиальны в экономически непростой период подобные траты? Россия в настоящее время живет в рыночной экономике. Соответственно, при формулировании выводов и предложений надо обязательно понимать, во-первых, затраты на реализацию предложений, во-вторых, экономические последствия. Ведь монографию или диссертацию можно рассматривать и как проект по улучшению правового регулирования каких-либо отношений. Любой проект, за исключением сугубо теоретического, должен быть просчитан, определена его стоимость, затраты, выгоды. К сожалению, этого часто не происходит.

Необходимость экономических подсчетов точно показал и М.А. Клеандров. Он обратил внимание на то, что довольно часто обосновываются и вносятся предложения, в том числе федеральным законодателем, которые у нас попросту не могут быть реализованы. И нормы ряда принимаемых законов, и некоторые предложения отдельных диссертантов (может быть, послужившие теоретической основой для этих норм?) рассчитаны для реализации в идеальном обществе, до которого России еще далеко. Поэтому стоит ли удивляться тому, что законы наши часто не исполняются либо исполняются с точностью до наоборот, тому, что некоторые законы отдельные граждане пытаются «приспособить» под себя для использования в личных корыстных интересах (пример – законодательство о банкротстве) [33, с. 52].

Мы, разумеется, не предлагаем впадать в крайность. Монография по юриспруденции не должна быть посвящена экономическим расчетам. Однако учитывать расходы на реализацию предложений, понимать экономический эффект очень важно. И конечно, затраты должны соотноситься с пользой от реализации предложений.

При этом, помимо экономического эффекта, существует еще политический эффект, социальный эффект и др. Иначе говоря, конкретная польза от изменений, основанных на результатах проведенных исследований. Но эта польза тоже далеко не всегда прогнозируется, оценивается и даже упоминается в работах [1, с. 200].

Вместе с тем наш опыт показал, что исследователи не всегда видят или ставят перед собой конечную цель работы. Приведем пример. Ученые частично изучили нормативно-правовой акт, нашли имеющиеся упущения, подготовили предложения. Но если с этими предложениями согласиться и принять их, ничего принципиально не изменяется. Почему? Да потому, что сам нормативно-правовой акт несовершенен (например, устарел), не соответствует реалиям времени и нуждается в фундаментальных изменениях. То, что в его незначительную часть внесут дополнения, правового регулирования в целом не улучшит. В итоге, как верно заметил С.И. Захарцев, жалко трудов отдельных специалистов.

Кстати, С.И. Захарцев обратил внимание еще на одну проблему, ставшую в юриспруденции уже науковедческой: смешение монографий, учебных пособий и учебников [1, с. 212–213]. Зачастую учебник или учебное пособие подготовлены как монография, фактически представляют собой самостоятельное исследование или несколько обобщенных исследований. В то же время содержание достаточно большого количества монографий носит описательный характер, в них отсутствует постановка вопросов, исследовательская часть, обоснованный вывод. Воистину, как будто кто-то специально смешал понятия, чтобы всех запутать.

В Советском Союзе проблема смешения монографий, учебников и учебных пособий по юриспруденции тоже была. Но она была связана с другими причинами. Как вспоминал Р.С. Белкин, всесоюзное издательство «Юридическая литература» не могло «переварить» всех желающих издать монографии юристов. Поэтому многие ученые издавали их под видом учебных пособий [34].

Мы согласны с мнением ученых, обосновывавших, что научно-исследовательские работы следует более-менее четко разграничивать на теоретические, прикладные исследования и научные разработки. Теоретическое исследование связано с совершенствованием и развитием по-

нятийно-категориального аппарата юридической науки и направлено на всестороннее познание объективной реальности, в первую очередь выяснение ее существенных связей и закономерностей; прикладные исследования – это исследования, направленные на решение конкретных социально-практических проблем юридической науки; научные разработки – на разрешение научных проблем, связанных с созданием новых методик, рекомендаций, применением новых форм закона и т. д. параллельно с совершенствованием существующих.

Анализируя состояние юридической науки, мы приходим к выводу, что в ней в настоящее время явно не хватает фундаментальных исследований. Поэтому рецензируемая книга С.И. Захарцева как никогда кстати. Она же показывает, насколько высок уровень этого ученого в современной науке.

Завершая рецензию, следует сказать, что книга С.И. Захарцева оставляет приятное впечатление. Она будет полезна профессорско-преподавательскому составу вузов, ученым и практикам. Мы также рекомендуем ее нашим парламентариям и другим работникам государственного аппарата.

Монография сложна для первокурсников, но без нее не обойдутся магистранты, аспиранты и соискатели. Книга содержит много новых интересных идей, которые просто необходимо развернуть в самостоятельные диссертационные исследования.

Хотим поблагодарить С.И. Захарцева за написание столь солидного и актуального для современной науки труда. Желаем, чтобы перо ученого не засыхало!

Библиографический список

1. Захарцев С.И. Право: новые идеи и прочтения : моногр. М. : Юрлитинформ, 2021. 440 с.
2. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / под ред. В.П. Сальникова. М. : Норма, 2014. 208 с.
3. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука : моногр. М. : Юрлитинформ, 2019. 424 с.
4. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М. : Юрлитинформ, 2015. 264 с.
5. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права : моногр. М. : Юрлитинформ, 2019. 376 с.

6. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.

7. Антонов И.А., Кондрат И.Н., Числов А.И., Шахматов А.В. Уголовный процесс и ОРД однозначно одинаково правовые науки. О вкладе профессора С.И. Захарцева в становление юридической оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С. 175–184.

8. Баранов В.М. Российская книга по философии права и юриспруденции на английском языке. Рецензия-презентация монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова (The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородск. акад. МВД России. 2018. № 1 (41). С. 304–307.

9. Баранов В.М., Баранова М.В. Нравственно-правовые проблемы идеи свободы в фокусе классической и неклассической философии права. Рецензия на монографию «Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права)» (под ред. С.И. Захарцева). М.: Юрлитинформ, 2020. 288 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородск. акад. МВД России. 2020. № 4 (52). С. 159–162.

10. Борзова Е.П., Покровский И.Ф. Замечательная публикация в Кембридже уникальной книги. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» (М.: Юрлиинформ, 2015. 264 с.) и ее перевод: (S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018) // Мир политики и социологии. 2018. № 2. С. 188–192.

11. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Когда рецензию писать не только приятно, но и почетно. О книге С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука», переведенной на английский язык и изданной в Кембридже: Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. – 270 p. // Правовое государство: теория и практика. 2018. Т. 2, № 52. С. 206–208.

12. Загоруйко К.Ф. 2015.01.004. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / под ред. Сальникова В.П. – М.: Норма, 2014. – 207 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.: Государство и право. 2015. № 1. С. 21–24.

13. Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия.

Философия права. Юридическая наука». – М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 78–85.

14. Керимова Т.В. Классическая монография о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 5. С. 168–172.

15. Комаров С.А., Хабибулин А.Г. Новая работа петербургских ученых по философии права // Теория государства и права. 2020. № 1 (17). С. 193–208.

16. Кузнецов Э.В., Масленников Д.В., Покровский И.Ф., Экимов А.И. Английская версия российского издания S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018 // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 9. С. 191–194.

17. Масленников Д.В., Гук А.И., Числов А.И. Философско-правовые работы С.И. Захарцева: от происхождения права до перспектив правового бытия // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 4. С. 194–200.

18. Покровский И.Ф., Гук А.И. Когда философия и право снова вместе. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. 2015. № 7. С. 184–190.

19. Покровский И.Ф., Исмагилов Р.Ф., Гук А.И. Действительно, философия и право снова вместе в исследовании современных научных мыслителей. Некоторые идеи по поводу рецензии Д.А. Керимова и монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 9. С. 196–200.

20. Рахимзода Р.Х., Зоир Дж.М., Шарифзода Ф.Р. О вкладе выдающихся российских юристов Виктора Петровича Сальникова и Сергея Ивановича Захарцева в оперативно-розыскную науку // Труды Акад. МВД Республики Таджикистан. 2020. № 2 (46). С. 6–15.

21. Раянов Ф.М., Галиев Ф.Х. Фундаментальная философская книга о праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова, В.П. Сальникова «Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М.: Юрлитинформ, 2019. 376 с.» // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 2. С. 177–182.

22. Романовская В.Б., Минеева Т.Г., Сальников С.П. Новое исследование в области философии права. Рецензия на монографию «Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.» // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 1. С. 185–193.

23. Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Рецензия на книгу С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. 2015. № 9. С. 203–209.

24. Захарцев С.И., Сальников В.П. Как познать право? Мы предлагаем компрехендный подход // Правовое поле современной экономики. 2015. № 9. С. 17–30.

25. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права: ответы на вопросы // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 9. С. 19–24.

26. Захарцев С.И., Сальников В.П. Лев Толстой еще об одной грани компрехендной теории познания права // Мир политики и социологии. 2019. № 6. С. 168–177.

27. Захарцев С.И., Сальников В.П. О заблуждениях в понимании права и важности компрехендного подхода для его познания // Правовое поле современной экономики. 2016. № 5. С. 83–88.

28. Захарцев С.И., Сальников В.П. О противоречивости права в контексте компрехендной теории // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 10. С. 31–34.

29. Захарцев С.И., Сальников В.П. Познание права через компрехендный подход с помощью афоризмов // Вестник Ин-та права Башкирск. гос. ун-та. 2020. № 1 (5). С. 5–12.

30. Захарцев С.И., Сальников В.П. Программирование жизни общества и отдельных людей как грань права в контексте компрехендной доктрины // Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 189–194.

31. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 2 (40). С. 14–22.

32. Захарцев С.И., Сальников В.П. Диссертационные советы и диссертации по юридическим наукам: некоторые размышления о научных коллективах и качестве их деятельности // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 12. С. 115–132.

33. Клеандров М.И. Кандидатская диссертация юриста: первые шаги исследователя : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Акад. правовой ун-т, 2004. 192 с.

34. Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М. : Норма, 1999. 496 с.

Дата поступления: 04.05.2021

GALIEV Farit Khatipovich

*Doctor of Law, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia.
E-mail: galievfarkhat@mail.ru*

ISMAGILOV Rashid Faatovich

*Doctor of Law, Professor, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia.
E-mail: filippova@lotpp.ru*

SAL'NIKOV Mikhail Viktorovich

*Doctor of Law, Professor, President of the Foundation for Promotion of Science and Education in the Area of Law Enforcement Activities, St. Petersburg, Russia.
E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru*

URRENT PROBLEMS OF THE SCIENCE OF LAW

Review-reflection of the monograph by S.I. Zakhartsev

«Law: New Ideas and Readings. Moscow, Yurlitinform Publ., 2021. 440 p. »

The review analyzes the book by S.I. Zakhartsev «Law: New Ideas and Readings». **Purpose:** to analyze S.I. Zakhartsev's views on the comprehensive theory of law proposed by him in the monograph as well as other scientific issues put forward by the researcher. **Methods:** in the analysis of this study, empirical methods of description, comparison, interpretation, formal and dialectical logic are used. **Results:** the reviewers conclude that the work is relevant and useful to a wide range of specialists: professors, teachers, scientists, practitioners and applicants.

Keywords: legal science; law; scientific problems; ideas; proposals; comprehensive approach.

References

1. Zakhartsev S.I. *Pravo: novye idei i prochteniya* [Law: new ideas and readings]. Moscow, YUrlitinform Publ., 2021. 440 p.
2. Zakhartsev S.I.; Sal'nikov V.P. (ed.). *Nekotorye problemy teorii i filosofii prava* [Some problems of theory and philosophy of law]. Moscow, Norma Publ., 2014. 208 p.
3. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. *Filosofiya i yuridicheskaya nauka* [Philosophy and Legal Science]. Moscow, YUrlitinform Publ., 2019. 424 p.
4. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. *Filosofiya. Filosofiya prava. YUridicheskaya nauka* [Philosophy. Philosophy of Law. Legal Science]. Moscow, YUrlitinform Publ., 2015. 264 p.
5. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. *Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoevskij. K voprosu o spekulativno-logicheskikh osnovaniyakh metafiziki prava* [Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the issue of the speculative logical foundations of metaphysics of law]. Moscow, YUrlitinform Publ., 2019. 376 p.
6. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. *The Philosophy of Law and Legal Science*. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publ., 2018. 270 p.
7. Antonov I.A., Kondrat I.N., Chislov A.I., Shakhmatov A.V. Criminal procedure and operational investigative activities are unambiguously equally legal sciences. On the contribution of Professor S.I. Zakhartsev in the formation of legal operational investigative activities. *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2019, no. 7, pp. 175–184. (In Russian).
8. Baranov V.M. Russian book on philosophy of law and jurisprudence in English language. Review-presentation of the monograph by S.I. Zahartsev and V.P. Salnikov (*The Philosophy of Law and Legal Science*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.). *YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 1 (41), pp. 304–307. (In Russian).
9. Baranov V.M., Baranova M.V. Moral and legal problems of the idea of freedom in the focus of classical and non-classical philosophy of law. Review of the monograph «The Idea of freedom. Right. Moral (classical and post-classical philosophy of law)» (ed. by S.I. Zakhartsev). Moscow: Yurlitinform Publ., 2020. 288 p.). *YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal science and Practice: Journal of*

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020, no. 4 (52), pp. 159–162. (In Russian).

10. Borzova E.P., Pokrovsky I.F. Wonderful publication in Cambridge of a unique book. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov «Philosophy. Philosophy of law. Legal science» (Moscow: Yurlitinform, 2015. 264 p) and its translation: (Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018). *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2018, no. 2, pp. 188–192. (In Russian).

11. Galiev F.Kh., Rayanov F.M. When writing a review is not only pleasant but honorable. On the book by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov «The Philosophy of Law and Legal Science», translated into English and published in Cambridge: S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. – 270 p. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2018, vol. 2, no. 52, pp. 206–208. (In Russian).

12. Zagoruiko K.F. 2015.01.004. Zakhartsev S.I. Some problems of theory and philosophy of law / ed. V.P. Salnikov. – M.: Norma, 2014. – 207 p. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya: Gosudarstvo i pravo = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series: State and Law*, 2015, no. 1, pp. 21–24. (In Russian).

13. Kerimov D.A. In the Development of discussion concerning philosophy and law. Review of the monograph of Zakhartsev S.I. and Sal'nikov V.P. «Philosophy. Law Philosophy. Jurisprudence» – M.: Yurlitinform, 2015. – 264 p. *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki = Legal Framework of Modern Economics*, 2015, no. 1, pp. 78–85. (In Russian).

14. Kerimova T.V. Classical monographs on philosophy and law. Review of the monograph by S.I. Zahartsev and V.P. Sal'nikov «Philosophy. Philosophy of Law. Jurisprudence». M.: Yurlitinform, 2015. 264 p. *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2016, no. 5, pp. 168–172. (In Russian).

15. Komarov S.A., Khabibulin A.G. New work of Petersburg scientists on the philosophy of law. *Teoriya gosudarstva i prava = Theory of State and Law*, 2020, no. 1 (17), pp. 193–208. (In Russian).

16. Kuznetsov E.V., Maslennikov D.V., Pokrovsky I.F., Ekimov A.I. English version of the Russian edition: S.I. Zakhartsev, V.P. Sal'nikov. The Philosophy of Law and Legal Science. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2018, no. 9, pp. 191–194. (In Russian).

17. Maslennikov D.V., Guk A.I., Chislov A.I. S. Zakhartsev's philosophical and legal writings: from the origin to the future of law. *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2016, no. 4, pp. 194–200. (In Russian).

18. Pokrovsky I.F., Guk A.I. When philosophy and law together again. Review of the monograph of Zakhartsev S.I. under the title «Some problems of law theory and law philosophy» / under edition of Sal'nikov V.P. – M.: Norma, 2014. – 208 p. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2015, no. 7, pp. 184–190. (In Russian).

19. Pokrovsky I.F., Ismagilov R.F., Guk A.I. Indeed, philosophy and law together again in the study of modern scientific thinkers. Some ideas about the review by D.A. Kerimov and monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov «Philosophy. Philosophy of Law. Jurisprudence» – M.: Yurlitinform, 2015. – 264 p. *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal science: History and the Presence*, 2015, no. 9, pp. 196–200. (In Russian).

20. Rahimzoda R.H., Zoir Dzh.M., Sharifzoda F.R. On the contribution of prominent Russian lawyers Viktor Petrovich Salnikov and Sergey Ivanovich Zakhartsev to operational and investigative science. *Trudy Akademii MVD Respubliki Tadzhikistan = Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan*, 2020, no. 2 (46), pp. 6–15. (In Russian).

21. Rayanov F.M., Galiev F.Kh. The fundamental philosophical book on law. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev, D.V. Maslennikov and V.P. Salnikov «Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the issue of the speculative logical foundations of metaphysics of law. Moscow: Yurlitinform, 2019. 376 p.». *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2019, no. 2, pp. 177–182. (In Russian).

22. Romanovskaya V.B., Mineeva T.G., Sal'nikov S.P. A new study in the philosophy of law. Review of the monograph «The Idea of Freedom. Right. Moral (classical and post-classical philosophy of law): Monograph / Under Ed. of Doct. S.I. Sakhartsev. – M.: Yurlitinform, 2020. 288 s.». *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2020, no. 1, pp. 185–193. (In Russian).

23. Khabibulin A.G., Mursalimov K.R. Review of the book by S.I. Zakhartsev «Some problems of theory and philosophy of law» / Ed. V.P. Sal'nikov. – M.: Norma, 2014. – 208 p. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2015, no. 9, pp. 203–209. (In Russian).

24. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. How to know the law? We offer a comprehensive approach. *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki = Legal Framework of Modern Economics*, 2015, no. 9, pp. 17–30. (In Russian).

25. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Comprehensive theory of law: questions and answers. *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2016, no. 9, pp. 19–24. (In Russian).

26. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Lev Tolstoy on another facet of the comprehensive theory of knowledge of law. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2019, no. 6, pp. 168–177. (In Russian).

27. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. On misconceptions in the understanding of law and the importance of a comprehensive approach for its knowledge. *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki = Legal Framework of Modern Economics*, 2016, no. 5, pp. 83–88. (In Russian).

28. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. About contradictory of law in the context of comprehensive theory of law. *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2016, no. 10, pp. 31–34. (In Russian).

29. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Knowledge of the law through a comprehensive approach using aphorisms. *Vestnik Instituta prava Bashkirs-kogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2020, no. 1 (5), pp. 5–12. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2020.5.1. (In Russian).

30. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Programming the life of society and individuals as a facet of law in the context of the comprehensive doctrine. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2019, no. 7, pp. 189–194. (In Russian).

31. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. What is law? Questions of ontology and epistemology. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2015, no. 2 (40), pp. 14–22. (In Russian).

32. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Dissertation councils and dissertations in legal sciences: some reflections on research teams and the quality of their activities. *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2019, no. 12, pp. 115–132. (In Russian).

33. Kleandrov M.I. *Kandidatskaya dissertaciya yurista: pervye shagi issledovatelya* [Candidate's thesis in law: the first steps of a researcher]. 2nd ed. Moscow, Academic Law Institute Publ., 2004. 192 p.

34. Belkin R.S. *Istoriya otechestvennoj kriminalistiki* [History of Russian forensic science]. Moscow, Norma Publ., 1999. 496 p.

Received: 04.05.2021

ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ

CONFERENCE REVIEWS

УДК 342

DOI 10.33184/pravgos-2021.2.19

ГАЛИЕВ Фарит Хатипович

доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия.

E-mail: galievfarkhat@mail.ru

ГАЗИЗОВА Лейсан Махмутовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия.

E-mail: lmgazizova@mail.ru

ЯМАЛЕТДИНОВА Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия.

E-mail: fnv80-80@mail.ru

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

18 мая 2021 г. в Уфе состоялась Международная научно-практическая конференция «Правовое государство в современном мире». Она была организована Институтом права Башкирского государственного университета, Башкортостанским отделением ассоциации юристов России, Межрегиональной ассоциацией теоретиков государства и права, Башкортостанским региональным отделением партии «Единая Россия» и Башкортостанским региональным отделением «Общероссийского народного фронта».

Программа конференции предполагала следующие тематические направления для обсуждения:

- теория и практика формирования правового государства в современном мире;
- неразрешенные типологические проблемы правового государства;
- государственно-частное и государственно-общественное партнерство: теория и практика;
- политические и правовые идеи Нового времени;
- развитие принципов правового государства в современных условиях;
- Российская Федерация как правовое государство: конституционный статус России и проблемы его реализации;
- гражданское общество в России: исторические корни и современные тенденции;
- гражданское общество и правовое государство: соотношение понятий;
- правовое государство и общественное сознание.

К участию в работе конференции были приглашены научные сотрудники, преподаватели, молодые ученые, аспиранты, докторанты, представители адвокатских и правозащитных организаций, правоохранительных органов, общественных объединений, работники всех ветвей власти и управления.

Пленарное заседание началось с приветствия участников конференции директором Института права Башкирского государственного университета кандидатом юридических наук, доцентом, главным редактором журнала «Правовое государство: теория и практика» **Р.И. Зайнуллиным** (Уфа, Россия).

Право первого выступления было предоставлено известному не только в нашей стране, но и за рубежом своими работами, посвященными проблемам правового государства, доктору юридических наук, профессору, главному научному сотруднику Башкирского государственного университета, члену-корреспонденту Академии наук РБ **Ф.М. Раянову** (Уфа, Россия). Главное внимание он уделил вопросу об опорных институтах науки теории государства и права, проблеме полного переосмысления исторически сложившихся в нашей стране методологических подходов к изучению институтов гражданского общества и правового государства в соответствии с ценностями Нового времени. Ф.М. Раянов говорил о том, что понятие «правовое государство», употребляемое, в том числе, и в нашей Конституции, – это типологическое обобщающее

понятие. Оно в элементарно-составляющем плане одновременно обобщает многие другие обществоведческие институты. По мнению ученого, правовое государство не может быть таковым без наличия в обществе этих институтов.

Ф.М. Раянов сказал о том, что в отечественной теоретической правовой науке до сих пор не разобрались не только с природой и сущностью правового государства, но и с природой и сущностью всех элементов, без которых правового государства просто не может быть. Поэтому речь нужно вести о фундаментальном научном переосмыслении всей отечественной теории государства и права с позиции ценностей Нового времени.

Под фундаментальным научным подходом в обществоведении, прежде всего, понимается принцип историзма, то есть осмысление общественного явления с точки зрения того, как и при каких условиях то или иное явление появилось, какие этапы в своем развитии прошло и каковым оно стало теперь. Если так подходить к истории организации общественной жизни людей, можно сделать вывод, что наша страна еще никогда не организовывала и даже объективно не смогла организовать свою общественно-политическую жизнь на основе ценностей Нового времени. До 1917 г. она организовывала общественную жизнь россиян на основе самодержавно-православных ценностей, а после победы социалистической революции – на основе коммунистических идей в трактовке марксистско-ленинской теории.

Ф.М. Раянов подчеркнул, что основные положения Нового времени сводятся к тому, что человек, его права и свободы рассматриваются как высшая ценность, а государство – организованный народ, объединенный в единое гражданское общество, – как единственный источник права и власти. Эти фундаментальные положения Нового времени отечественная теоретическая правовая наука как досоветского, так и постсоветского периодов, сказал Ф.М. Раянов, до сих пор всесторонне не осмыслила.

Между тем институты гражданского общества и правового государства во всем цивилизованном мире рассматриваются как основные во всей современной теории общественного развития. Не социальные вопросы, даже не экономика, а именно успешное функционирование институтов гражданского общества и правового государства в современном мире выходит на первый план. То есть если не функционируют подлинные институты гражданского общества и правового государства,

то в этом обществе будет плохо не только с экономикой, но и со всевозможными социальными благами.

Мы исходим из положения о том, сказал в своем выступлении Ф.М. Раянов, что в соответствии с ценностями Нового времени государство может быть только правовым. Внеправовое государство не может в современном мире оптимально обеспечивать развитие общества. Именно поэтому мы и предлагаем переосмыслить отечественную теоретическую правовую науку с принципиально новых позиций. Мы считаем, что отечественная теоретическая правовая наука исторически основывалась на глубоком гегелевском мировоззрении. Она и сегодня остается на этих позициях. Между тем в развитых странах начиная с Нового времени гегелевское мировоззрение коренным образом переосмыслилось. Современные развитые страны восприняли англосаксонскую модель государственности, и благодаря именно этому обстоятельству в Индексе человеческого развития они занимают высокие места. Поэтому и нашей стране, с учетом мирового опыта, необходимо обращать серьезное внимание на исследование проблем гражданского общества и правового государства.

Ф.М. Раянову было задано множество вопросов, касающихся различных аспектов современной теории и практики становления и функционирования правового государства, ответы на которые сделали конференцию интересной и содержательной.

Далее с докладом на тему «Политическая субъектность государства: новые вызовы» выступил доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансовых и экономических исследований Высшей школы государственного аудита МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный юрист Республики Башкортостан **А.Г. Хабибуллин** (Москва, Россия).

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета **А.С. Шабуров** (Екатеринбург, Россия) заострил внимание на основных проблемах формирования подлинного правового государства в современной России.

Участники и гости конференции с большим интересом слушали выступление доктора юридических наук, профессора, профессора кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского Юридического института, президента Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права **С.А. Комарова** (Москва, Россия), в ко-

тором он обратил пристальное внимание на взгляды императрицы Екатерины II на правовую составляющую российского общества.

С политико-правовым анализом теории правового государства выступил доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета **Н.Н. Арзамаскин** (Ульяновск, Россия).

Свой доклад доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России **В.К. Самигуллин** (Уфа, Россия) посвятил обоснованию связанности государства правом.

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права, почетный работник высшего профессионального образования РФ **Н.И. Полищук** (Рязань, Россия) привлек внимание участников и гостей конференции тем, что первоосновой правового государства назвал юридическое право, чем вызвал бурную дискуссию, в которой участвовали почти все присутствующие.

Свое выступление сопредседатель Башкортостанского регионального отделения общественного движения «Общероссийский народный фронт» **Н.Н. Крылова** (Уфа, Россия) посвятила особенностям деятельности общественных организаций в процессе укрепления основ гражданского общества и правового государства в современной России.

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета **А.Н. Тимонин** (Уфа, Россия) выступил с докладом о специфике англо-американской колониальной идеологии.

Участники и гости конференции с неподдельным интересом слушали выступление кандидата юридических наук, доцента кафедры теории и истории государства и права и международного права Юридического института Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королёва, председателя Самарского регионального отделения Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права **М.Ю. Спирина** (Самара, Россия), в котором он проанализировал современные источники формирования и формы закрепления идеи правового государства.

Правовым учениям Нового времени посвятил свое выступление кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета **М.Н. Рудман** (Уфа, Россия).

В работе конференции приняли участие и прислали свои научные работы исследователи проблем, связанных с формированием и совершенствованием правового государства, из России, Беларуси, Казахстана, Люксембурга, Таджикистана, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, Иркутска, Оренбурга, Орла, Перми, Рязани, Самары, Соснового Бора, Стерлитамака, Тольятти, Ульяновска, Уфы: доктор юридических наук, профессор, руководитель Аппарата Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ **Г.М. Азнагулова** (Москва, Россия), старший оперуполномоченный по особо важным делам 1-го отдела Оперативно-розыскной части № 6 ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, адъюнкт кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России **А.С. Алексанин** (Санкт-Петербург, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Председатель Следственного комитета РФ **А.И. Бастрыкин** (Москва, Россия), кандидат юридических наук, сотрудник администрации Сосновоборского городского округа **К.В. Безроднова** (Сосновый Бор, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана **И.Х. Бободжонзода** (Душанбе, Таджикистан), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета, заслуженный юрист РФ **Н.А. Боброва** (Тольятти, Россия), доктор философских наук, профессор, ректор Русской христианской гуманитарной академии **Д.К. Богатырев** (Санкт-Петербург, Россия), кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Пермского института ФСИИ России **Е.А. Брылева** (Пермь, Россия), кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета **А.В. Васильев** (Уфа, Россия), консультант НКО «Защита», аспирант Тольяттинского государственного университета **М.А. Власова** (Тольятти, Россия), кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета **Л.М. Газизова** (Уфа, Россия), доктор юридических наук, исполняющий обязанности заведующего кафедрой теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, председатель Башкортостанского регионального отделения Межрегиональной ассоциации тео-

ретиков государства и права, главный редактор журнала «Вестник Института права Башкирского государственного университета» **Ф.Х. Галиев** (Уфа, Россия), начальник отдела управы Таганского района Центрального административного округа г. Москвы **А.О. Гаранин** (Москва, Россия), следователь Следственного отдела Отдела МВД России по району Южное Тушино **А.М. Гвай** (Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук РБ, Председатель Конституционного Суда РБ **З.И. Еникеев** (Уфа, Россия), доктор юридических наук, академик РАЕН, заведующий кафедрой адвокатуры и правоохранительной деятельности Российского государственного социологического университета **С.И. Захарцев** (Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, государственный советник юстиции 1-го класса, генерал-майор милиции, главный научный сотрудник Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана **Дж.М. Зоир Джурахон** (Душанбе, Таджикистан), кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета **М.Г. Зубаиров** (Уфа, Россия), адвокат Коллегии адвокатов «Санкт-Петербургская Адвокатская Коллегия Нарышкиных» **Н.В. Зорина** (Санкт-Петербург, Россия), студентка Института права Башкирского государственного университета **Р.М. Ильбаева** (Уфа, Россия), кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права, истории права и международного права Российского университета транспорта **Д.В. Ирошников** (Москва, Россия), юрист по корпоративному праву компании Eurasian Resources Group **И.Р. Исмагилов** (Люксембург), доктор юридических наук, профессор, профессор Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ **Р.Ф. Исмагилов** (Санкт-Петербург, Россия), сотрудник факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова **О.А. Клименко** (Орел, Россия), младший научный сотрудник Института экономики Национальной академии наук Беларуси **М.П. Курилович** (Минск, Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент, ответственный секретарь журнала «Правовое государство: теория и практика» **Н.С. Латыпова** (Уфа, Россия), студент 3 курса Института права Башкирского государственного университета **В.Е. Лапук** (Уфа, Россия), судья Московского городского арбитражного суда **О.Ю. Лежнева** (Москва, Россия), студент Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ **Д.А. Макаров** (Иркутск, Россия), аспирант Санкт-Петербургского Юридического института **А.А. Максимов**

(Санкт-Петербург, Россия), доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе Русской христианской гуманитарной академии **Д.В. Масленников** (Санкт-Петербург, Россия), заместитель генерального директора «Лидер и К» **А.И. Морозов** (Санкт-Петербург, Россия), магистр юридических наук, аспирант кафедры экологического и аграрного права Белорусского государственного университета **А.И. Михайлова** (Минск, Республика Беларусь), аспирант Института права Башкирского государственного университета **Л.С. Мустафина** (Уфа, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, заслуженный работник высшей школы РФ **В.П. Очередыко** (Санкт-Петербург, Россия), кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия **О.В. Очередыко** (Санкт-Петербург, Россия), заместитель генерального директора ООО «Лидер Консалт Право» **П.А. Петров** (Санкт-Петербург, Россия), кандидат юридических наук, проректор по экономике и стратегическому развитию Оренбургского государственного университета **К.Г. Прокофьев** (Оренбург, Россия), доктор юридических наук, профессор, главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», советник ректората Русской христианской гуманитарной академии, академик РАЕН **В.П. Сальников** (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, президент Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», академик РАЕН **М.В. Сальников** (Санкт-Петербург, Россия), студент 3 курса Института права Башкирского государственного университета **И.Ф. Сафиуллин** (Уфа, Россия), кандидат исторических наук, доцент, преподаватель Уфимского колледжа статистики, информатики и вычислительной техники **А.Х. Султанов** (Уфа, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва **Ш.В. Тлепина** (Нур-Султан, Республика Казахстан), кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета **Е.О. Тулупова** (Уфа, Россия), доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета **Р.М. Усманова** (Стерлитамак, Россия), кандидат юридических наук, доцент Белорусского государственного университета **О.А. Хотько** (Минск, Республика Беларусь), генеральный директор

«Компания «Русское дело» **Ф.О. Чудин-Курган** (Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Таджикского национального университета **Р.Ш. Шарофзода** (Душанбе, Таджикистан), магистрант Института права Башкирского государственного университета **Н.Е. Шашев** (Уфа, Россия), магистрант Института права Башкирского государственного университета **Р.Д. Юрмашев** (Уфа, Россия), кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета **Н.В. Ямалетдинова** (Уфа, Россия).

Материалы конференции будут опубликованы в виде сборника докладов «Правовое государство в современном мире».

**Приглашаем Вас к сотрудничеству с журналом
«ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»**

Цель журнала – консолидировать усилия общественности для решения актуальных проблем в области формирования правового государства.

Основные задачи журнала:

- публикация материалов, посвященных актуальным проблемам государственного строительства, вопросам реформирования правовой системы, законотворческой деятельности, развития парламентаризма, институтов гражданского общества;
- обсуждение проблем повышения эффективности научных исследований в области права, мобилизация усилий научных коллективов на разработку проблем совершенствования государственно-правовой и судебной систем, повышения правовой грамотности населения;
- организация обсуждений проектов нормативно-правовых документов и существующих в российском законодательстве проблем;
- освещение опыта зарубежных стран по совершенствованию законотворческой деятельности и правоприменительной практики, актуальных проблем развития международного права в условиях глобализации.

**ПЕРЕЧЕНЬ ТРЕБОВАНИЙ И УСЛОВИЙ ЖУРНАЛА
«Правовое государство: теория и практика» для публикации статей**

1. Тематика и география. Редакция журнала «Правовое государство: теория и практика» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук в области государства и права и юридических наук. Представленные статьи должны быть оригинальными, не опубликованными ранее в других печатных изданиях. Статьи должны быть актуальными, обладать новизной, содержать выводы исследования, а также соответствовать указанным ниже требованиям к оформлению. Журнал принимает к публикации статьи на русском и английском языках. География авторов журнала охватывает как российских авторов, так и иностранных.

2. Порядок подачи статей. Для подачи статьи автору необходимо пройти электронную регистрацию на сайте журнала и направить научную статью путем подачи заявки через сайт журнала. Файл, представляемый в редакцию в электронном виде и размещенный на сайте журнала, должен быть поименован по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov.doc). Количество авторов одной статьи не более 3-х человек.

3. Общие требования к оформлению авторских материалов. При наборе текста необходимо использовать шрифт «Times New Roman». Межстрочный интервал – полуторный, цвет шрифта – черный, размер шрифта основного текста – 14, сноска – 12, размер всех полей – 20 мм. Абзац – 1,25 мм. Нумерация страниц внизу от центра. Недопустимо выделение отдельных элементов текста курсивом, полужирным курсивом, полужирным прямым. Приоритет в публикации имеют авторы, использовавшие в исследовании иностранные источники и источники из изданий, индексированных в базах данных Web of Science и Scopus.

4. Объем и структура статьи. Рекомендованный объем статьи – от 20–30 тыс. знаков с пробелами (приблизительно от 12 стр.). Статья должна состоять из введения, основ-

ной части и заключения, а также содержать библиографический список (не менее 10 источников). Все поступающие в редакцию Журнала рукописи проверяются техническим секретарем на уникальность с помощью системы «Антиплагиат». Редакция оставляет за собой право не публиковать статьи с уникальностью текста менее 70 %. При подаче статьи автору необходимо подтвердить, что статья не была опубликована или не была принята к публикации в другом научном журнале. Журнал не допускает множественных публикаций, дублирующих уже опубликованные статьи автора.

5. Заголовок статьи набирается СТРОЧНЫМИ (маленькими) буквами жирным шрифтом и форматируется по центру. Перед заголовком слева указывается УДК, под заголовком – Ф.И.О. автора, ученая степень, ученое звание, должность, название вуза, город, страна, информация о статьях автора в БД «Scopus» или БД «Web of Science» (при наличии) путем указания DOI таких статей, адрес электронной почты автора.

Англоязычный перевод заглавия статьи, сведений об авторе, аннотации и ключевых слов приводятся в конце статьи после библиографического списка.

6. Аннотация и ключевые слова. Объем аннотации на русском языке должен составлять не менее 100 и не более 250 слов. Аннотация обязательно должна содержать разделы: вводную часть, ЦЕЛИ, МЕТОДЫ исследования, основные ВЫВОДЫ.

Необходимое количество ключевых слов (словосочетаний) – 6–10. Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой.

7. Требования к библиографическому списку. Библиографический список должен быть построен В ПОРЯДКЕ УПОМИНАНИЯ ИСТОЧНИКОВ В ТЕКСТЕ. В нем указываются только научные источники: научные статьи, монографии, диссертации, авторефераты диссертаций, научные комментарии, учебная литература, электронные ресурсы и т. д. Ссылки на нормативно-правовые акты и судебно-арбитражную практику помещаются в текст научной статьи в качестве постраничных сносок, в библиографическом списке не указываются. В библиографическом списке желательно наличие иностранных источников, реально используемых при написании научной статьи.

8. Правила оформления таблиц и иллюстраций. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические заголовки. Иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать без полутонов. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты (в этом случае иллюстрации могут быть как созданные средствами Microsoft Office, так и представлены как графические объекты) либо отдельными файлами с расширением .TIFF и .JPG с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название.

Подписка на журнал возможна с любого месяца

Все права защищены и охраняются Законом Российской Федерации «Об авторском праве». Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другим без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Редакция сохраняет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Автор может претендовать на вознаграждение в виде одного бесплатного авторского экземпляра журнала при условии указания им своего адреса.

[12+]

Периодическое печатное издание (журнал):

«Правовое государство: теория и практика» № 2 (64) 2021.

Учредитель Башкирский государственный университет

Главный редактор Р.И. Зайнуллин

Регистрирующий орган Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г.

Адрес издателя и редакции: 450005, Российская Федерация, РБ, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131. Тел. (347) 228-83-51, e-mail niirpg@mail.ru; сайт <http://pravgos.ru>.

Подписной индекс в объединенном каталоге

«Газеты. Журналы» (Роспечать): 81192

Подписан в печать 12.07.2021 г. Вышел в свет 23.07.2021 г.
Бумага писчая. Формат 70x100/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 19,8. Уч. изд. л. 12,5. Тираж 500. Заказ 221.
Свободная цена.

Отпечатано в редакционно-издательском центре
Башкирского государственного университета
450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, физ-мат. корпус, каб. 327.